

Рудольф Штейнер

GA 275

Искусство в свете мудрости мистерий

*Восемь лекций, прочитанных в Дорнахе
с 28 декабря 1914 г по 4 января 1915 г*

перевод с немецкого А. Демидов

СОДЕРЖАНИЕ

Первая лекция, Дорнах, 28 декабря 1914

Техника и искусство

Укрепляющее воздействие духовной науки по отношению к вредным влияниям современной жизни. Влияние современной техники на волевою и эмоциональную жизнь. Формирование современной техники в два этапа: разрушение природных связей и, тем самым изгнание природных духов, и создание новых связей в соответствии с законами природы вследствие внедрения ариманических духов. Отступление перед современной жизнью как спиритуальная трусость. Активное само переживание в духовнонаучных идеях. Соприкосновение человека с искусством и техникой подобно качанию маятника между люциферической и ариманической духовностью. Переживание элементарной духовности в речи до 15 столетия. Необходимость обновления искусства: здание в Дорнахе как начало. Введение пластически-образного элемента в музыкальное переживание.

Вторая лекция

29 декабря 1914

Преобразующие импульсы для художественной эволюции человечества (1)

Отношение отдельных искусств к существу человека. Строительное искусство. Взаимная игра сущностных членов. Посылка импульсов представления «я» и астрального тела с помощью Ангелов. Архитектура: закономерности физического тела, перенесенные в пространство; скульптура: как законы эфирного тела преобразуются в физическое; живопись: как законы астрального преобразуются в эфирные; музыка: погружения «я» в астральное тело; поэзия: Самодух, погруженный в «я»; эвритмия: Жизнедух, погруженный в Самодух. Семиричность отдельных сущностных членов,

отображенная в астральном теле. Соотношение между семью членами астрального тела и интервалами. Астральный человек как музыкальный инструмент. Земная музыка как отображение небесной музыки сфер. Ударные слоги. Переживание «я» в музыке и в поэзии. Необходимость воплощения в жизнь духовнонаучных идей.

Третья лекция

30 декабря 1914

Преобразующие импульсы для художественной эволюции человечества (2)

Две области духовной науки: описание космических связей и отображение определенной градации душевных переживаний на пути инициации. Погружение себя в более ранние ступени бытия Земли в художественном созидании и созерцании их: архитектура - бытие (древнего) Сатурна, скульптура - бытие (древнего) Солнца, живопись - бытие (древней) Луны. Две стороны пути инициации: духовное переживание бытия и субъективные состояния души. Музыка, как внешний образ переживания инициации; её связь с бытием Юпитера. Сущность (древне)греческой скульптуры на примере Венеры Милосской; грек как человек Солнца. Общение с ариманическим на примере здания в Дорнахе. Котельная как архитектурное строение ариманической культуры. Преодоление ариманического посредством выявления его во вне. Как описание пути инициации содействует инспирации от поэзии и музыки. Необходимость преобразования личных эмоций и воли в сверхличное посредством духовной науки.

Четвертая лекция

31 декабря 1914

Мировой Новый Год. Сновидческая песнь Олафа Эстесона.

Норвежская легенда об Олафе Эстесоне; погружение человека как микрокосма в Макрокосм благодаря совместной жизни с Духом Земли в течение Рождественского времени. Дословный текст легенды. Возобновление забытого древнего знания с помощью духовнонаучного мировоззрения. Погружение в элементы. О необходимости развивать благочестивое смирение и преданность по отношению к сущности древних откровений. Как пример: слова из Второй

Книги Моисеевой. Противоположность в восприятии мира чувственного и мира духовного. Утеря знания о трехчленности человека при вторжении материализма. Использование слов: «Свобода, равенство и братство» на поверхностных уровнях человеческих переживаний. Братство как идеал для физического мира, свобода как идеал для душевного мира, равенство - в духовной жизни. Олаф Эстесон как образ человечества, спящего в спиритуальном отношении.

Пятая лекция,

1 января 1915

Моральное переживание мира красок и звуков.

Пробуждение благочестивого страха с одной стороны, и силы внутренней «эволюции» с другой стороны, посредством понимания духовной науки. Как надо стремиться к созвучию между микрокосмом и Макрокосмом посредством чтения звездного письма, что отображено на примере положения Луны в Новогоднюю ночь. Путь к новому виду деятелей искусства. Морально-спиритуальное переживание чувственной видимости на примере цвета и звука: красное - божественный гнев. Формы как труд красок, как деятельность Элоимов; оранжевый - стремление к познанию внутреннего существа; желтый - жизнь в созидательных силах; зеленый - внутреннее усиление; синий - божественное милосердие. Прима - всасывание вверх со стороны спиритуального мира; секунда - звучание, противоположное сумме звуков; терция - движение дружественных тонов навстречу друг другу; кварта - различно окрашенные звуковые переживания; квинта - обогащение душевного переживания. Излучение спиритуальных сил в человека, изображенное на примере адвоката, упавшего в обморок. Искоренение космической неграмотности как задача духовной науки.

Шестая лекция

2 января 1915

Пластически-архитектурные образы (1)

Опустошающее воздействие естественной науки в противоположность обогащающему и оживляющему

воздействию духовной науки. Необходимость само переживания в вещах, отображенных на примере архитектоники. Равновесие между отягчающим и поддерживающим как равновесие между ариманическим и люциферическим. Развитие музыкального настроения в архитектонике. Здание в Дорнахе как попытка умиротворения искусства. Колонны и архитравы как телесное, купола как душевное, окна как духовное здания. Оплодотворение педагогики посредством духовной науки. Кармическое равновесие между ребенком и воспитателем: воздействие определенного посредством музыки будущего воспитателя на пластически сформированное прошлое ребенка. Люциферическое и ариманическое воспитание. Необходимость в старости оставаться юным на душевном уровне. Духовная наука как «элексир молодости».

Седьмая лекция

3 января 1915

Грядущее бытие Юпитера и его существа

Подготовка будущего человека Юпитера посредством нынешнего земного человека. Отношение внешней науки и духовной науки. Природное бытие и нравственный поступок человека. Влияние нравственных или безнравственных поступков на существ, формирующихся в выдохе человека: подготовка человека Юпитера или создание паразитических демонов, переселившихся с древней Луны. Воздействие этих ставших люциферическими демонов на человека в эмбриональном состоянии. Упорядочивание жизни благодаря духовнонаучному познанию: отмирание мысли при концентрации и невозмутимость по отношению к собственной судьбе. Два руководящих положения: («Добейся устремления мыслей в Космос». «Добейся воскресения судьбы в «я»). Существо духовной науки в формах здания в Дорнахе. Связь Христиана Моргенштерна со зданием. О внутреннем отношении к сообщениям духовной науки.

Восьмая лекция

4 января 1915

Пластически-архитектурные образы (2)

Архитектурный принцип котельной. Метаморфозы в костной системе. Двойной купол: котельная как происходящая в ариманическом метаморфоза. Желание не истолковывать формы, но внутренне сопутствовать им. Восприятие внешнего мира посредством восприятий рефлексии и зеркальных отражений того, что происходит в нашей крови и нервах. Возникновение пифического ясновидения посредством прослеживания нервных и кровеносных путей в процессе самонаслаждения собственным телом во время бодрственной жизни: возвращение к древней лунной эволюции. Возникновение пророческого ясновидения посредством погружения в кровеносные пути и нервные пути как алчный захват своего собственного тела снаружи во время сна. Новое ясновидение: захват костной системы и отдача высшим иерархиям. Светлые и темные стороны духовнонаучных стремлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первая лекция

Дорнах, 28 декабря 1914

Эти лекции, прочитанные здесь, были до сих пор, в сущности, предназначены для того, чтобы построить мост от духовнонаучного познания к такому пониманию жизни, которого требует наша современность, и я намерен также и в эти дни сделать некоторые пояснения на эту тему.

То, что мы называем современной жизнью, живо выступает навстречу тем людям, которые, скажем, вследствие жизни в городе или жизни связанной с городом отрезаны от непосредственной связи с природой. Мы знаем, что люди при наступлении этой современной жизни всегда думали о значении этой современной жизни для всего как материального, так и для духовного поступательного культурного развития человечества. В эту современную жизнь должно было влиться то, что мы ощущаем как,

приходящие к нам из духовной науки импульсы. Мы будем постепенно возвращать в себе чувство, что по отношению ко многому, что выступает нам навстречу из современной жизни, духовная наука необходима в качестве своего рода противовеса, компенсации к тому, что содержит в себе современная жизнь как депрессивное, можно даже сказать разрушительное начало, по отношению к всеобщим духовно-божественным жизненным силам человека.

Если тот, кто в состоянии принимать в свои жизненные связи начальную стадию, можно сказать, инициативной жизни современной культуры, действительно позволит этой инициативной жизни действовать на себя, он сможет получить опыт, касающийся значения современной жизни для жизни человека в целом, опыт, который может оказаться куда более поучительным, чем опыт, полученный посредством внешнего, не затронутого спиритуальностью, наблюдения этой жизни. Тот, кто, так сказать, сделал первые шаги в инициативной жизни, иначе переживет опыт, который может быть получен, если мы проводим ночь в железнодорожном вагоне или на пароходе, особенно если мы спим в этом железнодорожном вагоне или на пароходе. Различие, возникающее тут между стоящими в начальной стадии инициативной жизни, и теми, кто никоим образом не связан с этой инициативной жизнью, состоит в том, что у первых может возникнуть осознанное переживание: он учится познавать, что, собственно, происходит с ним, если он проводит ночь, на пароходе или в железнодорожном поезде, особенно в спящем виде. Влияние, которое оказывается на весь человеческий организм от такого переживания, испытывает, несомненно, и тот, кто знакомится с этими вещами без посредства инициации, и другой, кто учится узнавать об этих влияниях при посредстве инициации. В смысле общего воздействия на человеческую природу тут, конечно, нет никакой разницы.

Если мы хотим понять, что, в сущности, имеется в виду под этими объяснениями, то нам следует вызвать в памяти одну, безусловно известную нам из духовной науки истину, а именно ту, что когда мы спим, мы с нашим «я» и астральным телом находимся вне нашего физического и эфирного тела. Фактически мы вследствие известных ограничений, естественным образом налагаемых на нас космическими законами, находимся в таком случае, - с нашим «я» и астральным телом, - в непосредственной близости от нашего

физического и эфирного тела. Так что когда мы едем по железной дороге и спим, мы с нашим «я» и астральным телом в сущности, находимся целиком внутри всего того гула, грохота и шума, связанного с колёсами и механизмами ит.п. поезда. То же самое происходит на современном пароходе. Мы находимся внутри всего, что там происходит вокруг нас. Мы внедрены внутрь всего этого, отнюдь не музыкального окружения, переживаем его, и надо всего лишь проделать самые первые шаги инициации, чтобы при пробуждении заметить, как в возвратившихся в физическое и эфирное тело «я» и астральном теле принесено то, что они пережили в состоянии сдавленности из-за механизмов, в которые они действительно были внедрены, и через которые они проходили в момент перед пробуждением.

Все эти дисгармонические сжатия и дёрганья человек берёт с собой в физическое и эфирное тело; тот, кто когда-либо пробуждался с отзвуками того, что пароход или железнодорожный состав своими механизмами устроили в его «я» и в его астральном теле, тот, кто внес это в своё дневное бодрствующее сознание, тот замечает, как мало согласуется то, что он принес с собой с тем, что протекает внутри человека, как своего рода переживание «я» и астрального тела, вызванные внутренними закономерностями физического и эфирного тела. Фактически он вносит внутрь осенний беспорядок, ужасную бурю, подергивание, расплющивание и лязг, и это фактически действует на эфирное тело так, - если человек тонко ощущает такие вещи, - как если бы его с физическим телом, - нечто другое действует на эфирное тело, - расплющивали и раздробляли; это, конечно, только сравнение, но вы поймёте меня правильно. В этом состоят совершенно необходимые явления, сопутствующие современной жизни; и мне хотелось бы заранее сделать одно замечание, так сказать, упреждающее замечание, ибо такое изложение, которое я задумал сегодня, могло бы с легкостью вызвать то, что я мог бы назвать скрытым теософским высокомерием, неким известным скрытым высокомерием, обильно расцветающим тут и там.

Само собой разумеется, я говорю это без каких-либо, хотя бы общих, не говоря уже о специальных, намеков, ибо если человек излагает нечто подобное тому, что будет изложено сегодня, это немедленно вызывает суждения. Я считаю, что ввиду указаний на высокомерие теософов, легко может

случиться так, что скажут: тут я должен как следует защитить себя, чтобы не подвергать свою собственную телесность этим разрушительным силам, тут я как следует должен защититься от всех влияний современной жизни, тут я должен прекрасным образом закрыться в камерке с правильным окружением, со стенами, покрашенными по советам теософов, так, чтобы меня не коснулось ничто из того, что соприкасается с моей телесной организацией, замкнуться от всего, что несет современная жизнь.

Мне поистине не хотелось бы своим изложением вызвать такие последствия. Всякое самостоятельно отступление, желание сохранить себя от влияний того, что с необходимостью должна приносить нам мировая карма, проистекает из слабости. Только антропософия может так усилить человеческий нрав, душу, она может развить ту силу, которая вооружает и усиливает нас по отношению к этим влияниям. Вот почему в области нашего духовного движения ни в коем случае не должны высказываться рекомендации отступить от современной жизни, образовать тепличную культуру для духовной жизни. На почве истинной духовной культуры мы так действовать никак не можем. Несмотря на это следует понять, что более слабые натуры охотно отступают перед современной жизнью, уходят из неё в те или иные колонии, в которых они не желают соприкоснуться с современной жизнью. Следует сказать, что это происходит не от силы, а от слабости души. Однако наша задача состоит в том, что мы делаем душу крепкой посредством того, что позволяем себе проникнуться импульсами, приходящими из духовной науки и духовных исследований, для того чтобы вооружить душу по отношению к влияниям современной жизни, чтобы душа могла выдержать то, что стучит и гремит вокруг неё, чтобы она была в состоянии найти свой путь в духовный мир через удары молотом и стук ариманических духов.

Одно должны принять мы к сведению, на что уже часто мне приходилось указывать. Мы, как люди спим не только ночью. Мы фактически спим также и днём, только вот замечаем мы этот дневной сон в меньшей степени, чем ночной. Ночью мыслительная жизнь человека угасает, и поскольку человек на душевном уровне преимущественно живет в своих мыслях, он естественным образом больше замечает помрачение мыслительной жизни во время сна. Днём жизнь воли в большей степени покоится; это человек

замечает меньше, поскольку он в меньшей степени живет в воле. Следствием этого являются все споры философов о свободе или несвободе воли; ведь они не обращают внимания, что они исследуют волю, будучи дневными сновидцами и потому не могут придти к её истинной природе, так что они говорят много несусветного вздора о свободе или несвободе воли, о детерминизме и о неопределенности. Фактически, в то время когда мы развиваем нашу пространную, дневную жизнь, жизнь нашей воли осознаётся нами лишь в самой малой степени, она погружается вниз, в подсознание, в регион, принадлежащий исключительно астральному телу.

Так в течение дневной жизни мы принимаем участие во всём, что производит вокруг нас современная жизнь как давление и стук со стороны современной техники. Ночью мы в большей степени погружаемся в это прессование и стук нашей эмоциональной и мыслительной жизнью, тогда как днём - нашей волевой и эмоциональной жизнью.

Дело в том, что в ходе развития человечества не всегда существовало то, что мы называем современной жизнью. Она только впервые появилась, причем в существенном появилась с началом пятой послеатлантической культурной эпохи. Начало этой современной жизни совпадает с началом пятой послеатлантической культурной эпохи. Что же говорит внешняя духовная культура о возникновении этой современной жизни? Современная духовная культура, как мы знаем, гордится тем, что она достигла посредством этой современной жизни. Она говорит так: в течение всей древности, в течение всего средневековья люди были неспособны развить настоящее наблюдение за природой, которое могло бы привести к естественным наукам. Это впервые появилось только в новое время. - Если человек так говорит о новом времени, то оно примерно совпадает с началом пятой послеатлантической культурной эпохи. При этом игнорируют древние наблюдения за природой, и рассматривают природу объективно, в соответствии с её чисто абстрактными закономерностями. Вследствие этого естественная наука оказалась в состоянии, вследствие познания законов природы неслыханным образом, - эти слова слышаться слишком часто, - овладеть силами природы. Это и есть современная техника и то, из чего эта современная техника возникает: она возникает вследствие того, что человек познакомился с законами природы и сформировал из материи свои машины в соответствии с

этими законами, машины, посредством которых он воздействует на природу и на жизнь. Он вообще благодаря этому наполнил эту современную жизнь механизмами, создал техническую среду, то есть то, чем является вокруг нас современная жизнь, и что она создаёт. Итак, мы видим: новое время впервые основало настоящую естественную науку и, тем самым правомерно овладело природой и её силами.

Мы слышим, как нечто подобное говорится очень часто. Но если говорят так, то говорят на языке Аримана, ибо это и есть язык Аримана. Мы же хотим попытаться перевести эту речь Аримана, этот язык Аримана на действительный, настоящий язык, который мы пытаемся усвоить благодаря духовной науке. Посредством этого языка словам придаётся не только то значение, которое может быть дано им из наблюдения внешней природы, но также и то значение, которое придаётся им, если мы рассматриваем Космос как целое, то есть одновременно рассматриваем и его природу, и его духовную жизнь.

Прежде всего, возьмём исключительно внешним образом то, что происходит, когда мы строим современную технику. То, что тут происходит, представляет собой, ничто иное, как работу, производимую в два этапа. Первый этап состоит в том, что мы разрушаем природные связи. Мы разрабатываем каменоломни, извлекаем из них камни, мы злоупотребляем лесами, извлекая из них древесину, - можно было бы приводить все дальше и дальше, - короче, сначала мы создаём грубые материалы, разрушая или разрыхляя при этом природные связи. Второй этап состоит в том, что выколоченное из природы, снова сочетается, образуя машину, сочетается по законам, познанным как законы природы. Таковы эти два этапа, если дело рассматривать чисто внешне.

Но как обстоит это дело при внутреннем его рассмотрении? Будучи рассмотрено внутренне, дело обстоит так: когда мы разрыхляем природу, прежде всего минеральную, то это, - как нам известно из прежних рассмотрений, - соединено с некоторым чувством удовольствия, которое ощущают при этом элементарные духи, духовное элементарное начало. Но в данном случае это нас мало заботит. Однако в том, что тут происходит, важно то, что мы изгоняем из природы соединенных с природой элементарных духов, которые относятся к царству, к сфере

правомерных поступательно развивающихся иерархий. Во всём природном бытии находятся элементарные духовные существа. Когда мы ослабляем, разрыхляем природу, мы этих элементарных духов нагнетаем, втискиваем наверх в царство духовности. Вот что на самом деле постоянно связано с первым этапом. Мы раздробляем, разрыхляем материальную природу и тем самым высвобождаем из этой природы природных духов, которых мы из их, я бы сказал, сфер, предназначенных им Божеством Яхве, изгоняем в то царство, где они могут свободно порхать, не будучи связаны с предназначенным для них местом обитания. Итак, первый этап мы могли бы назвать изгнанием природных духов. Второй этап состоит в том, что мы составляем, сочетаем в соответствие с открытыми нами законами природы то, что мы вытащили, вымучили из природы. Когда мы, в соответствие с познанными нами законами природы, из сырья, из грубых материалов строим машины или машинные связи, совокупности машин, мы, тем самым, снова помещаем некоторых духовных существ в те формы, которые мы создаём, формируем.

Образования, формы, которые мы создаём, ни в коем случае не бездуховны. Когда мы формируем их, мы тем самым создаём ложе для других духовных существ, и эти духовные существа, которых мы как бы вколдовываем в наши машинообразные сооружения, машинообразные формы, являются существами, принадлежащими к ариманической иерархии. Итак, на первом этапе мы встречаемся с природными духами, находящимися в непрерывном развитии, изгоняем их и, на другом этапе мы соединяем ариманических духов с тем, что мы строим как механизмы или иные технические устройства. Однако то, что мы живём в новое время в технической среде, содействует тому, что мы для того, что в нас ночью или днем находится в спящем виде, создаём ариманическое окружение. Вот почему не удивительно, что стоящий на первой ступени инициации, когда он при пробуждении приносит с собой то, что он переживал снаружи в том шуме, подергивании и грохоте, он ощущает это как нечто разрушительное, когда со всем этим в своём «я» и своём астральном теле вступает в физическое и эфирное тело. Ибо он вносит в свой собственный организм, так сказать, последствия совместной жизни с ариманическими элементарными духами. Мы можем сказать: в качестве третьего этапа, в качестве культурного этапа мы, вследствие окружающей нас техники, имеем то, что мы

подобно чучелу набиваем себя ариманическими духами, мы оказываемся «нафаршированными» ими. Так выглядит дело с внутренней точки зрения.

Теперь от того, с чем мы познакомились как с оккультной стороной современной жизни, оглянемся назад на те времена, когда человек жил в большей степени так, что он во сне был отделен от природы всего лишь стенкой, легко проницаемой духовно, а днём работал внутри природы, внутри которой ещё находились правомерные Духи из иерархии Яхве. При этом мы должны будем сказать: тогда души людей, их «я» и астральное тело вносили в физическое и эфирное тело ту природную духовность, которая побуждающим образом воздействовала на внутреннюю душевную жизнь. И чем дальше мы заходим назад в истории эволюции человечества, тем больше находим мы то, что сегодня становится всё более и более редким; что люди не оказывались нашпигованными ариманическими духами техники, но наполнялись теми, поступательно развивавшимися по прямой линии духами природы, которых, - если можно так выразиться, - добрые духи иерархий соединили с тем, что протекало или происходило в природе во вне, в её явлениях или существах.

Человек достигал той связи, которую ему надо было иметь, - если он в истинном смысле слова хотел стать человеком, - достигал лишь потому, что он в течение жизни искал такую связь в своём внутреннем мире, что он мог в своём внутреннем переживании так глубоко опускаться в свою душу, что в этих глубинах находил силы, приводившие его в связь с духовностью Космоса. То есть, с той космической духовностью, от которой он произошёл, и в которую он был включён; от которой он мог эмансипироваться, отделиться, от которой он уже отделился, вследствие чувственного восприятия и рассудочного мышления, а теперь, - как мы видели, - также и вследствие того, что современная жизнь нашпиговала его ариманическими духами. Только благодаря тому, что человек опускается в глубины своего собственного существа, он связывает себя с благими и целительными для него Божественно-духовными существами, с духовными иерархиями, развивающимися прямыми шагами, поступательно. Это соприкосновение с духовными иерархиями, для которых мы должны, в сущности, родиться духовно, эта совместная жизнь с ними будет для человека в высшей степени затруднена вследствие всё большего и

большого насыщения мира средствами современной техники. Человек становится, некоторым образом вырванным из своих духовно-космической связи, и это будет гасить и заглушать в его внутреннем мире то, что он должен развивать как силы, чтобы остаться связанным с духовно-душевым началом Космоса.

Тот, кто уже проделал первые шаги инициации, заметит потом, что всё то, что как механизмы, машины, пронизывают современную жизнь, внедряется в духовно-душевное начало человека так, что во многом умертвляет, разрушает его. Он замечает, что вследствие этого разрушения ему становится особенно трудно действительно развить те внутренние силы, которые приводят человека к связи с правомерными, - не поймите это слово неправильно, - духовными существами иерархий. Когда тот, кто проделал первые шаги инициации, медитирует, находясь на современной железной дороге или на современном пароходе, и хочет пережить себя в духовном мире, он, конечно, прилагает усилия, чтобы развить в себе те силы зрения, видения, которые приводят его в духовный мир; однако он замечает, как ариманический мир наспиговывает его всем, что противодействует этой отдаче духовному миру; тогда начинается сильнейшая борьба. Можно сказать, что это внутренняя, переживаемая в эфирном теле, изматывающая, подавляющая борьба. Эту борьбу, конечно, испытывают и те, и другие, кто не проделал первые шаги инициации; различие состоит только в том, что проделавший эти первые шаги инициации осознают её. Каждый должен испытывать её; её последствия переживает каждый.

Было бы наиболее ложным, если бы стали говорить, что надо противиться всему тому, что несёт нам техника в современной жизни, что надо, мол, защищаться от Аримана, что надо, мол, уходить от современной жизни. Это в известном смысле было бы спиритуальной трусостью. Настоящее целительное средство состоит в том, чтобы не позволять силам современной души проявлять слабость, и отступать перед современной жизнью: надо укреплять силы души, для того, чтобы вынести эту современную жизнь. Смелое обращения с современной жизнью - вот то, что необходимо в соответствие с мировой кармой. Поэтому особенностью характера настоящей духовной науки является то, что она заранее, с самого начала требует от человеческой души усилий, более или менее, весьма интенсивных усилий.

Часто слышишь: ведь книги, которые духовная наука предоставила в наше распоряжение, написаны так трудно, они требуют, чтобы человек напрягался, чтобы он проявлял активность в развитии своих душевных сил, чтобы совершенно вжиться в эту духовную науку. - «Доброжелательные» люди, - я это говорю в кавычках, - всё снова и снова приходят с неприемлемыми претензиями: они хотели бы несколько осветить трудные места для своих ближних и, по возможности, - это я говорю уже без кавычек, - хотели бы упростить, сделать более тривиальным то, что описано несколько трудным слогом. Однако к сущности духовной науки принадлежит то, что она предъявляет требования по активизации душевной жизни, что человек нелегко подходит к признанию духовной науки, ибо речь в рамках духовной науки идет не только о том, чтобы принять то или иное из того, что духовная наука говорит о тех или иных вещах: нет, речь идет о том, как воспринимает человек, о том, что он воспринимает, проявляя усилия, душевную активность. Человек должен, - простите за не вполне вежливое выражение, - в поте своей души заработать для себя достояние духовной науки. Это, - извините за механическое выражение, - является потребностью духовной науки.

Непонимание сущностного нерва духовной науки обнаруживается, когда в некотором смысле бегут от того, что даёт духовная наука в идеях и понятийных построениях. А как много людей бегут от этого, мы знаем; как много людей гораздо охотнее спят - Господь даёт своё во сне! - и гораздо охотнее хотели бы быть околдованы всякими сновидческими картинками духовного мира от начала вещей, нежели посредством активности, посредством укрепления внутренней, душевной жизни достигать познания. Мы знаем, сколь многим гораздо приятнее переживать то или иное видение, чем усесться и изучать трудные духовнонаучные материалы по подходящей книге, которая годится для того, чтобы говорить к тем силам в человеческой душе, которые в обычной дневной жизни спят, то есть, пробуждать то, что в ином случае находится в человеке бессознательно, и вследствие чего человек живо вращается в духовный мир. Правильный ход дела состоит не в том, что человек тупо воспринимает сознательную дневную жизнь, парит в сумраке, но в том, что человек прилагает усилия активизировать свою душу посредством того, что даётся в развитии мыслей и идей. Ибо если он переживает себя в

этом идейно-мыслительном развитии, если он прилагает усилия, смело вживается в себя, то благодаря этому смелому, активному вживанию в себя он приходит к ступени, где он от чистого теоретизирования, от чистого мышления, от чистого признания того, что ему даётся, переходит к созерцанию, к действительному присутствию в духовном мире. Однако то, что в данном рассмотрении дается нам как современное понимание жизни, является тем, что мы посредством технических средств внедряемся в, своего рода, ариманическую сферу и позволяем ариманической духовности проникать в нас.

Самое страшное несчастье произошло бы в земном развитии, если бы в пятую эпоху не позаботились заблаговременно о том, что в соответствии с мировой кармой современное человечество должно жить среди этой ариманической духовности. Жизнь протекает, и не может протекать иначе, как, - я бы сказал, - в качании маятника. То в одну, то в другую сторону жизнь переживает раскачивание подобно маятнику. Нельзя было бы сказать: берегись Аримана! - поскольку нет средств, с помощью которых человек мог бы уберечь себя от Аримана. И если кто-либо страстно желает постоянно прятаться в камерке, окрашенной в подходящие для него цвета, где по возможности не будет рядом ни фабрик, ни железной дороги, чтобы совершенно оторваться, отступить от современной жизни, то обнаружится ещё много, много других путей, чтобы ввести в свою душу ариманическую духовность. Он отказывается от современной жизни, но современная духовность найдёт к нему доступ.

Некоторым образом мог бы предотвратить несчастье в эволюции человечества тот факт, что выступило нечто, на что я уже давно указал в одном Мюнхенском цикле. Надо сопоставить все те вещи, которые относятся к активному переживанию современной духовной науки. Некоторым образом человеку дано искусство, искусство, которое тоже отбирает грубый материал, сырьё у природы, измельчая и дробя природу, и этот грубый материал на втором этапе снова сочетает в нечто такое, во что оно вдыхает некоторую, пусть даже всего лишь образную жизнь. Эта жизнь, данная благодаря художественному импульсу прошлого, является, - как я тогда указывал в Мюнхене, - способной к тому, чтобы пронизать материальное, главным образом, люциферической духовностью. Люциферическая духовность, прекрасная

видимость, - всё то, что в искусстве воздействует на человека, уводит человека из материального в духовное, но при посредстве материальной жизни. Люцифер является Духом, который всегда избегает материального и хочет неправомерно перенести человека в духовную жизнь. Это другая откачка маятника. Только благодаря тому, что мы в нынешней инкарнации должны проходить через техногенную среду, становится возможным вступить в связь с ариманическим, вступить в связь с чем-то таким, что в прежних инкарнациях было в большей степени погружено в художественный элемент. Тем самым мы противопоставляем некоторые люциферические силы сегодняшним ариманическим силам, создавая тем самым равновесие, в то время как прежде маятник жизни раскачивался то в одну, то в другую стороны.

То, что является наиболее желаемым для духовной науки, так это то, чтобы человек не в сонном и мечтательном состоянии проходил через то, к чему его принуждает мировая карма. Но в сонном или сновидческом состоянии те люди, которые не хотят ничего знать о духовной науке, идут сквозь все влияния ариманического и люциферического. Они подвергаются этим влияниям и последствиям, даже если они сами об этом не знают. Но жить так дальше нельзя, ибо жить дальше можно только сознательно; духовная наука для того и существует, чтобы люди, проходя через мир не спали и не грезили, но познавали, в каком окружении они живут. Но сюда относится то, что мы, можно сказать, отдаем должное, - извините за это слово, - духовнонаучным потребностям, тесно связываемся с ними. Такая тесная связь часто не принимается во внимание; это я смог обнаружить, читая конспекты лекций, прочитанных мною. Я нахожу там, как то, что для меня часто является важным, в конспектах не появляется. Возьмите лишь пару вещей, касающихся только что сказанного мною. Недавно я употребил одну фразу и сказал, что духовная наука не просто хочет чего-то, но должна хотеть, или обязана хотеть. Это известный оборот речи, который совершенно естественно-наивным образом проистекает от того, кто говорит из духа духовной науки, ибо духовная наука, как это само собой разумеется, ведет к обезличенному пониманию истин духовной жизни, как и другие науки. Говоря в стиле других наук, следовало бы сказать: «духовная наука чего-то хочет». - Однако она говорит: «как она должна хотеть, или обязана хотеть». - И я

говору: «как я должен выразиться», - а не «как я выражаюсь».

Многое относится именно к таким тонким увязкам; их не следует пропускать мимо ушей. В большей степени мы должны начать верить, что дело в том, чтобы воспринять духовную науку в самые внутренние силы человеческой души, и быть в состоянии преобразовать эти силы; вот почему нельзя подходить к духовной науке, мысля в той же форме, как мыслим мы обычно о внешней жизни. Те вещи, которые я имею тут в виду, ещё мало осознаются. Это можно заметить и проследить по известным, можно сказать, грубым симптомам внешнего научного развития.

Примеры можно было бы отыскать во многом. Современная религиозная наука, атеистическая религиозная наука ставит себе в заслугу, что она добывает некоторые познания о связи, скажем, новозаветных изречений и требований с ветхозаветными и языческими изречениями и требованиями. Например, исследовали «Отче наш» в отношении происхождения каждой отдельной строки и говорили: эта отдельная строка уже обнаруживалась тут, другая - там. - Когда такое слышишь, это может показаться приемлемым. Но в тот момент, когда человек при всемирно историческом рассмотрении, при спиритуальном всемирно историческом рассмотрении подступает к Мистерии Голгофы, он замечает, что все эти вещи явлены в новой связи. Дело не в открытии того, что все эти фразы уже были в более древние времена, но в том, чтобы рассматривать контекст этих фраз, посредством которого они получают новые нюансы. А они всегда разные в Новом и Ветхом Завете. Вследствие этого то, что пришло благодаря Мистерии Голгофы, приводит к совершенно утонченным вещам. Слова часто остаются теми же, но форма и способ нюансировки связей, их оттенки иные, - а в этом всё дело.

Необычное состоит в том, что понятие, представление «я» во всей системе эволюции речи, чем дальше мы уходим назад в дохристианские времена, организуется совершенно иначе, нежели после, когда от Мистерии Голгофы человек продвигался вперед в будущее. Форма, в которой говорили об «я» была иной, что можно увидеть во всей конфигурации речи. Когда, например, во многих языках значение «я» приписывают глаголу, то это означает нечто совершенно

другое, нежели когда такое слово выступает и выговаривается изолированно от глагола, и так далее.

Итак, дело в том, что мы посредством духовной науки прорабатываемся к такому пониманию жизни, что приходим к тому, чтобы сознательно созерцать то, что оказывает влияние на нашу духовно-душевную человеческую организацию. Та форма, в которой я описывал отношение человека к его техническому окружению, находится, конечно, ещё в самом начале своего развития. Примерно четыре столетия прошло, с тех пор как эти вещи стали проявляться в таком объёме, как это имеет место сегодня. И это гордое собой 19 столетие сделало мощный шаг вперед на пути ариманизации человеческой жизни. Однако посредством этой ариманизации были сделаны важные шаги в будущее человеческое развитие. Мы находимся в нём примерно четыре столетия. Оно поднимается медленно и постепенно. Сегодня уже достигнут известный высший пункт для всех тех, столь многих, среди наших ближних, которые, будучи изолированы в городской жизни, уже едва ли имеют связь с настоящими природными духами. Однажды я, можно сказать, символически высказывался о том, что для человека, для его развития существенным является то, может ли он отличить ячмень от овса. Но действительно, как много людей мы находим в городской среде, таких, кто не может отличить ячмень от овса! Сами растения они, возможно, ещё и отличают, поскольку у овса и ячменя сделать это относительно легко, но вот зёрна, - отличить одно зерно от другого, - этого они уже больше не могут. Если они жили в городе, или даже родились в городе, они обычно не могут отличить их друг от друга.

Но развитие человечества таково, что всегда, если один этап делает шаг вперед, это продвижение одного этапа связано с каким-то другим переживанием, как бы на каком-то другом этапе, который находится в параллельном потоке. Так тоже бывает. Когда современный человек описанным мною способом шагает навстречу Ариману посредством технической жизни, он шагает навстречу Ариману ещё и иным способом. Когда на место грубого рассмотрения истории, какое порождается сегодня материализмом, будет выступать спиритуальное рассмотрение истории, тогда человек увидит то, на что теперь указывает духовная наука.

Если мы посмотрим назад, на те времена, которые предшествовали последним четырём столетиям, мы увидим, что человек, прежде всего, не только по отношению к своей среде, своему окружающему миру занимал совершенно иную позицию, нежели сегодня, но он стоял в совершенно другом отношении к тому, что проявлялось в нём самом, поистине проявлялось через него самого: он стоял в другом отношении к своей речи, к тому, что он говорил. В речи мы поистине имеем не только то, во что верит современная материалистическая наука, в речи нам даётся нечто такое, что многократно связано с не полностью осознанным человеческим переживанием, что происходит в регионах подсознания человека, и что, поэтому проникнуто духовными существами. Духовные существа живут внутри речи человека, действительно внутри, и если человек формирует слова, строит слова, в его слова устремляются элементарные духовные существа. На крыльях слов духовные элементарные существа летят через пространство, в котором люди беседуют друг с другом. Вот почему важно, чтобы человек обращал внимание на некоторые деликатные моменты речи, чтобы, говоря, он не просто предавался бы произволу эмоциональной жизни.

Можно сказать, что до 15, 16 столетий человек стоял по отношению к своей речи так, что он ещё кое-что улавливал от живого переживания элементарной духовности, имевшей место в речи. В нём ещё действовало то, что наличествует в речи как духовность, ибо речь является в некотором отношении более гениальной, более духовной, чем отдельный человеческий индивидуум. Сегодня только иногда замечают, как человек из, так сказать, материалистического образа мыслей возвращается к ощущению гениальной духовности речи.

Однажды я на одном очень ясном, даже тривиальном примере в этом месте указывал на то, как можно вследствие своего образа мыслей особым образом, так сказать, выйти из материалистической роли современности. Это, в сущности, ещё делают многие люди, однако они сами не сразу осознают это. Если кто-либо, например, путешествуя по Рейну говорит о «старом Рейне», что он имеет в виду? Несомненно, он что-то ощущает. Но, что же именно, что он имеет в виду? Я не думаю, что, говоря о «старом Рейне», люди имеют виду речное русло, выемку в земле. Это было бы единственным, что осталось. Но, что же должно было быть

«старым Рейном» в ином случае, этого не могут открыть; конечно, вода совершенно новая, она утекает всё дальше, и если вы попытаетесь найти нечто древнее, кроме полого, вымытого речного русла, вы ничего найти не сможете. Старый Рейн! Речь гениальнее, чем человек, ибо, само собой разумеется, что в речи подразумевается, - пусть даже люди и не осознают этого, - речной бог Рейна! Элементарное существо, которое принадлежит ему, обозначают вполне адекватно, если говорят: старый Рейн.

Это грубый пример. Речь повсюду проникнута такой спиритуальностью, такой верой в духовность. И у всех народов Европы в течение четвертого послеатлантического культурного периода вплоть до 15, 16 веков в природу человеческой души было заложено чувство этой связи с духовностью, осуществляемой через речь. Если же этого не замечают, то не имеют и правильного чувства по отношению к началу Евангелия от Иоанна. Ибо к тому, что стоит в начале Евангелия от Иоанна: «В начале было слово», ещё вело сознание, как в том, чем является слово во всей человеческой организации и в человеческой жизни, даётся, - прежде всего, посредством элементарной духовности, - связь человека со всем миром, который лежит за чувственным миром.

Если мы рассматриваем жизнь людей с помощью средств духовной науки, рассматриваем, как протекала эта жизнь в течение столетий средневековья, вплоть до нового времени, мы на самом деле находим, - если мы можем всматриваться в эти души, - что отношение человека к его речи было иным в течение четвертого послеатлантического культурного периода, причем даже в последней фазе этого периода, до 14, 15 столетий. Люди слышали во всём, что они говорили как бы некий нижний, добавочный тон, правильный добавочный тон. Этому больше не верят, поскольку сегодня человек живет лишь в материальном начале звуков речи. Нечто духовное звучало совместно, как бы отзвук того же самого в нижней октаве. Если человек говорил, или слушал как говорят, звучало совместно с этим нечто такое, что не было дифференцировано в зависимости от той или иной речи; это было нечто общечеловеческое. Действительно можно сказать: если испытывают во всей полноте человеческое переживание в раскрытии, расцвете отдельных языков, то этот расцвет человечество переживает сегодня как дрожание звуков в ухе, переживают эти звуки как нечто, имеющее

смысловое значение. Раньше, напротив, переживали погружение всех элементов речи в то, что звучало совместно и что не дифференцировалось по отдельным языкам. Границей между одним и другим переживанием являлись 15. - 16 столетия. Человечество было оторвано от Гения речи.

Никто не сможет понять тот существенный толчок, который был дан человечеству в 15, 16, 17 веках, если он не учтёт этого своеобразного помрачения дополнительных нижних тонов в человеческом речевом переживании. Люди нечто утратили; это осуществлялось в рамках событий времени, будь это борьба, будь это мирный труд. Человеческие души переживали это вплоть до названного момента времени. Во всём человеческая душа сопереживала этот отголосок тех дополнительных нижних тонов при переживании речи. Поэтому вся история перед этим моментом времени носит иной отпечаток, чем после него. Занимаясь духовной наукой надо, я бы сказал, воспитывать духовное ухо для этих отзвуков, переживание которых в средневековье было совсем иным, нежели сегодня, поскольку человеческие души совсем иначе переживают то, что могло быть пережито тогда.

Для примера мне хочется взять крестовые походы как человеческое переживание, как душевное переживание. Они мыслимы так, как они переживались в средние века, лишь в том случае, если знают, что в речевом переживании имело место сопереживание этих нижних дополнительных тонов, духовно-спиритуальных нижних тонов. Слова Клермонтского Собора: «Этого хочет Бог - Dieu le veut - поистине не затронули бы современных людей Средней и Западной Европы так, как трогали они людей средних веков. Но причину этого можно узнать, только поняв, что же тогда говорилось.

Со всем этим, однако, связано одно важное явление во всей современной духовной жизни. С этим связана вся формация новой исторической жизни. Попробуйте как-нибудь связать свои исторические представления с той струящейся интимностью языковых нижних тонов; тогда вы поймёте, почему в указанной точке времени происходит группирование европейских национальностей, которые до тех пор стояли в совершенно ином отношении друг к другу, были подчинены совершенно иным импульсам в их отношении друг к другу. То, как национальности Европы соединялись на

отдельных территориях, формируясь вплоть до нынешних дней, связано с теми импульсами, которые были бы интерпретированы совершенно ложно, если бы человек, возвращаясь в прошлое от настоящего времени, искал возникновение национальностей в средние века или в античной древности без учёта того, какой важный этап следовало тогда перешагнуть в душевной жизни.

Я могу дать вам только намёки, так как тема, собственно, требует долгого рассмотрения. Самое важное относительно этих вещей надо предоставить вашей собственной медитации, которая найдет то, что может быть дано благодаря такому побуждению. Чего бы мне хотелось достичь посредством такого побуждения, так это то, чтобы дать представление о том, как можно построить мост от духовной науки к жизненным воззрениям, к пониманию жизни, о том, как духовная наука может вести человека к сознательной позиции по отношению к тому, чем мы живем в действительности.

Естественным образом должно затем проявиться то, - если упомянуть об истинных основах таких указаний, - что наше время должно с необходимостью сделать многое, что по отношению к древности должно выступить как обновление. Если мы вследствие мировой кармы будем поставлены сегодня в совершенно особую, ариманически действующую среду, и наши душевные силы должны укрепиться настолько, чтобы через все препятствия, приходящие к нам от ариманической духовности, найти всё же дорогу в духовные сферы, - человеческая душа сегодня нуждается в других средствах поддержки, нежели нуждалась она ранее. И это связано с тем, что даже искусство должно пробить себе новый путь во всех областях.

Само собой разумеется, что искусство должно было говорить иначе, обращаясь к той душе, которая в меньшей степени была подвержена ариманическому влиянию, нежели должно оно говорить к современной душе, которая гораздо сильнее подвержена этому влиянию. Самый первый шаг к такому искусству, поистине самый первый шаг, ещё несовершенный должен быть сделан посредством нашего здания, нашего Бау. Предпринимается попытка в этом здании создать настоящее искусство, которое апеллирует к активности души: в связи с целостным охватом современной жизни, но со спиритуальным охватом современной жизни.

Вспомните ещё раз, то, до постыдного тривиальное сравнение, которое я давал относительно нашего здания несколько недель тому назад. Я говорил: как относится то, чем должно стать наше здание, к тому, как воздействуют старые здания, старые произведения искусства вообще?

Старое произведение искусства воздействовало посредством того, что было в его формах и красках. Формы и цвета создавали впечатление. Если обозначить схематически, если это форма, то эта форма воздействует на глаз (изображается на рисунке). Воздействие оказывало то, что находилось в пространстве, которое было заполнено формой. И точно так же обстояло с красками. Воздействовала краска, которая была на стене.

Я говорил, что с нашим зданием дело мыслится не так, но наше здание задумано так, - и в этом и состоит постыдно тривиальное сравнение, - как «кухонный горшок», кухонная форма, «горшок для кулича», который не представляет собой ничего самостоятельного, но служит формой для кекса, кулича. Тут дело в том, чтобы находящееся внутри получило форму, если же он пуст, то обнаруживается, что он является «кухонной формой», «кухонным горшком». Дело в том, что он делает из кулича, из кекса. В случае нашего здания дело в том, что переживают души в своих глубинных основах, когда они задерживаются в этом здании, когда они доходят до границ формы этого здания. Итак, произведение искусства, в сущности, лишь побуждает посредством того, что находится в нём как форма. Произведение искусства есть то, что переживает душа, когда она вдоль и поперек переживает форму. Произведение искусства есть всего лишь кухонный горшок, кухонная форма. То, что строится, есть кухонная форма для кулича, кекса; поэтому надо попытаться применить здесь совершенно новый принцип.

Также и то, что будет находиться в нашем здании как живопись, будет там не для того, чтобы действовало само по себе, действовало посредством самого себя как такового, что имело место в старом искусстве; нет, оно должно позволить душе сталкивающейся с ним, пережить то, что сделает её переживание произведением искусства. Тем самым происходит преобразование, - я могу лишь намекнуть на всё это, - преобразование старого принципа искусства в новый, который можно обозначить, говоря: пластический, живописный элемент, когда он будет поэтапно развит

дальше, будет приводить к некоему музыкальному переживанию. Возможен и обратный путь; из музыкального назад, к пластически- живописному.

Это вещи, которые не могут быть произвольно произведены из человеческой души; нет, они связаны с самыми глубинными импульсами, которые мы можем испытать, находясь в первой трети пятой послеатлантической культурной эпохи. Это как бы предписано нам теми духовными существами, которые руководят этим развитием. Всюду должно быть положено начало. Если люди посчитают, что в нашем здании много несовершенного, они могут быть уверены в том, что те, кто причастны к этому зданию, могли бы обнаружить в нём много, гораздо больше несовершенств, чем те, кто критикует, поистине гораздо больше. Эти вещи подвержены тому, до чего не доходят те, кто рассматривает здание чисто внешне. Но дело не в этом; дело в том, что тем самым положено начало тому, что должно происходить. Дело не в совершенстве, с которым мы можем выполнить то, что должно быть желаемо; но дело в том, чтобы то, что здесь должно вступить в жизнь, пусть даже и в несовершенном виде вступить в жизнь, было когда-либо исполнено, сделано, чтобы положить начало. Ибо всё, что, как нечто новое вступает в мир, несовершенно по отношению к тому, что продолжает существовать как старое. Старое живет как высшая ступень, а новое ещё ходит в детской обуви. Это само собой разумеется.

От этих, напоследок сделанных замечаний об обновлении художественного мировоззрения и связи художественного мировоззрения со всей культурной жизнью современности, я буду исходить в завтрашних рассматриваниях.

Вторая лекция

Дорнах, 29 декабря 1914

В ходе этих рассмотрений мне хотелось бы, - на что я уже указывал вчера, - поговорить с вами о важных преобразующих импульсах, заложенных в наше время в художественную эволюцию человечества. Мне хотелось бы присоединить это к тому, что давалось вам, когда вы рассматривали наше здание, а именно то, чему наше здание хочет положить хотя бы слабое начало. Но для того, чтобы мы могли проводить такие рассмотрения, будет необходимо создать основу, основные положения о связи художественного начала с познанием, достигнутым нами относительно связи человека с миром вообще. Эти рассмотрения, выглядящие, возможно, в большей степени теоретическими мне хотелось бы предпринять и сегодня, а затем завтра продолжить в отношении нашей основной темой, а именно - преобразовательные импульсы в художественной эволюции.

Я говорю, что мне хотелось бы сегодня дать основные положения, которые могут показаться по большей части теоретическими. В действительности речь тут идёт для тех, кто понимает духовную науку как нечто живое, жизненное, не о чём-то теоретическом, но тоже о всецело жизненном. Это с полной ясностью может выступить для тех, для кого идеи о физическом теле, эфирном теле, астральном теле и «я» и так далее, не являются просто наименованиями для схематического изображения человеческого существа, но обобщением действительно пережитого в ощущениях, в представлениях о духовном мире.

Если мы рассматриваем отдельные искусства, то строительное искусство, архитектура представляется нам как то искусство, которое главным образом высвобождено из всего человеческого существа. Строительное искусство высвобождено из человеческого существа вследствие того, что оно поставлено на службу нашим внешним импульсам; или чисто потребительским импульсам, как в случае утилитарного строительного искусства, или оно должно быть поставлено на службу более идейным, идеальным интересам, что имеет место, если оно своими творениями служит культу, религиозной службе и так далее. Мы по ходу рассмотрения сами увидим, как другие искусства, можно сказать, в более утонченной, интимной форме примыкают к собственно человеческому существу, нежели строительное искусство. Строительное искусство имеет нечто высвобожденное, эмансипированное от того, что мы обозначаем как

закономерности внутреннего мира человека. И всё же для наблюдателя мира, который исходит из духовной науки, строительное искусство в очень значительной мере теряет этот свой характер поверхностности, чего-то внешнего.

Если мы подступаем к рассмотрению человеческого существа, то, как наиболее внешнее в этом существе нам выступает навстречу физическое тело. Однако это физическое тело проникается волнами и воздействиями эфирного тела. Физическое тело может быть названо чисто пространственным телом, пространственной организацией. Но то, что как эфирное тело включено, вставлено в физическое тело, или, как вам известно, выступает над физическим телом и находится в утонченной связи с космическим целым, не поддаётся рассмотрению, если мы не возьмём на помощь время. Ибо, в сущности, всё в эфирном теле является ритмом, циклическим протеканием движений, деятельным оперированием; пространственный характер эфирное тело имеет лишь вследствие того, что оно наполняет физическое тело. Для человеческого имажинативного созерцания в любом случае необходимо, чтобы эфирное тело было представлено в пространственном образе, но это не составляет его сущностного начала. Его сущность - есть цикличность, ритм, нечто, протекающее во времени. И сколь мало в музыке выступает пространственный элемент, но именно временной, столь же мало в реальности человеческого эфирного тела, - но не в его имажинативной репрезентации, - выступает пространственное; нет, тут дело в движении, в чем-то подвижном, деятельно формирующем себя, но формирующемся ритмически, формирующее себя подобно мелодии, итак, нечто временно'е. Конечно, здесь имеется трудность для человеческого представления, ибо человеческое представление очень привыкло к тому, чтобы относиться ко всему на пространственном уровне. Но надо приложить немало усилий, для того, чтобы придти к правильному представлению об эфирном теле, взяв на помощь, можно сказать, музыкальные представления, а не пространственные представления.

Подчёркивая ещё одно свойство эфирного тела, мы можем сказать: это эфирное тело является, прежде всего, силовым телом, когда оно, наполняя физическое тело, внедряет в физическое тело свою деятельность, свою ритмическую игру. Оно является изливанием сил, само-проявлением сил. И мы замечаем эти силы в явлениях, которые происходят в

человеке на протяжении его жизни. Одно явление, на которое мало обращает внимания внешняя наука и внешнее рассмотрение мира, есть распрямление человеческой фигуры; мы часто отмечаем это явление в человеческой жизни. Мы вступаем в мир через детство, ещё не владея той способностью, которая придаёт человеку важнейшую позицию, или положение, положение прямостояния. Мы сперва должны овладеть этой способностью. Это овладение хотя и исходит из астрального тела, но астральное тело должно сначала перенести на эфирное тело свою, простирающуюся в высоту силу; эфирное тело в ходе времени работает над тем, чтобы поставить физическую человеческую фигуру в вертикальное положение. Тут мы видим живую игру астрального тела и эфирного тела над формированием физического тела. Это наиболее наглядное явление, - распрямление этой фигуры и занятие ею вертикального положения. Но каждый раз, когда мы поднимаем руку, происходит подобный процесс. В нашем «я» мы можем иметь только мысль об этом движении руки, этом поднятии руки; эта мысль должна сперва подействовать на астральное тело, и астральное тело переносит свою деятельность, - то, что оно имеет в качестве импульса, - на эфирное тело. Что же тогда происходит? Допустим, человек держит свою руку в таком горизонтальном положении. Он образует себе представление: я хочу поднять руку немного выше, вот сюда. - Это представление, которое в жизни следует от поднятия руки, переходит в астральное тело; внутри него образуется импульс, идущий от астрального тела на эфирное тело, и теперь, пока рука находится в горизонтальном положении, в эфирном теле происходит следующее: эфирное тело, прежде всего, поднимается вверх, и рука следует за ним. Физическая рука следует за тем, что сначала происходит в эфирном теле как силовое развитие. Рука следует за ним.

Общий процесс я ещё опишу завтра, теперь же я хочу всего лишь обратить внимание на то, что мы при каждом движении, при совершении какого-либо движения имеем дело с силовым раскрытием, развертыванием сил, за которым следует положение равновесия. С таким развёртыванием сил и последующим положением равновесия мы постоянно имеем дело в жизни нашего организма. Конечно, у человека нет осознанного знания о том, что, в сущности, в нём происходит, но то, что тут происходит, представляет собой нечто бесконечно мудрое, нечто столь бесконечно разумное, что разумность «я» у человека даже отдалённо не достигает

этих вещей. Мы не смогли бы двигать рукой, если бы нам приходилось полагаться только на нашу разумность, на наши сведения, ибо те тонкие силы, которые должны быть развиты в эфирном теле, исходя из астрального тела, которые должны потом перейти в физическое тело, совершенно недоступны обычному человеческому познанию. Мудрость, заключённая здесь в миллионы раз превышает ту, которую развивает часовщик, делая часы. Мы обычно не думаем об этом, но эта мудрость действительно должна раскрыться. Она должна быть раскрыта, и она будет раскрыта благодаря тому, что мы с нашим «я» доверимся самим себе. В тот момент, когда наше «я» посылает импульсы представления в астральное тело, нам должно помогать другое существо. Будучи одни, мы не смогли бы ничего начать. Существо из иерархии Ангелов должно помогать нам; мы от этого зависим. При малейшем движении пальца такое существо со своей мудростью, которая далеко превосходит человеческую мудрость, должно помочь нам. Мы не могли бы делать ничего иного, как оставаться неподвижными и представлять, оставаться неподвижно застывшими в мире, если бы нас постоянно не вовлекало в свою деятельность существо высших иерархий.

Вот почему к первым шагам инициации относятся: овладеть представлениями, сведениями, которые приобретаются самостоятельно, о том, как эти силы действуют на человеческую натуру.

Мы пытались показать здесь, что означает, если голова хочет опереться на руку и так далее. Мы познакомились, так сказать, с наиболее внешней стороной нашего существа, с тем, что происходит посредством воздействия нашего эфирного тела на наше физическое тело в пространственной системе линий и сил. Если мы эту пространственную силовую и линейную систему, которая, в сущности, постоянно действует в нас, переносим в мир и в соответствие с этой силовой системой упорядочиваем материю, если мы высвобождаем эту силовую систему из нас самих и в соответствие с ней упорядочиваем материю, то возникает строительное искусство. Всякое строительное искусство состоит в том, что мы высвобождаем из себя эти силовые взаимосвязи, и переставляем их в пространство. Так что мы можем сказать: если здесь мы схематически будем предполагать самые внешние границы нашего физического тела, то мы выдвигаем наружу внутреннюю закономерность, запечатлённую в физическом теле посредством эфирного

тела, выдвигаем её вне нас: благодаря этому и возникает строительное искусство. - Всё, что существует как законы сочетания материи на уровне архитектуры, строительного искусства, целиком и полностью находится в человеческом теле. Строительное искусство, архитектура - есть проецирование вовне, в пространство собственных закономерностей человеческого тела.

Мы знаем, что для нашего наблюдения к физическому телу примыкает эфирное тело. Если мы ещё раз обратим взгляд на какое-нибудь произведение архитектуры, что сможем мы сказать по поводу этого архитектурного произведения? Мы можем сказать: тут стоит вынесенное наружу в пространство соотношение между вертикалями, горизонталями и силами, действующими друг на друга так, как в ином случае они развёртываются в человеческом физическом теле.

Точно так же мы можем то, что из астрального тела утекает в эфирное тело, теперь уже не выносить наружу, вне нас, но только в нас самих перенести вниз от астрального тела в эфирное тело. Итак, мы можем вызвать нечто такое, что мы не отделяем от нашей природы, не выставляем в пространство, но что мы всего лишьдвигаем в нас самих. Если мы выполняем эту процедуру, то мы, в сущности, имеем дело с неким претворением законов эфирного тела в физическое. Законы эфирного тела приобретают физический характер, те законы, которые эфирное тело получает от астрального тела, тогда как в архитектуре физическим становились спроецированные вовне законы физического тела. И вот, благодаря тому, что возникает снаружи из нашего эфирного тела, - тогда как архитектура возникала из нашего физического тела, - возникает скульптура или пластика, так что мы как бы сдвигаем вниз на одну ступень законы эфирного тела.

АРХИТЕКТУРА

Физическое тело

СКУЛЬПТУРА

Эфирное тело

Как в архитектуре мы выдвигаем наружу в пространство законы физического тела, так в скульптуре мы опускаем вниз на одну ступень законы эфирного тела. Мы не обособляем, не отделяем их от нас, но мы вдвигаем их в наш собственный облик. Как архитектуру мы должны считать вне нас образованной закономерностью физического тела, так скульптуру мы должны считать закономерностью нашего эфирного тела в нас; мы только лишь дополняем её потом в образной форме в образном произведении. Все закономерности пластики раскрываются, если мы рассматриваем её так. Если в случае архитектуры мы имеем дело лишь с законами физического тела, его пространственными линиями и силовыми воздействиями, вынесенными в пространство, и ничего иного в пространство не принимается, ни от эфирного тела, ни от астрального тела, ни от «я», то в случае скульптуры дело обстоит так, что мы сводим вниз на одну ступень законы эфирного тела; мы тут ничего не имеем ни от астрального тела, ни от «я», но только то, насколько эти астральное тело и «я» посылают импульсы в эфирное тело. Вот почему произведение скульптуры выступает перед нами так, что пробуждает видимость жизни. Совершенную жизнь оно обретало бы в том случае, если бы астральное тело и «я» находилось внутри него. Итак, мы должны, исследуя законы скульптуры уяснить себе то, что они являются законами нашего эфирного тела, подобно тому, как архитектура содержит законы нашего физического тела.

Если же мы сделаем то же самое в отношении нашего астрального тела, как бы снова сдвигая астральное тело на одну ступень глубже, в эфирное тело, то тогда мы сдвинем вниз то, что уже живёт в человеке. Тут не возникает ничего, что поистине могло бы быть пространственным, поскольку астральное тело, будучи сдвинуто в эфирное тело, не может быть выдвинуто в пространство, ибо эфирное тело суть ритмы, суть созвучия и так далее. Тут может возникнуть только образ, и на самом деле тут возникает образ, картина: возникает живопись. Живопись является тем искусством, которое содержит в себе законы нашего астрального тела точно так же, как скульптура содержит в себе законы нашего эфирного тела, а скульптура - законы нашего физического тела.

ЖИВОПИСЬ

Астральное тело

Если же мы посмотрим на четвертый член нашего человеческого существа, на «я», и передвинем это «я» в его законами вниз, в астральное тело, сдвинем далее, вниз, позволяя ему быть подвижнее, быть активнее, то мы снова получим другое искусство, которое не содержит того, что действует в «я», того, что мы обобщаем посредством нашей речи или посредством обычных представлений, но мы получим нечто такое, что от «я» оттеснено на одну ступень в подсознание. Как если бы с горизонта нашего сознания, мы опустились на половину одного члена нашего существа вниз, мы с «я» погрузились вниз в астральное тело: вследствие этого возникает музыка.

МУЗЫКА

«я»

Итак, музыка содержит законы нашего «я», но не так, как изживаем мы их в обычной прозаической жизни, но оттесненными в подсознание, в астральное тело; «я» как бы погружается под поверхность астрального тела и, будучи внутри него, плавает и волнуется в соответствии с закономерностями астрального тела.

Если же мы хотим говорить о высших членах человеческого существа, прежде всего, о Самодухе, мы можем говорить об этом как о том, что ещё находится вне человеческого существа. Ибо мы только в пятом послееатлантическом периоде постепенно начинаем делать этот Самодух внутренним членом своего существа. Но если человек принимает это как нечто, сходящее свыше и погружающееся в его «я», то есть снова погружение того, что сегодня можно всего лишь предчувствовать, уподобляя пловцу погружающемуся в воду, погружения в «я» предчувствия своего Самодуха, - тогда возникает поэзия.

ПОЭЗИЯ

Самодух

Если бы мы захотели идти ещё дальше, то вы могли бы, до известной степени естественным образом, сказать себе: поскольку в нашем окружении, в нашем спиритуально-духовном окружении, которое мы должны будем принять позднее, заложен Жизнедух, могло бы быть так, что этот Жизнедух когда-либо погрузится в Самодух. Но, конечно, сейчас это может быть лишь нечто такое, что только в очень отдалённом будущем может достичь известной степени совершенства. Ибо человек, пытаясь погрузить Жизнедух в Самодух, должен целиком и полностью жить в том элементе, который ему сегодня ещё совершенно чужд. Следовательно, об этой области можно говорить в лучшем случае только так, как говорят о лепете ребенка по отношению к более позднему совершенству речи. Можно предчувствовать, что когда-нибудь будет в большем совершенстве явлено то искусство, которое в некотором смысле так же поднято над поэзией, как поэзия, - тут, само собой разумеется, имеется в виду не приоритетность, а только упорядоченность, - поднята над музыкой, музыка над живописью, живопись над скульптурой, а скульптура над архитектурой. Вы, само собой разумеется, предчувствуете, что я при этом указываю на нечто такое, что мы сегодня знаем лишь в самых, что ни на есть первичных началах, что мы можем иметь лишь как самые первые намёки: это эвритмия. Эвритмия поистине есть нечто, что с необходимостью должно выступить в человеческой эволюции, что, однако не должно являться поводом для высокомерия, ибо сегодня это, само собой разумеется, может быть всего лишь лепетом по отношению к тому, что когда-нибудь должно будет возникнуть из этого искусства.

ЭВРИТМИЯ

Жизнедух

Мы можем где-либо ещё выступить с дальнейшим рассмотрением. Но если мы хотим сделать такое рассмотрение, нам надо уяснить себе, что человеческая организация поистине не так проста, как это часто представляют себе ради собственного познавательного удобства. Действительно очень удобно представлять себе, что

человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и «я» и так далее. Если человек может эти вещи перечислить, если он имеет приблизительные представления об этих вещах, то он может с легкостью удовольствоваться таким мало-мальски удобным познанием. Но дело обстоит не так просто. Ведь это не оболочки, которые вдеты друг в друга - эти физическое тело, эфирное тело, астральное тело и «я», но на самом деле это очень сложные образования. Если, например, выхватить астральное тело, нельзя, всего лишь просто сказать: это астральное тело и на этом закончить, - нет, дело обстоит сложнее.

Астральное тело, например, - тут можно использовать только приблизительно обозначающие слова, - тоже расчленяется, оно состоит из семи членов. Как сам человек разделяется на семь членов, - физическое тело, эфирное тело, астральное тело, «я», Самодух, Жизнедух, Духочеловек, - так и астральное тело проходит сквозь все эти члены; имеется как бы наиболее тонкая часть астрального тела, которую можно назвать как преимущественно подготовленную, сформированную для физического тела. Итак, закономерное проявление астрального тела по отношению к физическому телу, закономерное проявление астрального тела для эфирного тела, закономерное проявление астрального тела в отношении себя самого, закономерное проявление астрального тела для «я», закономерное проявление астрального тела для Самодуха, для Жизнедуха и для Духочеловека. Каждый из этих членов опять-таки в свою очередь семиричен, так что мы, когда имеем семичленного человека и думаем, что каждый член его снова семиричен, имеем уже сорок девять членов. Это, конечно, ужас для современной психологии, которая рассматривает душу как единство и не желает вдаваться в подобные вещи. Но для настоящего познания, которое должно постепенно вступать в духовную эволюцию человечества, это имеет значение. Так как если мы знаем, что астральное тело имеет семичленную природу и является организмом внутренних жизненных импульсов, тогда мы скажем себе: в этом астральном теле и в его семиричности, семичленности протекают процессы между его отдельными членами. - Та часть астрального тела, которая соответствует физическому телу, та часть, которая соответствует эфирному телу, часть, соответствующая самому астральному телу и так далее. И это не просто абстрактные допущения; например, в организме человека вполне может случиться так, что,

скажем, человек внутренне, - несомненно, более в бессознательном, нежели в сознательном состоянии, - почувствует возбуждение в том члене астрального тела, который соответствует физическому телу. Затем вследствие чего-либо может возникнуть возбуждение в том члене астрального тела, которое соответствует самому этому астральному телу, и так далее. Это действительно происходит, это не просто теория, так действительно происходит.

Если вы действительно представите себе, что семь членов астрального тела располагаются в такой же последовательности, как звуковые интервалы: прима, секунда, терция, кварта и так далее, тогда, если вы предадитесь воздействию мелодии, вы будете иметь в своей человеческой организации это воздействие; оно основано на том, что если в мелодии звучит тот или иной интервал, он внутренне переживается в соответствующем члене астрального тела. Терция переживается в той части астрального тела, которая соответствует самому астральному телу. Кварта будет переживаться в той части астрального тела, которая, - обозначается как ближняя, - соответствует душе рассудочной или душе характера. Квинта будет переживаться в той части астрального тела, которая соответствует душе сознательной. А если вы вспомните, что мы при более точном разделении (человеческого существа) получали девять частей, то мы и астральное тело должны делить так, в соответствие с данными указаниями. Перечисляя, я могу сказать так: тот член астрального тела, который соответствует физическому телу, - как можно сказать в нашем данном случае, - будет переживаться в прима. Я мог бы сказать: часть астрального тела, соответствующая эфирному телу, - как я могу сказать в данном нашем случае, - будет переживаться в секунде. Говоря о члене астрального тела, который соответствует самому астральному телу, я могу сказать; - в нашем данном случае я могу сказать, - что он будет переживаться в терции.

--

--

--

КВИНТА -- душа сознательная

КВАРТА -- душа рассудочная

душа

ощущающая

ТЕРЦИЯ -- астральное тело {

астральное

тело

СЕКUNДА - эфирное тело

ПРИМА - физическое тело

Однако вы видите, что существование большой терции и малой терции действительно соответствует тому, как включено, как встроено астральное тело во всю нашу человеческую организацию. Мы имеем совпадение, - возьмите только соответствующий абзац из моей книги «Духоведение», - с одной стороны то, что мы называем астральным телом, и с другой стороны то, что мы называем душой ощущающей. То есть то, что я обозначил как терцию, может соответствовать астральному телу или соответствовать душе ощущающей. Первый случай даёт большую терцию, а второй случай - малую терцию.

Фактически, на этом внутреннем музыкальном действии астрального тела оснуется сопереживание музыкальных произведений искусства, причем, в то время как мы слушаем такое произведение искусства посредством нашего «я», мы одновременно погружаем переживание в наше астральное тело, в некий подсознательный регион.

Но это, совершенно несомненно приводит нас к очень значительной вещи. Рассмотрим теперь нас самих, насколько мы являемся астральными существами, поскольку несём в себе астральное тело. Кем мы, собственно, являемся? Мы являемся астральным существом, созданным из Космоса в соответствие с музыкальными законами. Насколько мы являемся астральным существом, мы имеем музыкальную связь со всем Космосом. Мы сами являемся инструментом.

Допустим, что мы не нуждались бы в музыкальном звучании тонов, а могли бы слушать ту творящую деятельность в Космосе, которая в нашей астральной организации создавала нас из Космоса, тогда мы стали бы

слышать звучание мировой музыки, то, что всегда называлось музыкой сфер. Допустим, мы были бы в состоянии сознательно погружаться в наше астральное существо и подняли бы это астральное существо до таких высоких сил, до таких духовных сил, что мы слышали бы творящую деятельность мировой музыки, то мы могли бы сказать себе: Космос с помощью нашего астрального тела играет наше собственное существо. Эта мысль, которую я только что высказал вам, в древности жила в человеке, поистине жила. И когда человек направляет внимание на нечто такое, он тем самым указывает на материализацию человеческого развития в пятый послеатлантический культурный период. Ведь, разумеется, такая мысль не живёт в нынешней внешней культуре человечества. Человечество ничего не знает о том, что человек в отношении своего астрального тела является музыкальным инструментом. Но так было не всегда, но о том, что так было не всегда так сказать, забыли. Было время, когда люди говорили себе: был однажды некий Иоанн, и этот Иоанн мог приводить себя в такое состояние, что он слышал музыку небесного Иерусалима. - Они говорили: вся земная музыка может быть всего лишь подражанием той небесной музыки, которая берет свое основания от сотворения человечества. - И они ощущали, - более религиозно настроенная часть человечества, - что человек, вследствие того, что он проникся желаниями физического мира, вобрал в себя импульсы, которые затуманили, помрачили для него небесную музыку. Но они в то же время ощущали, что в человеческой эволюции должен существовать путь, ведущий посредством очищения от внешней хаотической жизни к цели: сквозь внешнюю материальную музыку слышать спиритуальную мировую музыку.

Это было прекрасно выражено ещё в 10, 11 веках, когда хотели указать на отношение внешней, материальной музыки к её божественному первоисточнику, указать на то, что является её первоисточником в духовном мире как небесная музыка; при этом требовалось, чтобы человек сделал для себя музыку, музыкальное жертвенной службой, религиозной службой, чтобы он осознал, что если он извлекает звуки, он должен освободить себя от связи с чисто хаотическим, - как это ощущали, - нечистым внешним миром. Жизнь в обычной внешней речи ощущали как нечто нечистое. И подъём к духовным высотам ощущал тот, кто в музыке поднимался от речи к отображению небесной

музыки. Это выражали, говоря: «**Ut** queant laxis **resonare** fibris **mira** gestorum **famuli** tuorum **solve** polluti **labii** reatum, **S.I.** – Sancte Iohanne. »

Если это перевести, то это должно было бы звучать так: «Чтобы слуги Твои легкими голосовыми связками могли воспеть чудо Твоих трудов, искупи вину губ, ставших земными, - губ, ставших способными к речи, - святой Иоанн». - Ибо на того, кто слышал музыку небесного Иерусалима, взирали вверх при таких обстоятельствах. Отметим нечто, заложенное в таком изречении: *ut*, из слова *resonare* - *re*, из слова *mira* - *mi*, из *famuli* - *fa*, из *solve* - *sol*, из *labii* - *la*, *S.I.* - *si*. Слово *ut* было позднее заменено на ДО, но первоначально оно обозначало ДО. Итак вы имеете: до, ре, ми, фа, соль, ля, си, то есть то, что в средние века использовалось для нотной записи. Вот что зашифровано в этих стихах.

При таких обстоятельствах мы, в тот момент, когда мы возвращаемся к тому, что благодаря атактистическому ясновидению жило в душах до 11, 12 веков, видим, как оно исчезает перед наплывом материалистического мировоззрения, как оно уходит из сознания людей. Однако теперь мы живём в то время, когда мы посредством духовного познания снова должны найти это, должны снова воссоздать это. Дело действительно обстоит так, как если бы нам всё ясно показывало, что это развитие опустилась вниз, претерпело деградацию, что оно опустилось так низко, что возникло болото. Грязная вода этого болота - есть всё то, что в качестве представлений произвело материалистическое мировоззрение. И теперь мы стоим перед тем, чтобы снова выбраться, подняться из этого материалистического болота и снова обрести то, что человечество потеряло при спуске.

Вчера я указывал на то, что человек, в сущности, спит не только ночью, но что кое-что спит в человеке и днём. Ночью спит в большей степени мыслительно-эмоциональное начало, днём спит в большей степени волевое-эмоциональное начало. Именно в это волевое и эмоциональное начало погружается человек, если даёт своему «я» погрузиться в астральное тело. В звучании музыкального произведения искусства происходит как раз то, что человек сознательно погружается со своей «я»-природой в то, что в ином случае спит. Когда вы сидите, прослушивая симфонию, это означает в вас внутренний процесс, заглушающий обычную повседневную

мыслительную жизнь, и своим духовно-душевым переживанием погружающийся в то, что в ином случае спит в течение дневной жизни. Это обуславливает связь музыкального воздействия со всеми оживляющими силами человеческого организма; это содействует связи со всем тем, что пронизывает и оживляет всего человека в целом, что позволяет ему быть единым, я бы сказал, сросшимся со струящейся массой звуков.

Ночью мы спим. Тут повседневная жизнь мыслей приглушается в том элементе, который мы сейчас не имеем внутри нормального сознания. Если же нам удастся вносить в наше обычное дневное сознание то, что в спящем человек становится пробужденным, если то, в чём живёт человек во сне, погружается в бодрственную жизнь, тогда, - заметьте противоположность; я только что сказал, что «я»-переживание в случае музыкального переживания погружается в то, что спит днём; теперь же мы то, что переживали ночью, погружаем в дневное бодрствование, - тогда это становится поэзией. Это ощущали такие люди, как Платон, когда они называли поэзию божественной грёзой, божественным сновидением.

Если мы так углубляемся в связи человека со всем Космосом, мы можем, - как это может человек под руководством искусства, - вселить некоторую жизнь в то, что в ином случае останется чисто понятийным шаблоном. Но заметьте, эти вещи не являются чисто понятийным шаблоном! Некоторым людям доставляет радость, если они то, что развито в моей книге «Духоведение» («Теософия») могут одно за другим упорядочить в схему; некоторые, безусловно, считают чистым упрямством, что здесь, в том пункте, где я дал три троичности, но так, что они захватывают одна другую, я уклонился от того, чему учили в прежних теософских заведениях. Но если исходить из того, что переживается относительно реального положения дел, тогда уже из природы мажорной и минорной мелодии можно увидеть, что эти вещи глубоко оснуются во всей структуре Космоса. Только тогда, если эти вещи живо извлекаются из всей структуры Космоса, они соответствуют настоящей реальности.

Было необходимо сказать для начала кое-что, настоящие основы чего выступали лишь в ходе лет, постепенно. Пришлось подвергаться той опасности, что люди выступят со

своей критикой, поскольку они не знают, на чём покоятся эти вещи, как должны они выглядеть, если принимать во внимание всю структуру Космоса. Но так обстоит дело со многим. Против очень многого, сказанного сейчас, можно выдвинуть очень много возражений, если приближаться к этим вещам с поверхностными понятиями. Однако в ходе лет, или, возможно десятилетий обнаруживается то, что эти вещи подтверждаются, оказываются правильными. Сами духовнонаучные познания станут плодотворными, если они не будут больше теорией, но станут чем-то живым.

Всё дело в том, чтобы подняться от того, что просто связано со словами «физическое тело», «эфирное тело», «астральное тело» и так далее, подняться к оживлению этих идей; ибо тогда из этого ожившего, ставшего живым изойдёт, излучиться настоящее понимание мира. И те, кто в состоянии, могли бы сравнить то, что преподносила эстетика в ходе последней половины столетия, с тем, что может последовать из познания человеческой организации для дедуктивных выводов относительно искусства. Тот, кто провел такое сравнение, увидит, насколько невозможно прийти к действительному пониманию того, что живёт в нашем окружении и радует нас самих, без знания человеческой организации.

Мне хотелось бы вызвать переживание того факта, что сама духовная наука дает начальный импульс, который может быть развит всё дальше и дальше, что мы некоторым образом призваны сделать самые первые шаги, и можем предчувствовать, что возникнет из этих первых шагов, когда мы уже не будем при этом в этом воплощении.

АРХИТЕКТУРА

Физическое тело

СКУЛЬПТУРА

Эфирное тело

ЖИВОПИСЬ

Астральное тело

МУЗЫКА

«Я»

ПОЭЗИЯ

Самодух

ЭВРИТМИЯ

Жизнедух

Третья лекция

Дорнах, 30 декабря 1914

Возможно, нам удастся наилучшим образом исследовать наши суждения о том, что благодаря духовнонаучному рассмотрению должно проникнуть в наши души и в наши сердца, если бросим взгляд на большую часть того, что я решил дать как «Очерк тайноведения». Тут мы в первую очередь имеем, если отвлечемся от вводных глав, которые должны давать как бы подготовку, тех глав, которые должны служить для того, чтобы познакомиться с существом человека, его отношению к рождению и смерти, и его жизни в духовных мирах; после этих вводных глав следует описание великих космических связей, конечно в виде наброска, которые ведут нас через стадии изменений нашей Земли, перед тем как она стала Землей, через бытие Сатурна, Солнца и Луны, и вводят нас в бытие Земли. Затем нам дается совсем беглое, но кратко указывающее на всё, изложение относительно того, как будет выглядеть для нас бытие Юпитера, Венеры и Вулкана. Мне хотелось бы сказать,

что вместо обстоятельного описания этого бытия Юпитера, Венеры и Вулкана было дано описание того, что должен проделать человек, если он хочет, чтобы в нём протекали те внутренние душевные переживания, которые должны, в конце концов, привести его к инициации. В более точном виде эти процессы вплоть до известного этапа описаны в книге «Как достигают познания высших миров?».

Мы увидим, что для нас духовная наука распадается на две части: одна часть, где мы описываем космические связи, описываем, чем было то, что является перед нами сегодня как Земля с её существами и остальной Вселенной, в самом древнем отдаленном прошлом, и какова перспектива их дальнейшего развития. Если вы изучите рассмотрения, предпринимаемые нами, то вы всюду увидите, что большая часть наших рассматриваний находится под влиянием того, что было воспринято нами в связи со становлением Космоса. Другая часть наших рассматриваний направлена на то, что должна делать душа, чтобы войти в духовные миры, иными словами, как достигнуть инициации. Этих внутренних переживаний по преодолению, борьбе, спасению и достижению, которые должна испытать душа, мы некоторым образом всегда касаемся во второй сфере наших рассматриваний. Если мы наблюдаем наиболее существенное в наших рассматриваниях, то оно относится или к одной, или к другой их части.

Если мы сначала обращаем внимание на первую часть наших рассматриваний, на описания, проходящее через бытие (древних) Сатурна, Солнца, Луны и так до бытия Земли, то мы таким описанием предоставляем миру нечто такое, что для нынешнего, будь то религиозного, будь то научного мировоззрения, крайне неприемлемо; мы предоставляем нечто такое, на что большая часть современных мировоззрений будет смотреть как на абсурд. Ибо, само собой разумеется, что наше современное мировоззрение найдёт чересчур фантастическим описание такого миропорядка, которое мы должны были дать, например, описывая бытие (древнего) Сатурна; описание такого космического порядка для современных нам воззрений представляется таким, что могут сказать только одно: это абсолютная бессмыслица, давать такого нельзя, это какая-то фантастическая выдумка! - Точно так же обстоит дело и с другой частью того, что мы должны были описать.

Вспомните одно изречение, которое я уже неоднократно повторял здесь и вчера. Я говорил: человек спит не только ночью, когда помрачается его мыслящее и представляющее сознание; человек частью своего существа спит также и днём. В то время как ночью в большей степени спит жизнь представлений, днём в части нашего существа в большей степени спит жизнь воли. Внизу, в глубине нашей телесности спит жизнь воли, по крайней мере, наибольшая часть жизни воли. Ибо эта жизнь воли человека является значительно более охватывающей, нежели осознанная жизнь воли, которую мы развиваем. Последняя - всего лишь малая часть. И мы можем смело сказать: человек с его обычным сознанием, когда он днём выполняет свою работу или удовлетворяет свои потребности, является всё же по большей части спящим. Бесконечно многое происходит подсознательно, и даже то, что он делает осознанно, он в большей части лишь по видимости выполняет осознанно, половину же и больше половины - бессознательно.

Если мы точно наблюдаем человека в том, что он, осознавая наполовину или больше чем наполовину, делает бессознательно, тогда наше духовное зрение может направиться на то, что он, будучи спящим, не является таким неверующим скептиком, как бодрствующий человек; он совершенно не является неверующим скептиком. Современный бодрствующий человек приходит со своим мировоззрением и заявляет: описание бытия (древнего) Сатурна в такой книге как «Очерк тайноведения» есть чистейший, абсолютный вздор! - такая точка зрения сама собой разумеется. Но человек как человек в целом не говорит так, но несёт в себе нечто, благодаря чему он, - позвольте мне так выразиться, - бессознательно знает, что когда-то сатурническое бытие имело место. Он занимается чем-то таким, посредством чего он документирует, что на бессознательном уровне он в некотором роде вспоминает это сатурническое бытие. То, что он так делает, говорит о том, что он будет архитектором. Ибо архитектурное искусство никогда бы не возникло, если бы человек сегодня не носил в себе тех законов, которые были напечатлены человеку в его физическое тело ещё в то древнее сатурническое время. Вчера мы сообщали о том, как эти, находящиеся в физическом теле законы могут быть спроецированы в пространство; и тогда, снаружи они становятся архитектурными законами. Само собой разумеется, он должен делать это современными средствами; то, что

выступает нам навстречу в современных произведениях архитектуры, выглядит совершенно иначе, нежели то, что нам известно как «сатурническая архитектоника». Но самое существенное, живое, что можем мы сделать в архитектурных творениях, является тем, что насаждено в человеке вследствие древнего сатурнического бытия.

Возьмём то, что мы, таким образом, проводим перед нашей душой, в ещё более глубоком смысле. Что делает человек, когда он совсем, будь он спящим, будь он познающим, будь он потребителем, подходит к архитектурному творчеству? Он живёт в сатурнических законах своего физического тела; это значит, что если он совершенно погружается в законы архитектуры, он забывает всё то, что живёт в нём в качестве эфирного тела, астрального тела и «я», он снова становится сатурническим человеком. Всё жесткое, всё непорочное, всё молчаливое и опять-таки говорящее в архитектуре, есть ни что иное, как то, что человек, в связи с отчуждением высших членов своего существа переместил туда, что дали ему духи высших иерархий, - Троны, Архаи, которые принимали участие при начале сатурнического бытия, - главным образом обе группы этих высших существ, поддержанные другими существами высших иерархий.

Здесь мы действительно не только поднимаемся над современной Землей, но и над отдаленным, исключительно дальним прошлым; тут имеет место перемещение себя в это сатурническое бытие, которое производит человек, предаваясь архитектурному творчеству или испытывая удовольствие от архитектурного творчества, само собой разумеется, если речь идет о настоящем искусстве.

Теперь мы переходим к скульптуре, к пластическому, скульптурному искусству. Вчера мы видели, что законы скульптуры являются законами эфирного тела, которые человек оттесняет на одну ступень в своё физическое тело. Как то, что живёт в физическом теле, будучи вытеснено в пространство, становится там архитектурой, так становится скульптурой то, что живёт в эфирном теле, будучи оттеснено в физическое тело. Довольствуясь скульптурой, мы отчуждаемся от астрального тела, от «я» и всех высших членов. Получая удовольствие от скульптуры, мы живём в нём так, как если бы мы имели одно лишь физическое тело, и в этом физическом теле - выражение эфирного тела; это является перемещением в древнее солнечное бытие. Всё то,

что было насаждено человеку в древнем солнечном бытии, становится современным при наслаждении скульптурой или при создании скульптуры. То, что выступает нам навстречу в скульптуре, кажется нам родственным с одной стороны, поскольку возвращает нам наше собственное далекое весьма отдаленное прошлое, которое ещё находится в нас как нечто творческое, творящее, - это наше солнечное время. С другой стороны, оно кажется нам столь мраморно гладким, мраморно холодным, поскольку то, что приходит к нам из скульптуры, отсвечивает чем-то, приходящим из далекого Космоса, из далекой Вселенной.

Приступая к живописи, мы знаем, что живопись покоится на том, что в эфирное тело оттесняются внутренние импульсы астрального тела, так что в живописи мы отстраняемся от нашего «я» и живём так, как если бы мы переживали только лишь в астральном теле, но это астральное тело было бы сдвинуто вниз в эфирное тело. Мы тут переживаем себя во всём том, что было насаждено в нас в древнем лунном бытии, том древнем лунном бытии, которое нам как людям предоставило астральный внутренний мир, астральное внутреннее содержимое. Художественное творчество, живопись является как бы внешней проекцией этого нашего астрального внутреннего мира. Точно так же как мы переживаем в нашем внутреннем астральном мире такие настроения как печаль, радость, как нечто характерное, исполненное выражения, как мы переживаем то, что приносит нам судьба, так переживаем мы и то, что наколдовывает нам художник на полотне, и что является отражением нашего собственного внутреннего астрального существа.

Если вы попытаетесь немного вжиться в то, что описано в «Очерке тайноведения» как сатурническое, солнечное и лунное бытие, тогда вы откроете, что на самом деле при описании сатурнического бытия в основу положено архитектурное настроение, при описании солнечного бытия в основу положено скульптурное настроение, а при описании лунного бытия - настроение живописца, художественное настроение. Это было попыткой в словесном выражении восстановить эти настроения. Именно это относится к отображению оккультных событий в большей степени, чем сегодняшние вспомогательные литературные средства; человек проявляет полное непонимание стиля оккультных описаний, если он считает, что можно было бы достичь чего-

то верно, используя ужасные вспомогательные литературные средства нашего времени.

Затем мы перейдём к земному бытию, в котором мы живём в нашей непосредственной современности, как в предоставленной нам реальности. Она не является чем-то таким, по отношению к чему мы, живя внутри неё, имели бы потребность художественным образом ставить её перед собой. Напротив, то, что человек ощущает как потребность создавать, исходя из себя, нечто художественное, не исчерпывается тем, что он в архитектуре, скульптуре и живописи как бы воссоздаёт своё космическое прошлое, исходя из насажденной в нас памяти. Художественная потребность заходит дальше. И если мы исследуем духовную основу этого дальнейшего продвижения художественной потребности, мы должны найти её в том, что в «Очерке тайноведения» после описания сатурнического, солнечного, лунного и земного бытия эскизно изображено в качестве дальнейших ступеней развития, как бытие Юпитера, Венеры и Вулкана, а также дано далее, как описание процесса посвящения, который, главным образом, является внутренним человеческим процессом. Эти процессы инициации надо представлять себя так, что они, в том виде, как они выступают нам навстречу сегодня, являются началом важнейших преобразований человеческой земной жизни, и вообще человеческой жизни в будущем. Разве не обстоит дело так, что по отношению к человеческой земной жизни можно почувствовать, если ощущать более глубоко: ах! Эта земная жизнь человека; насколько человек осознает её, она протекает так, что человек кажется самому себе сиротой в Космосе, кажется брошенным ребенком Космоса, можно даже сказать заблудшим странником Космоса.

Но всё же, человек в своём повседневном сознании, в своём бодрствующем сознании не знает, как осуществлялось то, что возникало вследствие сатурнического, солнечного и лунного бытия, что живёт в нём; он также не знает, что возникнет из него в том, что должно стать бытием или состоянием Юпитера, Венеры и Вулкана. Не зная своих первоисточков, без знания своего будущего, человек заблуждается в пропасти земной юдоли. Порой он может чувствовать себя крепким благодаря своему сознанию и быть уверенным в своём будущем, но предметно-вещественным образом, ни прошлого, ни будущего земному человеку измерить не дано. Тем не менее, перед душой человека будет

выступать то, что может стать вождём в надёжном жизненном направлении, которое будет дано, если люди познакомятся с тем, что даётся им как направляющая линия в законах инициации; тех законах, которые в древности ещё представляли собой некое наследие богов, которым были наделены люди, и которое выступало как атавистическое ясновидение. Это наследие, однако, по мере нашего вживания в будущее, должно всё больше и больше охватывать человека и формировать его внутренние душевные силы.

Несомненно, этот путь, эта тропа инициации имеет две стороны. Одна сторона состоит в том, что человек посредством инициации знакомится с тайнами, с загадками бытия; в том, что посредством инициации он вступает в духовные переживания бытия. Но другая сторона в том, что мы можем назвать более субъективной, в большей степени, разыгрывающейся в душе инициацией. Это как бы то, перед чем люди по большей части в страхе отступают, поскольку на самом деле она такова, что не относится к приятным душевным переживаниям, которым душа предается с легкостью или которым она хотела бы предаться. Имеется некая шкала, необыкновенно подробная шкала внутренних переживаний, для тех, кто постепенно должен вести свои внутренние переживания к инициации. Преодоление, высвобождение, сопротивление и спасение – они видоизменяются разнообразнейшим образом во внутренних переживаниях на пути инициации: тут человек должен проделать всё то, что позволит почувствовать душу так, как если бы эта душа вдруг стала совершенно чуждой себе, как если бы она обрушилась в пропасть, где она должна чувствовать себя, как если бы она была вечно потерянной, и никогда не могла бы снова обрести того, чем она обладала в какое-либо время жизни. Это может подвергнуть душу бесконечному ошеломлению, оцепенению и печали, вследствие утраты уже достигнутого бытия. А затем душа снова может подвергнуться тому, как если бы она должна была раздробиться, должна была бы перейти в бесконечную множественность, во все те существа, из которых составлен Космос. Но затем снова приходит настроение, как если бы она должна была бы чувствовать себя странствующей через существ Вселенной, становясь родственной с сущностью одного, затем опять – таки, оставляя эту сущность, становиться родственной с сущностью другого, как я это описал в моей книге «Порог духовного мира», где я изобразил переживания, которые всегда связаны с

болезненными лишениями, с болезненными потерями, когда они переживаются в отдельности. В конце концов, душа может пережить нечто, где она, так сказать, претерпевает радикальное преобразование, при котором душа должна решиться на то, что может быть выражено словами: ты теперь должен на некоторое время потерять себя самого, оттолкнуться от себя самого, но ты должен верить, что, в то время, когда ты потеряешь самого себя, в то время, когда ты отталкиваешься от самого себя, существо, которое покоится в далях божественных иерархий, хранит тебя и даст тебе снова обрести себя, после того, как ты потерял себя. – Таково прохождение через рождение и смерть. Это то, что следует проделать в числе переживаний, ведущих к посвящению.

В конце концов, это является исполненным жути, ужаса прохождением через все те силы, которые необходимы не только для земной жизни, но необходимы для жизни внеземного Космоса, которые, однако, будучи неправомерным образом внесены в земное бытие Люцифером или Ариманом, становятся силами зла; это исполненное ужаса прохождение через силы зла, вместе со всем тем, что означают они, как подкапывающие, разрушающие, поглощающие начала во всём Космосе. Это, в конечном счете, прохождение через ту стадию, где человек смеет чувствовать себя всего лишь инструментом, орудием, через которое говорят духовные существа, где он символически становится тем, чем является его гортань в качестве отдельного члена, где он становится гортанью божественно-духовных существ, где он сам себя чувствует покоящимся во всемогущем, Божественном слове. Когда-нибудь наступит состояние, когда в будущем это чувство соединится с сопереживанием Божественного тканья и воления в Космосе.

Однако здесь описаны всего лишь отдельные состояния. Бесконечно многоступенчато, многогранно то, что испытывает душа. Описание того, как душа может освоиться, смириться со всеми этими состояниями, и с каждым таким состоянием подниматься на одну ступень выше по тропе инициации, делать один шаг дальше к духовному миру, вы, в более подробном виде найдёте, - в той мере, насколько такое описание необходимо для современности, - в книге «Как достигнуть познания высших миров?», или также в книге «Порог духовного мира». Да, всё то, что испытывает душа, приближая себя к инициации, проделывается на тропе инициации осознано,

переживается осознано. Вот почему эта тропа познания так болезненна, но также и спасительна. Однако человек в состоянии долго, долго, перед тем, как он осознанно освоиться со всем, что я описал вам как этапы тропы посвящения, тропы инициации, выражать своими средствами эти переживания, выражать их в образах, - именно это происходит посредством музыки. В конце концов, существенным образом, настоящая музыка является бытием протекающем в звуках, протекающими в музыкальных тонах свершениями бытия; она есть внешний образ того, что осознано переживает душа на пути посвящения.

Оставаясь в повседневном бытии, человек может, не без последствий выполнить то, что мы могли бы назвать: «я», - как мы это описали вчера, - погружается в астральное тело. То, что предпринимает человек, погружаясь с «я» в астральное тело правильным образом, так что погружаться вниз, значит окунуться в Божественный мир, - это как раз и есть прохождение через инициацию. Однако образ этого дается нам в событиях, которые подступают к нам благодаря музыкальным творениям. Когда человек предаётся созданию или восприятию музыкальных произведений, он отчуждается от своего «я». Он оттесняет это «я» назад, но он как бы передает его всем тем Божественно-духовным силам, которые будут работать в его астральном теле, когда он поднимется до состояния Юпитера.

Обдумайте, как мы теперь приступаем к рассмотрению музыкального художественного творчества, которое связывает нас с будущим человечества. Это, можно сказать, почти нескромно, высказывать то, что музыкальное художественное творчество на самом деле призывает к тому, чтобы всё больше и больше совершенствоваться в мире, чтобы всё больше и больше углубляться в мир. То, что как музыкально-художественное творчество уже вступило в наш мировой порядок, есть более или менее всего лишь попытки, несмотря на всё великое, на всё гениальное в этом музыкально-художественном творчестве. Это всего лишь пробы чего-то бесконечно более значительного в музыкально-художественном творчестве будущего. И это музыкально-художественное творчество будущего можно ощутить как побуждение, значительное побуждение, если только люди решаться на то, чтобы познакомиться с характером внутренней природы тропы инициации.

Если когда-нибудь то, что может быть описано в связи с тропой посвящения, будет переживаться людьми не так, как сегодня, но будет переживаться так, что человек при описании того, что должна тут пережить душа, испытает и восторг и тяжёлое разочарование, если это станет цельным переживанием, которое человек, читая, может испытать относительно тропы посвящения, тогда душа человека может быть впервые потрясена фактом своего участия в судьбах всех существ, которые во вне-человеческом бытии участвуют в событиях Космоса; душа человека будет переживать потрясения, лишения и избавления, которые подвигнут душу к тому, чтобы в сочетании звуков, тонов выразить то, что можно пережить при описании тропы посвящения. Если в будущем появятся люди, которые будут ощущать описания тропы посвящения, которые будут чувствовать, что возможны интенсивные переживания благодаря тому, что по видимости кажется выступающей навстречу абстракцией, чувствовать, что возможны переживания, гораздо более интенсивные, нежели имеются в наших внешних физических переживаниях. Тогда для натур, кто может ощутить в их истинности те вещи, которые описываются в связи с тропой посвящения, может наступить момент, когда они скажут себе: теперь я чувствую; то, что я теперь переживаю, связывает меня не с природой, внутри которой я нахожусь, будучи на земном шаре, но с тем, что ткёт и живёт в Космосе. О! я могу всё это не просто переживать, я мог бы это спеть, я мог бы об этом написать музыку!

В том, что может быть так описано, мы имеем указание на то, чем должна стать для человека духовная наука, ибо духовная наука должна живо побуждать человеческую душу, должна быть не только теорией, не только познанием, не только знанием. Духовная наука должна жить в душе, охватывать все силы в душе, должна делать из человека другое существо. В соответствие с ней человек должен сделать из себя самого другое существо, если он предаётся духовной науке.

В древности, можно сказать, ещё у древних греков, были солнечные люди, там ещё было атактистическое ясновидение, которое приводило людей к тому, чтобы отстранить от себя всё астральное существо и всё «я»-существо, чтобы в человеческом существе выразались только те законы, которые были впервые созданы в древнем сатурническом и солнечном бытии. Вследствие этого возникла греческая

скульптура, те греческие скульптуры, которые, как произведения искусства действительно стоят перед нами так, как должен был бы духовно стоять перед нами солнечный человек, если мы понимаем его, как содержащего лишь физического человека с жизненным эфирным внутри, и ещё не содержащим астрального. Да, Венеру Милосскую, созданную греческим искусством мы можем рассматривать как некую стоящую перед нами персонификацию целомудренного, непорочного существа, поскольку порочность, отсутствие целомудрия, возможно лишь в астральном теле, во всём том, чем как порывами и вожделениями проникнуто астральное тело. В эфирном теле порочность, отсутствие целомудрия, ещё невозможно. Таково было наследие Божеств, которое совместно получили люди; то, что они стали предрасположены к тому, чтобы создавать такое искусство. Эта форма сопереживания лишь в эфирном и физическом телах, помимо «я» и астрального тела была утеряна людьми.

Когда же человек пробудился у тому, чтобы со своим «я» и астральным телом погрузиться в эфирное и физическое тело, он стал чувствовать и переживать, только то, что существовало в его «я». То, что происходит в его астральном теле, не говоря уже об его эфирном теле и физическом теле, оказалось в подсознании. Об этом на внутреннем уровне человек не знает. Но у греков еще существовало пророческое, предчувствующее ощущение. Однако мы, если мы ориентированы на то, чтобы духовнонаучное познание снова ожило в нас, чтобы оно не стало для нас всего лишь абстрактным познанием, нашим теоретическим знанием, но охватило всю нашу душевную жизнь, постепенно проникаем вниз, в то, что упорядочивает нас, учит познавать то, что всецело ритмизирует, гармонизирует, вносит цикличность в наше астральное тело и эфирное тело. И тогда мы приходим к неким, возможным для души последствиям того, что на эфирном уровне тело пульсирует, пульсирует пространство, и вызывает наружу из эфирного облики, формы.

Такая попытка должна быть предпринята при построении наших колонн, при построении наших архитравов в здании Гётеанума: погружение в сферы, в которые нам позволяет погрузиться духовная наука, забытая человечеством. Однако тут мы должны на самом деле с глубочайшей серьёзностью принять то, что может дать нам духовная наука. Вы можете из всего смысла вышеизложенного о духовной науке

заключить, что если человек сознательно проникает в духовный мир, - а он и должен проникать в духовный мир сознательно, - итак, если он понятийно формирует то, что живёт в эфирном мире и в человеческом эфирном теле, и хочет услаждать себя тем, что сформировано, если он хочет войти туда, ему придется познакомиться с теми существами, которые обозначаются как люциферические и ариманические духи.

Вы только подумайте, сколько ариманических существ находится сегодня среди созданного нами. Вспомните о том, что я сообщал в отношении современной технической среды. Нам не остаётся ничего иного, как творить с помощью современной техники. Если бы мы захотели выполнять работу без помощи современной техники, это было бы подобно тепличному растению. Мне доставило известное удовольствие то, что мы здесь наше здание можем частично строить с помощью наиболее современных материалов, что мы его частично строили из бетона, ибо прогресс заключается не в том, что мы подобно тепличному растению изолируемся от остальной жизни, но в том, что мы используем то, что дает остальная жизнь. Когда мы на духовнонаучном уровне овладеваем мировой духовностью, мы пытаемся применять современные материалы, чтобы то, что мы постигаем духовнонаучно, жило в современных материалах.

Это, конечно, может осуществляться лишь до известной степени. Вы поймёте то, что мы говорили здесь о технической среде, если вы рассмотрите смысл всего этого в целом. Ибо техническое нельзя отделить от ариманического, если мы, например, хотим создать нечто для себя посредством архитектуры или скульптуры. Вот почему возникла трудная задача, как отделить от здания и обезвредить то, что в нашем здании по необходимости должно было быть ариманическим. Это была трудная задача, ведь мы знаем, что ариманическое должно быть связано с современным техническим творчеством. Какое-то время дело обстояло так, как если бы Ариман успешно добился превосходства над нами. Мы тогда были вынуждены всё то, что имело производственный характер, было техническим производством с известной стороны включить в наше здание, тем самым предоставив Ариману место в здании. Надо было думать о том, чтобы устранить из здания ариманические силы. Это могло произойти только в том случае, если бы мы

нашу котельную устранили, изолировали от здания. Как вы видите, именно это и произошло; было достигнуто то, что могло быть достигнуто, насколько это было возможно, вследствие осуществления разумных замыслов нашего дорогого господина Энглерта. Стало возможным, применяя современные материалы, построить формы, которые выражали бы следующее: здесь, вблизи здания, но, всё же вне здания, стоит то, что не должно находиться внутри, но должно находиться снаружи. Оно поставлено так, что то, к чему оно относится (то есть само здание), действительно является архитектурным строением, созданным в соответствии с духовнонаучными познаниями.

Огромное значение имеет то, что это удалось осуществить посредством новейших материалов. Ибо, видите ли, если вы углубляетесь в наши духовнонаучные сочинения, а именно, в последнюю главу мистерии «Врата посвящения», вы почувствуете там выражение того, что Люцифер и Ариман наиболее вредны тогда, если их не видят, если они остаются незримыми. Допустим, что кого-то мучают ариманические силы. Что могло бы противодействовать им наилучшим образом? Наилучшим противодействием было бы то, если он сформирует для себя какой-либо подходящий образ Аримана и поставить себе в комнату. Против того, что на астральном уровне мучает человека, лучшее средство, поставить это перед собой физически. Было бы неправильной точкой зрения, если верят в то, что когда имеют Аримана перед собой, человек последует за Ариманом. Имеет место противоположное. Эти вещи надо делать видимыми. При этом, однако, не надо нервничать, нельзя допускать, чтобы проходя мимо фигуры Аримана и бессознательно смотря на неё, человек носил в себе её отображение. Ибо тогда человек имеет это в себе невидимо, человек становится нервным, или возбужденным.

Одновременно вы, изучая нашу ариманическую дымовую трубу со всей котельной, должны видеть, каким благоприятным образом может быть архитектурно устроено то, что, можно сказать, относится к наиболее грубой ариманической культуре нашего времени. Некоторый вред этой культуры будет смягчён не раньше, пока человечество не примет решения архитектурно формировать то, что соответствует нашей ариманической культуре. Помимо всего остального, помимо того, что мы имеем здание для наших работ, является важным и то, что однажды должно было быть

положено начало в деле отношения современной культуры к искусству, к художественному элементу, в деле отношения духовной науки к современной культуре. Такое тихое начало было положено этой котельной: она положила начало тому, посредством чего будут решены и другие проблемы. Огромной проблемой было бы также: обрести современный вокзал, ибо то гадкое, чудовищное, что существует сегодня в качестве вокзалов, является противоречием по отношению к человеческому началу. Как наша котельная во всех своих формах подходит не только к тому, что в ней происходит, но и к тому отношению в целом, в котором находится к нашему зданию Ариман, точно так же должен и вокзал подходить к тому, что происходит в нём, посредством него и внутри него в рамках нашей современной культуры.

Таковы вещи, на которые надо указывать ради оплодотворения художественного творчества, которое может осуществиться благодаря духовной науке. Можно убедиться в том, - если действительно войти в смысл и дух того, что должно следовать из духовной науки, - что если человек когда-либо углубляется в природу сатурнического начала, ему навстречу выступают глубинные законы аритектоники. Если же человек погружается в природу солнечного начала, ему навстречу выступают глубинные законы скульптуры; когда же вы углубляетесь в лунное начало, вы внутренне входите в глубинные связи формы и цвета и в сущность светлого и тёмного; так вы получаете инспирации для художественного творчества.

А из описания пути посвящения будут исходить инспирации и интуиции для музыкального, и в некотором смысле для поэтического искусства. Когда-нибудь после придёт время, когда поэтическое творчество будет присутствовать в мире в подлинном смысле этого слова. Поэтическое творчество до известной степени завершилось, оно отзвучало. Божественные сны, грёзы, воплощённые в настоящих поэтах, принадлежали ещё к последним остаткам древнего божественного наследия. Но должно придти время, когда из прозрения в тайны инициации люди в драме, эпосе или лирике будут говорить о таких внутренних душевных процессах, которые переживает человек, если он живёт не только с одним собой, но если он живет в Божествами высших иерархий. О звучании стихов, которое всё снова и снова становится для нас отзвуком того, что люди переживают в физическом теле, в не столь отдалённое время

человек будет говорить: пусть эти люди оставят меня в покое. То, что они с утра до вечера кого-то любят, кого-то ненавидят, чему-то радуются - это их собственное дело. Но то, что они переживают совместно с богами, найдя дорогу из земных переживаний, - об этом пусть рассказывают нам в своём музыкальном творчестве, об этом пусть рассказывают они нам, создавая драму, эпос или лирику. Ибо мы знаем: всё то, что человек может сопережить с внеземным бытием, должно быть получено посредством истинного, отстраненного от повседневных переживаний творчества.

Итак, вы видите, что в духовнонаучном познании заложены преобразовательные импульсы для понимания художественного. Так мы видим, насколько мы можем предчувствовать, - если мы допускаем себя к этим духовнонаучным познаниям, - предчувствовать силы, которые должны господствовать в духовной культуре грядущего человечества. На самом деле, мы смеем верить, что никто не может подступиться к духовной науке, без того, чтобы глубоко внутренне преобразовать всё своё собственное существо. Мы смеем верить, что духовная наука представляет собой нечто такое, что может глубоко внутренне захватить человека, что выводит из тесной связи исключительно с физической жизнью. Если человек подразумевает такой идеал духовной науки, если он обретает смысл того, что при использовании духовной науки уже ведет в иные сферы, нежели сфера обычного переживания, тогда для него всякий раз имеет огромное значение то, если у кого-то, принадлежащего этому духовнонаучному движению, можно увидеть, что он действительно возжег в себе настоящую искру, которая выводит его за пределы обычного, узко личного переживания. Единственное, что сегодня мы благодаря духовнонаучному движению можем пережить как нечто отрадное, это то, что благодаря этому духовнонаучному движению среди нас могут появиться люди, которые действительно находят дорогу из личного в те сферы, где личного больше не существует.

В повседневности мы должны заботиться о личном, но поскольку мы совместно являемся последователями духовной науки, все личные волнения и чувства, - если мы действительно охвачены духовной наукой, - превращаются в нечто сверхличное, и каждая победа над личным чувством, над личной трудностью в жизни, имеет бесконечное значение, бесконечную ценность. Но одновременно горьким

разочарованием является, если то, что в ходе духовнонаучных устремлений было поволено чисто духовно, снова возвращается в лично-человеческое воление, в личные человеческие намерения, если личное начинает играть роль внутри того общества, которое должно охватывать нас стремлением к духовной науке.

Мне не хотелось бы ту пару фраз, которые я высказал в заключении, излагать более точно, более точно описать их значение, поскольку я полагаю, что среди нас есть некоторые, кто, возможно многое поймёт в этих фразах, кто поймёт, что этими фразами указано на многое из того, что приносит удовлетворение и что разочаровывает. Сегодня, после того, как мы попытались на какое-то время вместе пройти по духовнонаучному пути, было бы хорошо когда-нибудь это обдумать, удержать перед собой, ибо есть много предпосылок для того, чтобы удержать это перед собой, если человек своей душой принимает участие в прямом, честном стремлении вверх, к духовным интересам, забота о которых осуществляется посредством духовнонаучного течения. Ибо, сколь величественная открывается перспектива, когда мы говорим себе: жизнь, наука, религия и даже искусство могут пережить преобразовательные импульсы, исходящие от правильно понятой духовной науки. Всё пластическое искусство происходит от того, что мы духовно познаем о прошлом, всё музыкальное искусство, искусство, связанное с речью происходит от того, к чему мы стремимся в себе, чтобы смочь идти навстречу будущему. Эта перспектива столь велика и мощна, что мы не можем этого ощутить в достаточной степени, не можем почувствовать её, чтобы более интенсивно уяснить её себе. И чем больше нам удаётся уяснить себе настроение, исходящее из нас, тем лучше ставим мы себя в качестве активных сочленов в том великом, - сегодня ещё малом, но предназначенном к величию, - организме, который известен нам как духовная наука. Вот что хотелось мне сегодня обратить не только к вашему рассудку и вашему разуму, но и заложить это в ваши души и сердца.

Четвертая лекция

Дорнах 31 декабря 1914

**Мировой Новый Год.
Сновидческая песнь Олафа Эстесона**

Этот праздник нашего завершения года мы начинаем тем, что госпожа др. Штейнер преподнесет к лекции прекрасную норвежскую легенду об Олафе Эстесоне, о том Олафе Эстесоне, который при наступлении Рождественского времени впал в своего рода сон, который продолжался тринадцать дней: тринадцать священных дней, с которыми мы знакомимся в наших различных рассмотрениях. В течение этого сна он имел важные переживания, о которых он затем, когда проснулся, сумел рассказать.

В эти дни мы предпринимали различные рассмотрения, которые могли обратить наше внимание на то, как посредством духовнонаучного мировоззрения мы иным образом можем вновь обрести для человеческого познания те древние познавательные сокровища, которые в прошедшие дни познавались людьми как то, что принадлежало духовному миру. Всё снова и снова, в той или иной форме мы будем сталкиваться с этим древнейшим знанием о духовных мирах. Всё снова и снова, мы будем вспоминать, что это знание в древности покоилось на том, что человек в соответствие со своей более ранней организацией мог вступать в такую связь со всем Космосом и его событиями, что, - как мы выражаем это на нашем языке, - человеческий микрокосм погружался в закономерности происходящего в Макрокосме. При этом погружении в Макрокосм он мог иметь переживания о тех вещах, которые глубинным образом касались его душевной жизни, но которые должны были бы оставаться скрытыми для него, пока он как микрокосм странствовал на физическом плане, будучи наделен лишь теми познаниями, которые дают органы чувств и связанный с ними рассудок.

Мы знаем, что только материалистическое мировоззрение может верить в то, будто бы только человек в рамках мирового порядка наделен способностями познания, чувства и воли, в то время как с точки зрения спиритуального мировоззрения надо признавать, что точно так же, как имеются существа, стоящие на человеческой ступени, так есть и существа, выше ступени человеческого мышления, чувства и воли. В этих существ

человек может вживаться, когда он как микрокосм погружается в Макрокосм. Но тогда мы должны говорить об этом Макрокосме так, как если бы он был не только пространственным Макрокосмом, но как если бы в жизни Макрокосма имело значение время в своём течении. Как человек должен отказаться от всех впечатлений, которые могут воздействовать на его чувства из его окружения, как он как бы должен создать вокруг себя мрак посредством закрытия своих органов чувственного восприятия, чтобы внутри себя возжечь свет духа, если он хочет погрузиться в глубины своей души, так и тот дух, которого мы называем Духом Земли, должен закрыться, изолироваться от впечатлений из остального Космоса. Внешний Космос должен оказывать на Духа Земли воздействие в наименьшей степени, для того, чтобы сам этот Дух Земли внутренне сконцентрировался, чтобы он мог внутренне сосредоточить свои способности. Ибо тогда будут открыты те тайны, которые человек испытывал совместно с этим Духом Земли, поскольку Земля, как таковая изолирована от Космоса.

Временем, когда воздействия внешнего Макрокосма на Землю максимальны, является летнее солнцестояние, Иванов День. Многие древние традиции, связанные с праздничными представлениями, праздничными шествиями, напоминают нам как проводились такие праздники посреди лета, как душа посреди лета вследствие того, что она выделяла «я» вовне и выходила в жизнь Макрокосма, в опьянении отдавалась впечатлениям Макрокосма.

Однако нечто обратное напоминают нам легендарные или прочие повествования о том, что можно было пережить в древности, когда впечатление от Макрокосма на Землю были минимальны, вследствие чего Дух Земли концентрировался в себе и в бесконечной Вселенной переживал тайны душевной жизни Земли; и человек сопереживал наиболее священные тайны, если он предавался этим переживаниям в то время, когда свет и тепло посылались Земле из Космоса менее всего. Вот почему эти дни Рождественского времени всегда считались священными; ведь тогда человек, - если он ещё имел в своём организме способность сопереживать земную жизнь в то время, когда она была наиболее сконцентрирована, - мог вести совместное бытие с Духом Земли.

Олаф Эстесон, Олаф, сын Земли в эти тринадцать коротких дней, когда он был погружен в Макрокосм, переживал тайны Вселенной. И норвежская легенда, в новое время

воскрешенная из древних источников, сообщает нам о переживаниях, которые имел Олаф Эстесон между временем Рождества, Нового Года вплоть до 6 января. У нас есть повод, часто думать об этом древнем виде переживания микрокосма в Макрокосме; наше рассмотрение можно присоединить к таким вещам. Но прежде всего, давайте послушаем легенду об Олафе Эстесоне, который во время, переживаемое нами сегодня, пережил тайны мирового бытия вследствие того, что жил совместно с Духом Земли. Итак, давайте послушаем об этих переживаниях.

СНОВИДЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

I.

Послушай песнь мою!

Тебе хочу я спеть

О храбреце одном,

Он звался Олаф Эстесон,

Который долго спал,

О нём тебе пою я.

II.

Прилёг он раз под Рождество

И вдруг уснул так крепко,

Не мог проснуться он, пока

Через тринадцать долгих дней

Народ пошёл ко храму.

Он звался Олаф Эстесон,

Который долго спал,

О нём тебе пою я.

Прилёг он раз под Рождество

И вдруг заснул так крепко,

Не мог проснуться он, пока

Через тринадцать долгих дней

Не встрепенулись птицы.

Он звался Олаф Эстесон,

Который долго спал,
О нём тебе пою я.
Не мог проснуться он, пока
Через тринадцать долгих дней
В горах сверкнуло солнце,
Тогда вскочил он на коня
И поскакал ко храму.

Он звался Олаф Эстесон,
Который долго спал,
О нём тебе пою я.
Служил священник в алтаре,
Когда подъехал Олаф
И в ворота церковных он
Свои виденья рассказал,
Что в долгих снах предстали.

Он звался Олаф Эстесон,
Который долго спал,
О нём тебе пою я.
И тот, кто стар, и тот, кто млад
Словам его внимали
Про этот долгий сон.

Он звался Олаф Эстесон,
Который долго спал,
О нём тебе пою я.

III.

Прилёг я раз под Рождество
И вдруг уснул так крепко,
Не мог проснуться я, пока
Через тринадцать долгих дней
Народ пошёл ко храму.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Я был взнесён под облака,
Я был на дне морском,

Но кто последует за мной,
Навек невесел станет.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Я был взнесён под облака,
Упал я в грязь болота,
Весь ужас ада я познал,
Познал и свет небесный.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
И вглубь земли спускался я,
Где плещут Божьи реки,
И, хоть я видеть их не мог,
Но слышал страшный плеск.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Мой вороной в пути не ржал.
Не лаял там мой пёс,
Не пели птицы по утрам,
Всё было очень странно.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Я шёл в духовную страну
По полю из шипов,
Я изорвал свой красный плащ
И ногти на ногах.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Вступил я на Гьялларский мост,
На высоту ветров,
Окован он золотой бронёй
Из игл и из шипов.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...

Там бил меня духовный змей
И рвал духовный пёс,
Там бык поднялся на дыбы,
Три твари, яростны и злы
Загородили мост.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Кусает пёс и ранит змей,
Бодает мощный бык,
Не перейти тот мост тому,
Кто истину не чтит.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Прошёл я этот узкий мост,
Где голову кружит,
В трясилах заблудился я,
Но одолел и их.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
В бездонных топях я тонул,
Пробившись на мосту,
И вкус земли, как труп в гробу
Я ощущал во рту.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
И вот я к водам подошёл,
Сверкал там синий лёд,
Но умудрил меня Господь,
И я прошёл вперёд.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Так я вступил на млечный путь,
На правый путь я встал,
И тут увидел чудный свет:

Там рай вдали сиял.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Но Божья Матерь в вышине
Велела мне тогда
Идти не медля в Броксвалин,
Где души ждут суда.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...

IV.
И долго, ночь за ночью
Блуждал я в иных мирах.
И знает только сам Господь,
Как много горя я видел...
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Там юношу увидел я -
Он мальчика убил:
В трясине вечно он тонул,
А труп держал на руках.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Там старика увидел я -
Был лихоимцем он:
За это здесь он был одет
В одежды из свинца.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Мужчин я видел, что несли
По раскалённой глыбе:
Нечестно камень межевой
Они передвигали.
В Броксвалине, где души

Сошлись на Страшный Суд.
Детей я видел, что стоят
На углях раскалённых:
За зло родителям своим
Их души так страдали.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Ещё я видел страшный дом
И близко подходил:
Там ведьмы трудятся в крови,
Что портили они.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Злых духов дикая толпа
Там с севера скакала,
Князь ада впереди.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Скакали с севера все те,
Что были злее всех,
Скакал князь ада впереди
На вороном коне.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Но с юга двигались полки
В спокойствии священном,
Их вёл Архангел Михаил
За Господа Христа.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
И души грешников в слезах
Дрожали, полны страха,
И по следам их злобных дел
Текла река из слёз.

В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Стоял в высотах Михаил
С весами для грехов:
Он души взвешивал у всех,
И, стоя рядом, их судил
Судья – Иисус Христос.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.

V.

О, как блажен, кто на земле
Дал обувь бедняку!
Не побредёт он босиком
По полю из шипов.
Так говорит язык весов,
Вещает правда мира
В духовной стороне.
О, как блажен, кто на земле
Дал хлеба бедняку!
Когда придёт он на тот свет
Псы грызть его не станут.
Так говорит язык весов,
Вещает правда мира
В духовной стороне.
О, как блажен, кто на земле
Дал бедняку зерна!
Гьялларский мост минует он,
Но бык его не тронет.
Так говорит язык весов,
Вещает правда мира
В духовной стороне.
О, как блажен, кто на земле
Дал платье бедняку!

Он не замёрзнет никогда
Во льдах на Броксвалине.
Так говорит язык весов,
Вещает правда мира
В духовной стороне.

VI.

И тот, кто стар, и тот, кто млад
Словам его внимали
Про этот долгий сон.
Проспал ты слишком долго...
Олаф Эстесон, восстань!

(Перевод: А. Демидов)

Мои дорогие друзья, мы слышали, как Олаф Эстесон пробудился от того сна, который должен был стать для него откровением тайн тех миров, которые оторваны от чувственной жизни, от обычной жизни на физическом плане. В этой древней легенде мы получаем известие о тех древних познаниях, о тех древних прозрениях в духовные миры, которые могут быть вновь пробуждены посредством того, что мы называем духовнонаучным мировоззрением.

Часто приводятся высказывание, которое проходит через все сообщения, касающиеся вступления человеческой души в духовный мир: они гласят, что человек только тогда может созерцать духовный мир, если он со своими переживаниями подходит к вратам смерти и затем погружается в элементы. Так что он имеет элементы земного бытия не вокруг себя, как находятся они в обычной жизни физического плана вокруг него как земля, вода, воздух и огонь, но что он, будучи поднят над этой внешней стороной, этой чувственно-воспринимаемой стороной элементов, погружается в то, чем являются эти элементы, если человек знакомится с их истинной природой, с их ближайшей истинной природой, где присутствует их существо, которое связано с земной жизнью человеческой души.

То, что Олаф Эстесон переживал нечто от этого погружения в элементы, можно проследить там, где прежде всего рассказывается как Олаф приходит на Гьялларский мост,

и как ему приходится, идти через этот мост, странствуя по пути в духовный мир, который простирается так долго.

Насколько наглядно описывается нам переживание с земным элементом, описывается, как он погружается в этот земной элемент. Это делается с той наглядностью, которая говорит нам, что он как мертвый, лежащий в могиле, ощущает вкус земли во рту. Затем нам ясно указывается на то, что может быть пережито в водном элементе, когда человек как бы со своим моральным содержанием переживает этот водный элемент. Затем указывается на то, как человек сходится с огненным элементом, с воздушным элементом.

Всё это удивительно наглядным образом описано и сосредоточено в переживании совместного бытия человеческой души с тайнами духовного мира. Легенда была обнаружена позднее; составлена она была тогда, когда ещё жила в устах народа. Кое-что в этой легенде, как она звучит сегодня, не таково, как было изначально. Изначально, без сомнения было только наглядное описание переживания в земной области, затем переживание в водной области. И только потом переживания в воздушной и огненной области дифференцированы гораздо сильнее, нежели было это в случае тех слабых отголосков, найденных спустя столетия, которые предлагаются нам сегодня.

Точно также без сомнения был более величествен и менее сентиментален конец, который в том виде, каков он сегодня, не напоминает больше изначальной, необычно грандиозной речи, не напоминает того, захватывающего на сверхчеловеческого уровня, заложенного в такой народной легенде, в то время как сегодняшней конец захватывает лишь на человеческом уровне, захватывает потому, что он связан с глубинными тайнами Макрокосма и человеческого переживания.

В такие времена, как то, когда мы живём теперь, в такие десятилетия, - если мы правильно понимаем их, - дается много предпосылок для того, чтобы обдумать тот факт, что человечество, в древности было проникнуто знанием, - хотя и иного вида, более смутным, сумеречным, - которое было потеряно и которое должно быть пробуждено заново. Тут перед нашей душой может выступить вопрос: а не следует ли нам, - поскольку уже можно знать о том, что такое знание должно придти снова на благо человечества, - не следует ли нам рассматривать как свою актуальнейшую задачу, делать всё то, что может привести к такому знанию, делать всё, чтобы человеческая культура смогла проникнуться таким знанием?

Многое будет необходимо для того, чтобы правильным образом смог наступить этот перелом во всей человеческом, - я мог бы теперь сказать, - чувстве по отношению к мировоззрению, перелом в мировоззренческом чувстве. И прежде всего тут будет необходимо одно, одно, - говорю я, - ибо это одно выступает среди многого другого, но надо принять именно одно: должно быть необходимым, чтобы человеческие души на почве нашего духовнонаучного мировоззренческого потока усвоили благоговение и преданность по отношению к тому, что было известно в глубокой древности в древней форме о великих тайнах бытия. Надо будет ощутить, насколько в материалистическую эпоху было упущено развитие этого благоговения и преданности в душе.

Необходимо получить ощущение того, как сухо и трезво материалистическое время, насколько высокомерно поставило себя рассудочное познание человечества в первые столетия пятого послеатлантического культурного периода по отношению к откровениям древних религиозных и древних познавательных преданий, которые поистине, - если только приближаться к ним с необходимым благоговением, - позволяют предчувствовать, сколь глубокая, глубинная мудрость содержится в них. Как неблагоприятно, без благоговения, в сущности, относимся мы теперь к содержанию Библии! Я даже не хочу говорить о том виде отвратительных современных исследований, которые растрепали и раздробили Библию; я хочу говорить только о той сухой, бесчувственной форме, в которой сегодня мы, будучи вооружены только чувственным познанием и силами обычного рассудка, приближаемся к Библии, как мы больше не можем развить чувства по отношению к тому неизмеримому величию человеческого воззрения, которое выступает нам навстречу из некоторых её мест. На одно такое место из Второй Книги Моисеевой, глава 33, строка 18 мне хотелось бы указать:

"Моисей сказал: покажи мне славу Твою.

И сказал [Господь Моисею]: Я проведу пред тобою всю славу Мою, и провозглашу имя Иеговы пред тобою, и кого помиловать - помилую, кого пожалеть - пожалею.

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых.

И сказал Господь: вот место у Меня, стань на этой скале;

когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду; и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Моё не будет видимо [тебе]."

Если мы рассмотрим это место, принимая во внимание всё то, что за истекшие годы нашей духовнонаучной деятельности могло влиться в наши души и в наши сердца, то сможем почувствовать, сколь бесконечная мудрость говорит из этого места, и сколь туги на ухо стали люди материалистической эпохи, что даже не могут услышать бесконечно глубокую мудрость, гласящую из этого места. Я бы хотел в связи с этим познакомить вас с одной книжечкой, появившейся под названием: "Слова Моисея" в издательстве Брунс в Миндене, Вестфалия, причём именно потому, что в этой книжечке кое-что из Пятикнижия Моисеева переведено лучше, чем в других изданиях. Издатель книги "Слова Моисея", доктор Гуго Бергман потратил немало усилий для этой интерпретации.

Мы неоднократно подчёркивали, что человек, желающий окунуться в духовный мир, должен усвоить совершенно иной род собственного отношения к миру, отличный от отношения к чувственному миру. Чувственный мир человек имеет вокруг себя. Он глядит на этот чувственный мир, он видит его в красках и формах, слышит его звуки. Чувственный мир находится здесь; мы противостояем ему; он воздействует на нас; мы контактируем с ним благодаря восприятию, мы размышляем о нём. Таково наше отношение к чувственному миру. Мы пассивны; он сам вработывается в нашу душу. Мы размышляем о чувственном мире, мы создаём представление о нём.

Наше отношение становится совершенно иным, если мы вживаемся в духовный мир. Человек, вступающий в духовный мир, испытывает трудности при составлении правильного представления о том, что он переживает. Некоторые из этих трудностей я попытался характеризовать в работе "Порог духовного мира". Мы представляем чувственный мир, мы думаем о чувственном мире. Если мы предпринимаем всё то, что должен предпринять желающий идти путём инициации, наступает нечто такое, что может быть охарактеризовано следующим образом: как окружающие нас вещи относятся к нам, так относимся мы сами к существам высших Иерархий: они представляют нас, они мыслят нас. Мы мыслим о предметах, находящихся вне нас, о минералах, растениях, животных: они становятся нашими мыслями. Мы, в свою

очередь, являемся представлениями, мыслями и восприятиями духов высших Иерархий. Мы становимся мыслями Ангелов, Архангелов, Архаев и т. д. Мы воспринимаем себя ими, как сами мы воспринимаем растения, животных и людей. И мы чувствуем себя в безопасности, когда можем сказать себе: нас мыслят существа высших Иерархий, они представляют нас. Эти существа высших Иерархий охватывают нас своей душой. Да, мы могли бы представить себе, что когда этот Олаф Эстесон засыпает перед церковными воротами, он становится представлением духов высших Иерархий, и в то время, когда он спал, существа высших Иерархий переживали то, что переживают существа Духа Земли, являющегося для нас как множественность. Когда же Олаф Эстесон снова просыпается в физическом мире, он вспоминает всё то, что пережили в нём духи высших Иерархий.

Только представьте себе: мы вступаем на путь посвящения! Как сможем мы повести себя по отношению к духовному миру, в который, как в совокупность духовных существ, мы хотели бы вступить? Как мы можем вести себя по отношению к ним? – Мы можем вступить в общение с ними, мы можем сказать им: как нам достичь вас, как вы открываете себя нам? И если нам стал понятен тот, иной вид отношения человеческой души к духовному миру, то из духовного мира мы можем получить своего рода отклик: так, как ты воспринимаешь чувственный мир, который появляется перед твоим взором, выступает перед твоими чувствами, так воспринимать духовный мир ты не можешь. Мы должны представлять тебя, а ты должен почувствовать себя в нас. Ты должен ощутить себя так, как ощутила бы себя та мысль, которую ты мыслишь в чувственном мире, как если бы она могла пережить себя в тебе. Ты должен отдать себя духовному миру, и тогда в тебя будет вступать всё то, что могут открыть тебе существа высших Иерархий. Тогда это будет вливаться в твою душу, и, исполненное милости, жить в твоей душе подобно тому, как ты живешь в твоих мыслях, когда ты думаешь о чувственном мире. Если духовный мир захочет помирить тебя, то он пронизет тебя своей любовью! Если он пожелает сжалиться над тобой и пронизать тебя своей любовью.

Ибо тебе не следует полагать, что ты сможешь противопоставить себе духовных существ так же, как чувственный мир. Как Моисей должен был идти в расселину, так должен и ты в расселине приобщить себя духовному миру. Ты должен поставить себя там. Как мысль живёт в тебе, так должен ты вживить себя в духовных существ. Ты должен сам

как мировая мысль жить внутри Макрокосма. Переживая естественным образом, ты не можешь испытать этого в течение твоей жизни между рождением и смертью; ты сможешь это лишь после смерти, когда умрёшь. Никто не может пережить духовный мир так, пока не умер, но духовный мир может пройти мимо тебя, милуя тебя, понижывая тебя своей любовью. И затем, если ты после или во время своего нахождения в этом духовном мире подключишь своё земное сознание, тогда в твоё земное сознание проникнет сияние того, чем является духовный мир.

Как предмет находится вовне и человек противостоит предмету, как предмет вступает в его сознание и затем находится внутри, так человек со своей душой находится в расселине духовного мира (рис.).

Духовный мир проникает сквозь него. Здесь человек находится перед вещами. Если же человек входит в духовный мир, то существа высших Иерархий находятся позади него. Здесь он не может увидеть их лица, так же как мысли не могут увидеть нашего лица, если они находятся в нас. Лицо находится впереди; мысли находятся позади, они не могут видеть лица. Вся тайна посвящения кроется в словах, которые говорит Моисею Яхве.

"Моисей сказал: Покажи мне славу Твою. [досл.: Моисей сказал Богу: покажи мне образ Твоего откровения.]

И сказал Господь: Я проведу пред тобою всю славу Мою, и провозглашу имя Иеговы пред тобою; и кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею, [досл.: На это Иегова говорит: Я хочу позволить всему Моему благу пройти мимо твоего лица, и Я хочу провозгласить имя Иеговы пред тобою, и хочу быть милостивым с тем, кого Мне можно помиловать, и хочу пожалеть того, кого Мне можно пожалеть.]

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть меня и остаться в живых, [досл.: Затем опять говорит Иегова: ты не можешь увидеть Моего лица, ибо ни один человек не может увидеть Меня и остаться в живых.]"

К вратам смерти подходят именно через посвящение.

"И сказал Господь: вот место у Меня: стань на этой скале;

Когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы, и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду.

И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо, [досл.: И сказал Яхве:Здесь место у Меня, стань на скалу, и когда Моё величие пойдёт мимо Я хочу поставить тебя в расселину скалы и положить поверх тебя Мою руку, пока Я не пройду. Когда же Я сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, но Моего лица нельзя будет увидеть.]

Это и есть форма, противоположная той, в которой человек воспринимает чувственный мир. Надо было бы задействовать многое из усвоенного нами за годы духовнонаучной деятельности для того, чтобы правильным образом, в благоговении и с почитанием предстать перед таким откровением. Но тогда это чувство благоговения по отношению к таким откровениям будет постепенно всё больше и больше охватывать человеческую душу; благоговение, почитание – это и есть то, в чём мы, помимо всего прочего, нуждаемся для того, чтобы в духовной культуре человечества смог осуществиться вышеозначенный перелом.

Время, когда макрокосмические влияния на Землю минимальны, время Рождества, Нового года, примерно до шестого января благоприятно для того, чтобы вспоминать не только о предметах духопознания, но и об ощущениях, которые мы должны развивать в себе благодаря усвоению духовной науки. Поистине мы снова вживаемся в Дух Земли, вместе с которым мы образуем единое целое, и благодаря Которому жило древнее ясновидческое познание, как это отражено в легенде об Олафе Эстесоне. Человечество материалистической эпохи разучилось относиться к духовной жизни с благоговением и почитанием. Необходимо прежде всего позаботиться о том, чтобы это благоговение и это почитание вернулись снова, потому что только так мы сможем развить настроение, которое обеспечит нам правильный подход к новому духоведению. Пока это настроение всё ещё таково, что к духоведению подходят как и к другой, обычной науке. Однако в этом отношении должно произойти существенное изменение.

Из-за того, что человечество потеряло прозрение в духовный мир, оказалось утерянным правильное отношение человека к человеческой сущности в целом, к человечеству. Материалистическое мировоззрение породило хаотические ощущения по отношению к мировому бытию. Эти хаотические ощущения мирового и человеческого бытия должны были

вторгнуться в эпоху материализма. Ведь в такую эпоху – а это наша эпоха; это первые столетия пятого послеатлантического культурного периода – не имеют больше никакого понятия о том, что человеческое существо является троичным, что это телесное, душевное и духовное существо. Это поистине так. То, что для нас должно было бы принадлежать к первейшим элементам духовнонаучного познания, троичность человека как тела, души и духа, об этом в первые четыре столетия пятого послеатлантического культурного периода вплоть до нашего времени отсутствовало какое-либо понятие. Человек, мол, и есть человек, а всякие речи о членении человека на тело, душу и дух, как это имеет место у нас, расценивались как глупая, фантастическая болтовня.

Можно было бы подумать, что эти вещи имеют значение только для познания. Но это не так. Они имеют значение не только для познания, они имеют определяющее значение для положения человека в жизни в целом. В третьем столетии эволюции нового времени, или, используя нашу терминологию, в эволюции пятого послеатлантического культурного периода вошли в употребление три могущественных слова, с помощью которых это время понимало или, по крайней мере, пыталось понять суть человеческого воления в земном бытии. Три слова, которые, несмотря на их значительность, обладали той особенностью, что человечество стало употреблять их в то время, когда о трёхчленности человеческой природы ещё никто не знал. Человечество услышало о свободе, равенстве и братстве.

Было крайне необходимо, чтобы эти слова зазвучали на определённом этапе культуры нового времени. Действительно понять эти слова можно только в том случае, если понимают троичное членение человеческой природы. Только тогда узнают о том, какое значение эти слова в их истинном смысле могли иметь по отношению к человеческой природе. Пока эти слова осуществляют с теми хаотическими ощущениями, которые исходят из идеи, что человек есть человек, а троичность человека – это глупая иллюзия, до тех пор человек не сможет ориентироваться во внутреннем аспекте основной направленности этих трёх слов. Сталкиваясь с этими словами, мы не можем непосредственно применять их по отношению к человеческим переживаниям одного и того же уровня. Это невозможно. Простой довод, который из-за своей простоты может показаться вам менее весомым, чем это было бы при рассмотрении душевным взором, может пояснить вам, как в

одной и той же плоскости жизни то, что заключено в этих трёх словах, может привести к серьёзному жизненному конфликту.

Давайте возьмём ту область, где братство выступает для нас самым естественным на свете образом. Возьмём человеческие кровнородственные отношения, семью, где нам нет необходимости насаждать братство, где люди имеют его естественным образом от рождения, подумаем, какие ощущения возникают у нас, если мы видим, как в какой-нибудь семье царят настоящие, поистине братские отношения, где все относятся друг к другу по-братски. А теперь, ни в коем случае не омрачая того чудесного чувства, которое вызвало у нас это братство, давайте посмотрим, что может возникнуть в семье именно из-за этих братских отношений. Один из членов семьи может чувствовать себя неудовлетворённым именно вследствие этих правомерных братских отношений внутри семьи, стремится вырваться из братства семьи, так как он чувствует, что для свободного развития души он должен оставить семью, где можно жить по-братски. Мы видим: свобода, свободное развитие душевной жизни может вступить в конфликт с наилучшим из всех возможных: братством.

Конечно, поверхностный человек может сказать, что это было неправильное братство, оно не смогло ужиться со свободой одной души внутри братства. Но ведь сказать можно всё, что придёт в голову. Без сомнения, могут сказать и то, что все друг с другом уживаются. Недавно мне в руки попала одна диссертация. Среди защищаемых там тезисов был и такой: треугольник является четырёхугольником. Конечно, можно защищать и такое, можно было бы даже строго доказать, что треугольник есть четырёхугольник! Также можно было бы провести полное доказательство того, что братство и свобода совместимы. Но речь не об этом, речь о том, как кто-то ради свободы должен будет покинуть сферу братства и тоже будет покинут. Можно было бы привести и другие примеры.

Если бы кто-нибудь захотел перечислить дисгармонические отношения между братством и равенством, ему пришлось бы очень долго говорить об этом. Само собой разумеется, кто-нибудь снова мог бы в абстрактной форме представить себе: все могут быть равны, и можно показать, что братство и равенство совместимы. Но здесь речь идёт не об абстракциях, а о том, что наблюдается в действительности, если мы относимся к жизни серьёзно и честно. В тот момент, когда мы узнаём, что человеческое существо состоит из телесного, которое изживается на физическом плане, из душевного, которое

изживается в душевном мире, и из духовного, которое изживается в духовном мире, в этот момент перед нами раскрывается истинная перспектива, раскрывающая связь трёх могущественных слов, приведённых нами. Братство является важнейшим идеалом для физического мира. Свобода – для душевного мира, и, насколько человек находится внутри душевного мира, следует говорить о свободе души, то есть о таком социальном состоянии, которое полностью гарантирует свободу души. Теперь подумайте, как, начиная от индивидуальной для каждого из нас исходной точки, каждый из нас должен стремиться к духопознанию, к развитию нашего духа, чтобы с этим духом пребывать в стране духов. Тогда перед вашими духовными очами весьма скоро обнаружится, куда завело бы нас наше представление о духе, если бы каждый стал искать лишь на своём собственном пути, если бы каждый обретал совершенно отличное от других духовное содержимое.

Мы вообще как люди лишь тогда можем находить общий язык в жизни, если мы, каждый сам для себя, ведём духовные поиски и, в конечном счете, приходим к равному духовному содержанию. Можно говорить о равенстве в духовной жизни. О братстве – на физическом плане и в отношении со всем, что связано с законами физического плана и изживается в человеческой душе, исходя из физического плана. Свобода – в отношении всего, что как законы душевного мира изживается в человеческой душе; равенство – в отношении всего, что изживается в человеческой душе в соответствии с законами страны духов.

Вы видите, должен наступить мировой Новый год, когда будет возрастать согревающая, сияющая сила Солнца: того Солнца, которое должно дать сияющее тепло всему, что жило в тёмное время, но не было понято. Особенность нашего времени состоит в том, что некоторые устремления, некоторые высказывания остаются непонятыми.

Но и это может привести нас к благоговению и почтению по отношению к духовному миру. Представьте себе, как многие в третьем столетии пятого послеатлантического периода высказывали эти слова, братство, свобода и равенство, и стремились к их реализации, в сущности их не понимая, тогда как мы уже имеем возможность понять и найти ответ на вопрос, откуда эти слова появились. Божественно-духовный миропорядок заранее внушил их ещё неспособной их понять человеческой душе для того, чтобы такими руководящими

словами подвигнуть её к истинному миропониманию. Даже в таких фактах мы можем усмотреть в мировой эволюции исполненное мудрости водительство. В более или в менее удалённые от нас времена мы можем обнаруживать такое водительство; обнаруживать, как нередко мы лишь задним числом признаём, что сделанное нами прежде было проникнуто мудростью большей, чем мы могли тогда располагать. На это я обращал внимание в начале книги "Духовное водительство человека и человечества".

Если вы примите тот факт, что в мировую эволюцию, в эволюцию человека вошли в качестве направляющих слова, которые могли быть поняты только постепенно, тогда вам будет импонировать и некий образ, с помощью которого можно было бы охарактеризовать истекший период пятой послеатлантической культурной эпохи. Действительно, этот период можно было бы сравнить с Адвентом, когда долгота дня становится всё короче и короче. И вот в наше время, когда мы снова можем узнать об откровениях духовного мира, эволюция вступает в фазу, где светлое время, как нам представляется, становится всё длиннее и длиннее. Мы можем говорить о том, что этот период времени представляется нам аналогичным тем самым тринадцати дням, аналогичным возобновлению жизни во вновь возрастающих днях.

Но дело обстоит ещё глубже. Было бы неверно, целиком и полностью неправильно только ругать материалистическую эпоху, последние четыре столетия. Это было время великих открытий и изобретений, которые в материалистическую эпоху были названы именно "великими", время кругосветных путешествий, открытия ранее неизвестных стран, начала колонизации Земли. Это было начало материальной культуры. Постепенно подступало время, когда человек оказывался почти задушенным в этой материальной культуре. Наступало время, когда все духовные силы человека использовались для постижения и овладения материальной жизнью. Как мы видели, всё больше и больше приходило в забвение то, что ещё сохранялось из древнего познания как созерцание, прозрение в духовный мир.

Но было бы неправильно только ругать материалистическую эпоху. Гораздо правильнее было бы другое; правильным было бы считать, что человеческая душа в своей бодрствующей части думает, мыслит материалистически, она основывает материалистическую науку и культуру, однако эта человеческая душа является целостной. Можно сказать:

одна часть человеческой души основывает материалистическую культуру. Прежде эта часть была бездеятельной, люди ничего не знали о внешней науке, ничего не знали о внешней материальной жизни; тогда больше бодрствовала спиритуальная часть. (Это изображено на рисунке). В течение последних четырёх столетий бодрствовала именно та часть, которая основывала материалистическую культуру; но другая часть спала, она спала, эта другая часть человеческой души. Действительно, предрасположение к тому, что мы сейчас усиленно развиваем в человечестве, чтобы снова возвыситься до спиритуальности, заложено в эпоху материалистической культуры в тех членах души, которые спали внизу. "Человечество" по отношению к духопознанию действительно было в это время Олафом Эстесоном. Действительно было. Только оно ещё не проснулось, это человечество! Духовная наука должна разбудить его.

Должно прийти время, когда и юные, и старые люди услышат слова, которые прозвучат из той части человеческой души, которая спала в тёмное время. Эта человеческая душа спала слишком долго, но мировые духи подступят к этой человеческой душе и воззовут к ней: о, Олаф Эстесон, проснись! - Но только мы должны как следует подготовиться, чтобы когда раздастся призыв: Олаф Эстесон, проснись! - мы не оказались без ушей, чтобы слышать. Для того-то мы и занимаемся духовной наукой, чтобы иметь уши, когда в эволюции человечества зазвучит призыв к спиритуальному бодрствованию.

Это хорошо, если человек иногда вспоминает, что он микрокосм, и что он сможет кое-что пережить, если поднимется в Макрокосм. Мы видели, что время, то время года, в которое мы живём сейчас, благоприятно. Так попытаемся сделать эту новогоднюю ночь символом той необходимой для земной эволюции человечества Новогодней ночи, в которую наступит новая эпоха, в которую пробудится и будет всё более пробуждаться свет, душевный свет, созерцание, познание того, что живёт в спиритуальном, что из спиритуального может волнами втекать в человеческую душу и пронизывать её. Так давайте свяжем в эту новогоднюю ночь микрокосм наших переживаний с Макрокосмом надземных переживаний человечества; тогда мы сможем пережить то, что мы должны ощущать и переживать, тогда мы будем предчувствовать начало нового великого мирового дня пятого послеатлантического периода, дня, в начале которого мы

находимся. Это время полуночи мы хотим пережить с достоинством.

Пятая лекция

Дорнах 1-го января 1915 года

Моральное переживание мира цвета и музыкальных тонов

Каждая вещь, каждый факт мира, а также и каждый поступок человека – все они имеют две стороны, они образуют как бы две полярные противоположности.

Вчера я обращал ваше внимание на то, как из эмоционального понимания нашего духовнонаучного мировоззрения в душу человека должны входить благоговение и преданность по отношению к духовному миру. Другой стороной такого благоговейно-преданного отношения является энергичная работа в своем собственном внутреннем мире, энергичное удержание в руках эволюционных факторов в собственной душе, взгляд вверх, на то, что наши переживания, которые мы испытываем в рамках нашего опыта, мы всегда использовали для того, чтобы чему-то научиться у них, немного пройти вперед в отношении сил нашего внутреннего мира, для того, чтобы мы всегда избегали опасности потерять самих себя; это тоже встречается в жизни, это происходит с нами сплошь и рядом, понимаем ли мы это с легкостью или с трудом. Для того, чтобы мы всегда имели возможность сохранить себя, чтобы мы могли из самих себя достигать силу, развивать понимание того, что часто подступает к нам как нечто внешнее, и может казаться непонятным, чтобы мы позволяли благоговению перед вещами, - о чем было упомянуто вчера, - сильно воздействовать на нашу душу, чтобы эта душа могла обрести правильное понимание по отношению к мировому бытию. - вот то, мои дорогие друзья, что хотелось бы мне сегодня, в начале года, сообщить в качестве новогоднего привета. Мне хотелось, чтобы за воспоминанием о благоговении следовало бы воспоминание об энергичной работе над нашим внутренним миром. Символом для такой

последовательности воспоминаний является то, что в эту новогоднюю ночь нам светит из Космоса полная Луна. Если бы было наоборот, если бы начало года сопровождалось новой Луной, новолунием, то мне следовало бы в обратной последовательности вносить эти воспоминание в ваши сердца. В этом случае вчера я завершил бы год воспоминанием о внутренней эволюции, а сегодня за этим последовало бы воспоминание о благоговении.

Принимать во внимание такой символ, который сияет нам из Макрокосмоса, есть то, что все больше и больше должно будет рассматриваться как нечто важное. И если мы будем иметь в этом году спокойные мгновенья, то да позволим мы этому знамению, знаку действовать на себя, дадим ему воздействовать на нас так, чтобы в этом году могло иметь особенное значение, прежде всего, продумать то, что может сделать из нас сила благоговения, а затем продумать то, что должна сделать из нас сила внутреннего получения и сохранения внутренней душевной энергии.

Эта последовательность для данного года получена нами из звездных писем; мир будет постепенно всё снова и снова постигать то, что чтение звездного письма всё же имеет значение для человека. Так мы пытаемся в этих отдельных подробностях, деталях почитать великие законы человеческого бытия, достигать созвучия между Макрокосмом и микрокосмом. Макрокосм элементарнейшим образом, именно в этой лунной фазе выражает себя для нас в эти дни, и мы находим созвучие Макрокосма с микрокосмом, если мы в течение этого года будем поступать в соответствие с тем, что рождается при таких болезненных обстоятельствах.

Если вы обратите внимание на основной тон сообщений последних дней, он покажет вам, что мы, - по отношению к важным для нас фактам, которые стали важными для нас благодаря этим духовнонаучным рассматриваниям, - живем в поворотное время, во время надежд, в то время, когда в нас должны возникать предчувствия того, каким образом должен происходить в дальнейшем ход культурного развития человечества на Земле, какой поворот должен произойти от чисто материалистического мировоззрения к спиритуальному мировоззрению. Однако то, на что указывается здесь, не сможет по настоящему выступить в полном объёме, если не захватит все области жизни, и, прежде всего в высшей степени не охватит область духовной жизни.

Из разных указаний мы можем знать, как действительное, проникнутое эмоцией, а не только рассудочное понимание духовнонаучного мировоззрения, должно иметь своим следствием поворот, как в художественном творчестве, так и в области потребления искусства; поворот к тому, чтобы могли излиться силы, приходящие к нам из духовнонаучных воззрений для художественного охвата мира. Разве не попытались мы нашим зданием наметить своего рода импульс, для, по крайней мере, малой части того, что из духовнонаучных импульсов может влиться в образы искусства, в художественные формы, в то, что мы можем иметь перед собой как искусство?

Полностью погружаясь в ощущения и чувства, которые может вызвать в нас духовнонаучное мировоззрение, мы можем увидеть перед собой время, время, когда путь к художественному началу во многих отношениях становится иным, нежели был он в истекшее время; наступает время, когда этот путь становится гораздо больше наполнен жизнью, когда то, что является средствами художественного творчества, значительно интенсивнее переживается человеческой душой, нежели было это в истекшие времена, наступает время, когда цвета и звуки будут переживаться человеческой душой гораздо интимнее, когда человеческая душа сможет в некотором роде переживать морально-спиритуальное начало, когда в произведениях искусства будут выступать нам навстречу следы космических переживаний души мастера-художника.

По существу, образ действий как у создателей произведений искусства так и у зрителей, пользующихся ими, представлял собой некоего рода внешнее созерцание, апеллирующее к тому, что могло подступить к художнику извне. Зависимость от природы и модели становилась при таком созерцании все больше и больше. Не следует, впрочем, односторонне указывать на возможность отвержения природы, отвержения внешней действительности в искусстве будущего. Это было бы чуждым. Становится необходимым указывать на еще более интенсивное совместное бытие с внешним миром, на столь сильное совместное бытие с ним, которое простирается не только на внешнее впечатление от цвета, звука и формы, но также и на то, что может быть пережито за звуком, за цветом, за формами, на то, что открывается в цвете, звуке и форме.

В этом отношении человеческие души сделают в будущем исполненные великого значения открытия. Они действительно

свяжут свое морально-спиритуальное существо с тем, что приносит нам чувственно-воспринимаемая видимость. В этой области можно предвидеть бесконечное углубление человеческой души. Давайте сначала возьмем за основу нечто отдельное. Просто представим себе тот случай, когда мы направляем наш взор на окрашенную поверхность, сияющую красным цветом киновари, и примем дальше, что мы достигли способности забыть при этом все остальное, что есть вокруг нас, и полностью сконцентрировались на переживании этого цвета, так, что мы имеем перед собой этот цвет не только как нечто действующее на нас, но как нечто, в чём мы находимся сами. Тогда мы можем иметь как бы следующее ощущение: теперь ты сам находишься в этом мире, ты сам в этом мире становишься цветом, наиболее внутренняя часть твоей души целиком превратилась в цвет, и если бы ты мог выступить в мире с твоей душой, ты будешь выступать там как душа, наполненная красным, ты повсюду будешь жить в красном цвете, с красным цветом и исходя из красного. - Однако при такой интенсивной душевной жизни, это не может быть пережито без того, чтобы соответствующее ощущение не перешло в моральное переживание, в действительно моральное переживание.

Когда человек как бы плывет через мир как нечто красное, став идентичным с красным цветом, - когда для него сама его душа, как и мир, является совершенно красной, тогда в этом, ставшем красным мире, вместе с которым сам человек превратился в нечто красное, не избежать ощущения, как если бы весь мир вместе с нами самими пронизан в этом красном цвете субстанцией божественного гнева, который со всех сторон излучается на нас за всё то, что есть в нас как возможность зла и греха. В этом бесконечном красном пространстве мы можем ощутить себя словно находящимися перед карающим Судом Божиим, и наше моральное ощущение может стать моральным ощущением, расширившимся в пространстве до бесконечности. И когда затем наступает реакция, когда в нашей душе всплывает нечто, если мы переживаем себя в бесконечно красном, - я мог бы также сказать, в единственно красном цвете, - тогда это может быть только так, что это можно было бы обозначить словами: человек учится молиться. Если человек может пережить в красном излучение и пылающее Божественного гнева относительно всего, что может находиться в человеческой душе как возможность зла, если человек может испытать в красном, как научиться молиться, - тогда переживание себя

совместно с красным цветом бесконечно углубляется. Тогда мы можем также проследить, как красный цвет, формируясь, может выступить в пространстве.

Затем мы можем понять, как мы можем пережить некое Существо, которое излучает из себя добро, которое преисполнено божественной доброты и божественного милосердия; Существо, которое мы хотим ощутить в пространстве. Затем мы будем чувствовать необходимость того, чтобы эти ощущения присутствия в пространстве Божественного милосердия, Божественного блага, смогло выразиться в форме цвета. Мы ощутим потребность дать защиту тому пространству, чтобы оттуда излучалось благо и милосердие. Пока этой защиты не было, все это было собрано, будучи вполне сосредоточено в одном центральном пункте, а теперь это благо и это милосердие выносятся в пространство, распространяясь подобно облакам; так они отступают, рассеивают то, что отступает перед милосердием, и мы получаем чувство: ты должен сделать красный цвет текущим. И тогда мы получим чувство: здесь (изображается на рисунке) в середине мы должны слабо наметить своего рода розово-фиолетовый цвет, который излучается в рассеивающийся красный цвет.

Тогда всей нашей душой мы будем находиться при таком само-формировании цвета. Всей нашей душой мы будем чувствовать переживания, которые испытывали те существа, которые особенным образом относятся к нашему земному становлению и которые, поднявшись до бытия Элохимов, научились создавать мир форм, исходя из цвета. Мы будем учиться ощущать нечто от созидания Духов Формы, которых мы знаем как Духов-Элохимов; тогда мы поймём, как формы могут быть произведением цвета, что отмечено в нашей первой Дrame-Мистерии. Нам станет понятно кое-что относительно того, как окрашенная поверхность становится для нас тем, что следует преодолеть, если мы хотим вместе с цветом вступить в Космос. Если это происходит при наличии сильного желания этого, тогда может возникнуть такое ощущение, какое живет в Штрадере в тот момент, когда он смотрит на портрет Капезия и говорит: "Проткнуть мне хочется картину". (перевод Николая Белоцветова)

Рассматривая такую мистериальную игру, вы увидите, как в этой мистериальном спектакле предпринимается попытка в действительно художественной форме представить то, что предстаёт перед нами, если наши души пытаются принимать

нечто от космических сил, если они соперещивают себя вместе с Духами Космоса. Поистине, это и было началом всякого искусства. Но затем должна была прийти материалистическая эпоха; и это древнее искусство, выступавшее со своими божественными оттенками, когда духовное, как внутренняя сущность, открывалось посредством материи, должно было измениться во вторичное материалистическое псевдоискусство, которым в существенном является искусство материалистической эпохи, является тем искусством, которое не творит, но может только дополнять уже созданное. Признаком всего вторично-художественного, всего псевдохудожественного является то, что оно может только повторять, дополнять, что оно нуждается в теме, в сюжете чтобы, повторяя, следовать им, и что оно не является первичным и одновременно с содержанием не создаёт форму.

Возьмем нечто другое. Прделаем то, что мы сейчас прделали с красной поверхностью, с поверхностью, окрашенной в оранжевый цвет. С поверхностью оранжевого цвета мы будем испытывать нечто совершенно иное. Когда мы погружаемся в нее и становимся единой с нею, то мы не будем иметь тех ощущений божественного гнева, направленного на нас, но мы почувствуем: то, что теперь направлено на нас, еще лишь в самой малой степени имеет в себе серьезность гнева; но это нечто такое, что хочет доверить себя нам, предаться нам, - оно не хочет нас только карать, но хочет вооружить нас внутренней силой.

Когда мы входим в этот мир и становимся едиными с поверхностью оранжевого цвета, мы движемся так, что с каждым дальнейшим шагом чувствуем следующее: посредством этого ощущения себя в оранжевом цвете, посредством этой жизни в силах оранжевого цвета мы вступаем в мир силовым образом, мы становимся сильнее и сильнее, нас не грозит раздавить суровая расправа, но то, что подступает к нам из оранжевого цвета, приходит, не только карая, но и усиливая. Так вживаемся мы в мир с оранжевым цветом. Тогда мы научаемся стремлению постигать сущность вещей и соединять с нею нас самих. Благодаря жизни в красном цвете мы учимся молиться. Псредством жизни в оранжевом цвете мы учимся познанию, - жажде познания внутренней сущности вещей.

Если же имеется поверхность желтого цвета, и мы прделываем с нею то же самое, тогда в этом переживании желтого мы чувствуем себя, я бы сказал, словно

перенесенными в начало нашего цикла времени. Мы чувствуем: теперь ты живешь в тех силах, из которых ты был создан, когда вступал в твою первую земную инкарнацию. - То, чем является человек на всем протяжении существования Земли, он ощущает родственным с тем, что выступает ему навстречу из окружающего мира, в который он несёт себя, став идентичным желтому цвету.

А если отождествляют себя с зеленым цветом, и с этим зеленым цветом шествуют через мир, чего можно достигнуть особенно легко, если пытаются позволить своему взгляду скользить по зеленому лугу и стараются отвлечься от всего остального, стараются полностью сконцентрировать внимание на этом зеленом лугу, погрузиться в зелень луга, созерцать зеленое как поверхность некоего красочного моря и затем погрузиться в зеленый цвет: если стараются жить в мире таким образом, то переживают внутреннее усиление того, чем является человек в отдельной инкарнации. Человек переживает, внутреннее оздоровление, но вместе с тем - также становление внутреннего эгоизма, возбуждение эгоистических сил в собственном внутреннем мире..

Если же это проделывают с поверхностью синего цвета, то шествуют через мир, ощущая потребность все дальше и дальше шествовать вместе с синим цветом, преодолевать в себе эгоизм, и как бы становясь макрокосмическим, развивать самоотдачу. Ощущают себя счастливыми, если могут оставаться в этом представлении благодаря встрече с божественным милосердием. Идя через мир, человек чувствует себя щедро наделенным божественным милосердием.

Так учатся познавать внутреннюю природу цветового, хроматического. И как сказано, можно предвидеть наступление времени, когда подготовка, которую будет проходить живописец как художник, станет означать такое моральное переживание в цвете, когда гораздо интенсивнее, гораздо интимнее, нежели было это в древности, будет переживание, которое подготавливает к художественному творчеству. Ибо то, что я здесь даю, есть всего лишь отдельные намеки, отдельные указания на то, что еще должно быть развито в будущем дальше. Имея колоссальный смысл для художественного творчества, они будут охватывать человеческую душу и смогут оживлять её, тогда как вступление материалистического культурного развития в нашу теперешнюю эпоху опустошило человеческую душу, сделало ее пассивной. Души, благодаря внутренней силе должны будут снова побуждаться, они должны

будут охватываться внутренними силами самих вещей. Таким специфическим примером, приведенным мною, являются текущие в мире цвета.

Совершенно подобным образом наступает углубление и оживление человеческой душевной жизни благодаря миру звуков. Существенной особенностью истекшего периода в этом отношении является то, что человек переживает отдельный музыкальный тон как таковой и затем отношение одного тона к другому. В будущем человек сможет своим переживанием проникать за музыкальный звук. Он станет воспринимать звук, как будто некое окно, через которое он вступает в духовный мир, и тогда он не будет зависеть от неопределенного чувства того, как тон при⁰⁰_{1F}соединяется к тону, например, становясь мелодией; нет, за отдельными звуками душа будет иметь морально-спиритуальные переживания посредством звука. Как через окно душа будет проникать в спиритуальный мир. Тайны отдельного звука будут раскрываться за звуком в этом переживании отдельного звука.

Мы еще далеки от того чувства, чтобы мы через каждый звук, как через окно, могли подниматься из мира внешних чувств в спи⁰⁰_{1F}ритуальный мир. Но это придет. Мы станем ощущать музыкальный тон словно некое отверстие, который готовили Боги из лежащего по ту сторону от нас спиритуального мира, в этот физически-чувственный мир, и мы будем через звук подниматься из физически-чувственного мира в спиритуальный мир. Мы будем например, через "приму", которую мы ощущаем абсолютно, а не в примь⁰⁰_{1F}кании к предшествовавшим звукам звуковой шкалы, чувствовать, как из чувственно-воспринимаемого мира мы поднимаемся в спиритуальный мир, хотя и исполненным опасности образом. Опасность состоит в том, что это восхождение угрожает полностью пленить нас, что прима, как страшная всасывающая сила, хочет захватить нас через окно этого музыкального тона и дать нам вполне исчезнуть в спиритуальном мире. Мы будем ощущать, если мы ощути⁰⁰_{1F}м приму как нечто абсолютное, что мы спиритуально еще слишком слабы в физически-чувственном мире, и что мы будем всосаны спиритуальным миром, если поднимемся через это окно. Это будет тем моральным ощущением, которое мы сможем иметь при восхождении в спиритуальный мир через приму. Однако я сейчас характеризую это упрощенно, оно будет ощущением, содержащим в себе весьма дифференцированные, бесконечно многообразные частности, которые мы тут переживаем.

Когда мы затем как через окно поднимемся из физического мира в спиритуальный мир посредством секунды, то мы ощутим, как если бы по ту $\begin{matrix} 00 \\ 1F \end{matrix}$ сторону, в духовно-спиритуальном мире были силы, которые будто бы испытывают сострадание к нашей слабости и говорят: как же ты ослабел в этом физически-чувственном мире! Если ты поднимешься в духовный мир только через приму, то я должен растворить тебя, должен всосать тебя, должен расщепить, раздробить тебя. Но если ты поднимаешься посредством секунды, то я хочу нечто принести тебе навстречу из духовного мира и напомнить тебе о том, что тоже находится по ту сторону. - Если мы поднимаемся из физического мира в спиритуальный мир посредством секунды, отличительным признаком является то, как если бы навстречу нам звучала некая сумма звуков, некое число звуков, которые некто воспринимает. В совершенно беззвучный мир вступают тогда, когда вступают в спиритуальный мир через абсолютную приму. В мир, в котором, если прислушаться, тихо звучат, различные высокие тона, которые хотят утешить человека в его слабости, приходят тогда, когда проникают через секунду. Но проникать тут надо так, как, конечно нельзя проникнуть через окно в физически-чувственном мире, ибо тут наблюдается странное свойство, как если бы, проникая через окно, мы брали бы это окно с собой. Но в духовном мире это надо делать, надо брать окно с собой, брать с собой эти звуки, и идентифицируясь с ними жить по ту сторону в спиритуальном мире, по ту сторону перепонки, пелены, отделяющей нас от физически-чувственного мира.

Когда в духовный мир вступают через терцию, то чувствуют сильную, ещё более сильную слабость. Если человек вступает в спиритуальный мир так, то он будет чувствовать, что был, в сущности, слаб в физически-чувственном мире, слаб по отношению к его спиритуальному содержанию. Но по отношению к терции, - ведь он становится звуком, он сам становится терцией, - человек чувствует, что тут, по ту сторону, есть друзья, которые сами не являются терциями, но которые подступают к нему сообразно тому, как был он подготовлен в физически-чувственном мире. В то время как при проникновении в спиритуальный мир через секунду, имеется как бы тихое звучание многих тонов, с которыми человек живет сообща, - то при проникновении через терцию, навстречу человеку звучат как бы дружественные тона. Те, кто хотели бы стать ком $\begin{matrix} 00 \\ 1F \end{matrix}$ позиторами, должны проникать в спиритуальный мир в особенности че $\begin{matrix} 00 \\ 1F \end{matrix}$ рез терцию, ибо в этом случае им даются последовательности звуков, музыкальные

композиции, побуждающие их художественное творчество. Не всегда эти дружественные звуки бывают одними и теми же для человека, но их род зависит от того, каким человек был в своем настроении, переживании, темпераменте, короче, какой образ жизни он вёл, если он вступает в духовную жизнь через терцию; при этом даётся бесконечное многообразие мира звуков.

Если же в духовный мир проникают через кварту, то имеют достойное внимания переживание: переживают, что теперь ни с какой стороны не всплывают никакие другие звуки, но то самое, что уже всплыло, что было пережито на опыте с терцией, живет в душе в легко приходящих воспоминаниях. Тогда, живя дальше со своими звуковыми воспоминаниями, - проникнув в спиритуальный мир через кварту, - обнаруживают, что эти звуковые воспоминания все время принимают разную окраску, что они, то развиваются до ярчайшей светлости, радости, то впадают в депрессию крайний печали, - становятся то солнечно светлыми, то траурными вплоть до могильного покоя. Темперация голоса, повышение и понижение звука, короче, ход изменение настроения музыкального произведения, задаётся таким путем, посредством этих музыкальных воспоминаний.

Квинта дает более субъективные опыты и переживания; она действует, стимулируя и обогащая душевное переживание. Она действует подобно некоей волшебной палочке, расколдовывая тайны мира звука из непостижимых глубин.

Такие переживания человек будет иметь, тогда, когда общаются с вещами и явлениями окружающего мира, не просто глядя на них, слушая их, но когда их внутренне переживают. Благодаря переживанию такого рода относительно цвета и звука, но также и относительно форм, короче, относительно всего художественного, может быть найден путь, по которому надо пойти человечеству, чтобы вообще выйти из чисто внешнего отношения к вещам и событиям, - что является признаком материалистической эпохи, - и проникнуть во внутренние глубины вещей, в их тайны.

Тогда к человеку придет сознание, - в высшей степени значительное сознание, - об его связи с Божественно-духовными силами, которые руководят им и ведут его через мир, но для материалистического сознания остаются на уровне подсознания. И тогда, прежде всего, выступит нечто

подобное внутреннему переживанию тех сил, которые, например, проводят человека от одной инкарнации к другой.

Если мы не растопим локомотив, он не поедет вперед по железно⁰⁰_{LF}дорожному пути. Силы, приводящие к свершениям в мире, должны непре⁰⁰_{LF}сганно побуждаться. Так должны побуждаться и те силы, которые толкают человека вперед. Но человек должен учиться знанию о своей связи с этими силами.

Мне пришлось получить следующий достойный внимания опыт. Был один правовед, один адвокат, очень известный в одном месте, где я какое-то время жил; один крайне знаменитый адвокат, к которому люди прямо-таки стекались, считая, что именно он должен вести труднейшие процессы. Так оно и было во многих случаях. Его адвокатская диалектика была исключительна, и люди, которые его знали, с большим почтением относились к его адвокатской диалектике. Ему дали вести один трудный процесс одного богатого человека. Дело шло о наложении большого штрафа на этого богатого человека в результате процесса, в случае вынесения обвинительного приговора. Адвокат напрягал самую изощрённую диалектику, проявлял удивительнейшую адвокатскую ловкость. Он выступал с длинной речью, и в аудитории сложилось впечатление, что если присяжные, - а дело разбиралось в суде присяжных, - не оправдают обвиняемого, то неизвестно будет, где же должны находиться пределы адвокатского искусства! Все, кто слышал, какую невероятную последовательность проявил адвокат, были уверены, что присяжные сейчас удалаться, чтобы оправдать обвиняемого.

Однако в этом суде был не только ловкий адвокат, но и ловкий председатель суда; несмотря на то, что времени для вынесения приговора было ещё вполне достаточно, этот председатель заявил: на сегодня мы прерываем заседание и продолжим завтра. - На следующий день, до обеда, должно было состояться заседание присяжных; вследствие этого присяжные имели целую ночь времени, чтобы ещё раз поразмыслить над этим делом. Наступил следующий день. Это «затягивание решения» на одну ночь, как он потом это называл, было для адвоката крайне неприятным. Заседание началось, присяжные удалились, все ожидали их возвращения с напряжением, но самое большое напряжение испытывал сам адвокат. Через четверть часа присяжные вернулись назад; когда адвокат услышал, что присяжные через такое короткое время возвращаются из совещательной комнаты назад, он упал в обморок. Да, он упал в обморок. Он пришёл в себя, его

поддерживал один из его друзей. Обвиняемый был действительно осужден. Но адвокат узнал об этом только после того, как очнулся от обморока.

Что можно было бы сказать с чисто человеческой точки зрения, наблюдая внешний ход этих фактов? Могли бы сказать так: адвокат был очень тщеславным человеком, и для него столь многое зависело от выигрыша в этом процессе, что он упал в обморок перед вынесением приговора. Когда он увидел, что присяжные совещались так недолго, он уверился в том, что обвиняемый осужден, поскольку для его оправдания им потребовалось бы гораздо больше времени.

Однако дело обстояло не так, как можно было бы представить себе его при внешнем рассмотрении. За этими событиями скрывались иные обстоятельства, о чем я сейчас расскажу. Другие обстоятельства или история состояла вот в чём: этот адвокат незадолго до этого процесса был захвачен тем, - а я его хорошо знал, - что можно было бы назвать дьявольской игрой. Он брал деньги, доверенные ему на хранение и играл с ними на бирже. Это было его чистейшей страстью, и незадолго до начала этого процесса, он проиграл большой денежный вклад, доверенный ему. Ему было обещано, что если он выиграет этот процесс, получит так много, что сможет компенсировать недостачу.

Итак, он упал в обморок не из-за болезненного тщеславия; нет, он упал в обморок, когда через четверть часа присяжные вышли с обвинительным приговором, поскольку его состояние было тем самым фактически уничтожено. Ибо теперь он уже не мог надеяться на то, чтобы снова возместить проигранный им денежный вклад. Итак, всё его положение зависело от результата этого процесса. Его падение в обморок было символическим указанием на то, что в этой инкарнации он вообще был уничтожен. Затем он был вынужден бежать в Америку, и влачил там, в Америке весьма незавидное существование на весь остаток своей инкарнации.

В этом случае мы видим следующее. Мы видим, что очень часто в жизни выносятся ошибочные суждения, причем исключительно хорошими людьми, которые никогда не испытывали чего-то подобного тому, что разыгрывалось за кулисами этого процесса. Если бы они только слышали на процессе этого, так хорошо обученного диалектике адвоката, и затем увидели, как он падает в обморок, они вполне могли бы вынести такое суждение: есть люди, которые столь тщеславны,

что из-за одной неудачной речи теряют сознание. – Можно было бы так и остаться с таким суждением.

Чтобы мочь в данном случае судить правильно, надо было ещё знать слой фактов. Для многих дел необходимо знать даже много слоев, так как иначе можно быть правым относительно одного слоя, который видят, но, тем не менее, выносить неверное суждение. Это внешнее. Но дело имеет дальнейшую закулисную основу. Этот человек должен был найти путь из этой инкарнации в следующую. Тут мы имеем пример того, как мудрое мировое водительство как бы внедряет в душу те силы, которые необходимы, чтобы перенаправить душу из одной инкарнации в следующую. Этот человек пришел к такому жизненному конфликту, что этот жизненный конфликт лишил его возможностей к существованию. Возникло страшное положение; положение было таково, что больше не существовало сил, которые могли бы перенести его в ближайшую инкарнацию. И вот происходит случай, когда ненадолго его сознание гаснет. И в то время, когда сознание в этой человеческой душе ненадолго погасло, в эту человеческую душу извне смогла внедриться спиритуальность самых разных видов. В этот момент в неё проникли силы, пригодные для того, чтобы дать ему импульс, побуждение для перехода в следующую инкарнацию. Конечно, такая подача импульса, подача побуждения происходит в самых разных формах. То, что я описываю здесь, было особенным случаем.

Эти стимулы всегда имеются в наличии. Но тем самым я всего лишь хотел показать вам, как сознательная жизнь человека примыкает к бессознательному течению, как в сознательном её течении имеются точки, где она сжимается для того, чтобы нечто могло придти из бессознательного. Эти бессознательные моменты не должны продолжаться долго, это может быть коротким обморочным состоянием. И, тем не менее, бесконечно многое может из спиритуально-жизненных сил излучиться в природу человека, может быть и из злых сил, которые способны на то или иное.

Этот последний пример и то, что я хотел сообщить вам с его помощью, я привел по той причине, чтобы показать, как при наблюдении мира человечество должно пытаться принять к сведению те связи, которым материалистическое мировоззрение не придаёт значения.

Человек будет приходить к тому, чтобы постепенно вглядываться в те жизненные связи, чтобы познавать те моменты, когда к каждому человеку подступает

спиритуальное. В будущем мир не будут рассматривать так односторонне, так однозначно, как это делают сейчас, когда пытаются объяснить его материальными причинами. Нет, в будущем мир будут отображать так, что материальное начало поставят на подобающее ему место, и в то же время узнают, что тут есть многое, помимо чисто материальных явлений, узнают, что через материальные явления проглядывает спиритуальное.

Если в цвете и звуке мы будем видеть окна, поднимаясь через которые мы духовно вступаем в спиритуальный мир, то жизнь в свою очередь раскроет нам окна, через которые духовный мир вступит в физический мир. Обморок адвоката был таким окном. Если мы правильно истолкуем это событие, мы должны будем сказать: через такие окна спиритуальная жизнь устремляется в нас. Мы видим, как здесь, входя в нас, разыгрываются силы, которые мы не можем истолковать на чисто чувственном уровне. Итак, в звуках имеется окно, через которое мы из чувственно-воспринимаемого мира поднимаемся в спиритуальный мир. И опять-таки, имеется окно, через которое, в нас входит спиритуальное, если мы остаемся в физически-чувственном мире.

Если мы не замечаем, что спиритуальное входит в нас через такие окна, тогда дело обстоит так, как если бы человек, не умеющий читать, раскрыл прекрасную книгу. Перед ним находится то же самое, что находится перед тем, кто умеет читать; но если он не умеет читать, он видит перед собой какие-то каракули на белой бумаге, которые он не в состоянии понять, растолковать, в лучшем случае он может списать их. И только тот, кто умеет читать, в состоянии в этой книге исследовать по этой книге судьбу или мудрость, которая заключена в этих странных знаках. Тот, кто не может прочесть мировые явления, стоит перед явлениями как неграмотный относительно Космоса. А тот, кто умеет читать, вычитывает из этих вещей ход духовного мира. Для нашего материалистического мира характерно, что люди вследствие материализма являются неграмотными по отношению к Космосу, и неграмотность тут почти стопроцентная. В эпоху, когда так гордятся тем, что в культурных странах неграмотность в процентном отношении сильно уменьшилась, мы с воодушевлением расплачиваемся неграмотностью в отношении Космоса.

Преодолеть эту космическую безграмотность – есть задача духовной науки. Теперь немного людей неграмотных в обычном

смысле. Во времена древнего ясновидения было гораздо меньше неграмотных по отношению к духу. Но гордиться этим всем нам не следует. Правда в том, - если мы предчувствуем нашу задачу в духовнонаучном течении, - что мы из неграмотных должны стать грамотными по отношению к Космосу. Но при этом мы не должны терять смирения: ведь сегодня дело обстоит так, что мы сильно нуждаемся в элементарной школе. Едва ли мы подошли к настоящему чтению, но лишь, к своего рода, изучению букв, чтению по складам. Но мы, всё же, можем быть охвачены преобразующим импульсом, который вследствие этого внедряется в эволюцию человечества. И если мы будем охвачены им, мы правильным образом поставим себя по отношению к тому, что, так сказать, требуют от нас знаки времени, поставим себя как настоящих сочленов потока духовнонаучного мировоззрения.

Шестая лекция

Дорнах, 2 января 1915

Сегодня человеку относительно легко, - я говорю относительно, - принять, более или менее, теоретически то, что мы понимаем под духовнонаучным мировоззрением или антропософией. Но будет труднее пронизать всё существо человека, саму жизнь теми импульсами, которые приходят из самой духовной науки. Принимать духовнонаучное мировоззрение теоретически, когда знают, что человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и так далее, знают, подобно тому, как знают, что тот или иной звук имеет такое-то или такое-то высокое число колебаний, или что кислород, связанный и водородом становится водой, - знать это человек приучен вследствие естественнонаучного мировоззрения, которое у человечества сложилось постепенно в ходе последних столетий.

Однако в меньшей степени человек привык, чтобы на его эмоциональную и душевную жизнь оказывали влияние те познания, которые предлагает духовная наука. В сущности, тот

способ, которым духовная наука должна действовать на человека, противоположен тому способу, которым должна действовать на человека другая наука. Весьма всеобщее и очень часто отмечаемое ощущение состоит в том, что сухая наука отнимает у человека тёплое чувство жизни и её фактов, что сухая наука имеет в себе нечто холодное и трезвое, она как бы отбирает у вещей свежесть, некий налет росы. И можно сказать, что это до известной степени и должно иметь место в случае внешней науки. Ибо сколь существенное различие имеется между впечатлением, которое оказывают на нас чудесные облачные образования на вечернем, или утреннем небе, и простым сообщением, которое может сделать по этому поводу астроном, или метеоролог. Как будто тёплым чувством, охватывающим всего человека и проникающим в него, кажется нам богатство окружающего нас природного бытия. Сухой и трезвой, холодной, безжизненной и лишенной любви кажется нам эта наука с её понятиями и идеями, которые сообщают нам сведения относительно того, что в ином случае оказывает на нас теплое, исполненное жизни впечатление. И в отношении к естественнонаучным познаниям вполне оправдано то, что их так чувствуют и ощущают. То, что внешнее естественнонаучное знание должно быть именно таким, имеет свои достаточные причины, но духовнонаучное познание не должно быть таким знанием. Духовнонаучное познание напротив должно всё ближе и ближе подводить к полноте жизни, к жизненному теплу внешнего мира, и вообще мира в целом. Тут мы, несомненно, должны учиться тому, чтобы возбуждать в себе некоторые импульсы, которых современный человек почти что не имеет. Современный человек ожидает от того, что он называет наукой чего-то такого, в чём уже заложено то, что для нас эта наука должна являться холодной и трезвой, и, говоря в смысле Гёте: Вагнероподобной. Человек ожидает от науки, что, если он вберет в себя эту науку, для него будут разрешены те загадки природы, которые известны ему и сейчас, насколько он имеет дело с теми или иными вещами: он довольствуется тем, если знает, как он должен поступать с теми или иными вещами.

В наше время можно познакомиться даже с такими людьми, которые по вполне определённой причине испытывают ужас перед наукой. А именно, они говорят, что полная, свежая жизнь в прошлом состоялась именно потому, что человек не решил всех загадок, что он предчувствовал существование чего-то, что ещё не разрешено им. И вот, приходит наука, - так говорили люди, - и постепенно разрешает загадки природы.

Человек представлял себе, как скучно будет находиться в мире будущего, если наука решит все загадки, и человеку будет нечего, ни предчувствовать, ни открывать на естественнонаучном пути. Некая страшная пустыня должна была простираться перед человечеством, и по этому поводу человек испытывал вполне правомерный ужас.

Однако духовная наука должна была бы вызвать другие ощущения в человеческой душе, ощущения, которые, несомненно, стали бы менее удобными, приятными в современности, нежели разрешение загадок, которые как бы указывает нам, какой может быть жизнь, пробуждённая и созидаемая этой духовной наукой. Конечно, если мы в правильном смысле принимаем то, что даёт нам духовная наука, если мы принимаем её не так, что достаём записную книжку и записываем то, что было сказано, чтобы использовать это, как принято в науке, внешним образом во внешнем смысле, а затем, возможно строим себе схему, красивую классификацию, чтобы мы могли просмотреть все эти вещи, подобно схеме в физике. Мы тоже это делаем, но меньше; однако мы должны дать влиться в наше сердце тому, что должно говорить духовнонаучное воззрение, и правильно проникаться им. Затем мы будем замечать, что оно оживает в нас, растёт, развивает в нас самостоятельность и самостоятельную деятельность, что оно становится в нас подобным новому живому существу, и обнаруживает всё новые и новые стороны. Если же затем мы, с душой, наполненной духовнонаучным мировоззрением, подступаем к внешней природе, тогда для нас загадок в природе не становится меньше, чем раньше, даже больше, чем раньше. Всё становится для нас исполненным загадок в ещё большей степени, и наша эмоциональная жизнь не становится беднее, нет, она даже обогащается; можно сказать, что мир наполняется тайнами благодаря духовнонаучному познанию.

Мир, несомненно, превращается для нас в пустыню, если приходит физик и говорит: ты видишь утреннюю зарю, - а затем подводит нас к доске на стене и показывает нам, как лучи света особым образом преломляются, чтобы появилась утренняя заря. Конечно, это ужасно не по отношению к человеческому рассудку; это ужасно по отношению к человеческой душе.

Дело обстоит иначе, если приходит последователь духовной науки и говорит, чтобы привести пример: если ты смотришь на

утреннюю зарю, или слышишь музыку, то это должно быть для тебя, как если бы Элоим посылал через мир свой карающий гнев. Тогда мы получаем за утренней зарёй таинственное, живое тканье Элоима. Вследствие того, что мы произносим имя Элоима и знаем, куда нам следует поместить Его в нашей девятичленной схеме, записанной в нашей записной книжке, мы об Элоиме ничего не узнаем. Но посредством живого ощущения, которое мы имеем, поднимая своё взор на утреннюю зарю, мы видим выступающую нам навстречу обильную полноту живого тканья и жизни. Это подобно тому, как стоя напротив человека, мы знаем, что не можем исчерпать его существа посредством каких-либо понятий, что мы не можем охватить универсально-живое начало его существа. Так мы заметим, как в том, что подобно откровению раскрывается для нас как утренняя заря, перед нами предстаёт необъятная жизнь Космоса.

Загадочное и таинственное и, тем самым обогащённое ощущение в нас активизирует мир благодаря духовнонаучному познанию. Это основное ощущение, которое может войти в нашу душу, если мы оживляем в себе духовную науку и когда мы пытаемся сродниться с такими представлениями, которые она побудила. Тогда мы никогда не сможем жаловаться на духовную науку, что она, мол, говорит только нашей голове, что она не охватывает нас как человека в целом. Мы только должны иметь настоящее терпение, пока слово, которое хочет обратиться к нам духовная наука не станет живым существом, пока оно самостоятельно не сформирует себя, чтобы наполнить нас не только своим светом, но и своим теплом. Тогда оно охватит наше сердце, всего нашего человека в целом, и мы почувствуем себя обогащёнными, в то время как мы естественным образом должны чувствовать себя беднее, если принимаем духовную науку так, как другие науки.

Но с другой стороны, вполне естественно то, что духовная наука оказывает на многих обедняющее впечатление, поскольку они ещё не могут найти внутренне живого начала в словах духовной науки, которые могут охватить душу, ибо духовная наука ещё не действует на них так, как действует тёплое слово другого человека, говорящего с нами. Но мы должны учиться тому, чтобы духовная наука стала столь живой, чтобы она могла наделить нашу душу мужеством и доверием, как в ином случае может это сделать человеческая личность.

То, что для современных сердец это трудно, связано с тем, что современные сердца отвыкли жить с самими вещами, с тем, что чувство сопереживания себя с вещью стало редкостью. Стало бесконечно трудным, если человек, можно сказать, в малых дозах пытается снова оживить сопереживание с вещью. Такая попытка была предпринята в наших четырёх Мистериях. Вам только надо взглянуть на сцену «В стране духов» в пятой картине мистерии «Побуждение души», где по левую сторону сцены, - если смотреть со стороны зрительного зала, - сидит погруженный в Девахан Феликс Бальде, и как духовные существа по другую сторону сцены говорят с ним о его «тяготах». Тут надо почувствовать тот вес, ту нагрузку, влияние, которое издали, как бы действует сверху вниз. Сегодня человек привык к тому, что если нечто парит сверху вниз, видеть только само парящее тело, видеть только то, как вещь сначала занимает положение вверху, затем дальнейшее положение внизу, и так далее. Но для него совершенно непривычно вползать, влезать в самую вещь и чувствовать тяжесть, чувствовать, что вещь вытесняется из одного места. Такими словами в середине драмы хотелось извлечь человеческую душу из эгоистического тела и внедрить её в живое начало находящейся снаружи вещи.

Если же этого произойти не может, то и правильное художественное чувство не сможет снова воскреснуть. Например, для того, чтобы снова правильным образом воскресить архитектурное чувство, должно стать живым то, что мы на понятийном уровне принимаем как духовную науку. Сначала в том, что мы посредством понятий, усваиваемых из духовной науки и что посредством души мы переносим в мир, имеется нечто безразличное, равнодушное. Но мы увидим, если мы действуем по-настоящему, насколько обогащаем мы тем самым всю нашу душевную жизнь. Обогащение имеет место, например, если мы пытаемся здесь (см. рисунок 1) не только видеть нечто, но и погружаемся в него, учимся ощущать себя с тем, что там находится: а именно, здесь - груз, а здесь - опора.

Рисунок 1

Lasten (Ahrimanisches) -груз (ариманическое)

Gleichgewicht (Goettliches) -равновесие (Божественное)

Stuetzen (Luziferisches) – опора (люциферическое)

Мы хотим зайти ещё дальше, и не только видеть это, но и чувствовать; балка должна быть достаточно крепкой, иначе она сломается под грузом, колонны тоже должны обладать известной прочностью, иначе они расплющатся. Мы должны быть вместе с шаром наверху и переживать его тяжесть, вместе с колоннами переживать их как опору, поддержку, вместе с балкой переживать её равновесие. Мы чувствуем на архитектурном уровне только тогда, если мы сами внедряемся, влезаем в отягощающий груз, в то, что поддерживает, и в равновесие между отягчающим и поддерживающим.

Если мы следуем за объектом, строением не только глазами, но если мы, как бы влезаем в него и ощущаем, как отягчающий груз, так и опору, и равновесие, мы будем ощущать то, что весь наш организм оказывается задействованным, что мы как бы должны от нашего головного мозга обратиться к незримому мозгу, к которому принадлежит человек в целом. Тогда в нас может ожить сознание: ах! Вот сейчас мы начинаем чувствовать! - Возьмите простой описанный случай: тут мы чувствуем подпирающее, поддерживающее, толкающее вверх люциферическое начало; тут отягчающее, давящее вниз ариманическое начало; тут равновесие между люциферическим и ариманическим началом; Божественное начало. Так оживает для нас безжизненная природа, оживленная Люцифером и Ариманом и их высшим владыкой, который вечно содействует равновесию между Люцифером и Ариманом.

Однако мы подойдем к этому, если научимся чувствовать в архитектуре люциферическое, ариманическое, Божественное, чтобы мы стали внутренне охвачены архитектурной, почувствовали, как обогащённое переживание мира, можно сказать, извлекает нашу душу, переносит её в вещи, выводя её в мир. Постепенно мы вследствие этого будем чувствовать, что мы с нашей душой не находимся в пределах кожи нашего тела, но принадлежим Космосу. Это будет восприниматься таким образом. Но тем самым мы воспримем и то, что, в то время как архитектура снаружи поддерживает и отягощает, создаёт равновесие, мы сами посредством архитектурного развиваем музыкальное настроение. Наш внутренний мир на музыкальном уровне созвучен архитектурному, и мы

видим, что, в то время как снаружи, во внешнем мире, архитектурное и музыкальное по видимости противостоят друг другу как нечто чуждое, наше переживание архитектурного, когда это архитектурное звучит для нас на музыкальном уровне, содействует умиротворению, равновесию.

Однако в этом заложено живое поступательное развитие искусства, начиная от нашей земной эпохи: человек учится сопереживать умиротворяющую роль искусства. В этом заложено и то, что предчувствуется и ощущается как нечто тёмное в произведениях Вагнера, и что по-настоящему сможет возродиться только тогда, когда духовная наука оживит мир.

Умиротворение в искусстве: это, - впервые, как маленькое элементарное начало, - мы попытались осуществить посредством нашего здания, в котором играть роль должны будут не только холод и трезвость от такого умиротворения, но где в самой архитектуре здания должен быть осуществлен оттиск, как бы зеркальное напечатление этого примирения музыкального настроения и архитектурной формы. Если вы изучаете то, что отображено в порядке наших колонн и в том, что с ними связано, вы сделаете открытие, что тут была предпринята попытка привести в живое движение то, что поддерживает, служит опорой, то, что отягощает и то, что уравнивает. Наши колонны являются не только опорами, наши капители являются не просто несущими конструкциями, и то, что простирается над колоннами, как архитравы уже не несёт характер чего-то покоящегося на колоннах и замыкающегося верху: нет, они имеют характер чего-то живого, растущего, ткущего живое.

Была предпринята попытка перевести архитектурные формы в музыкальное русло; и ощущение, которое человек может иметь во взаимодействии наших колонн с тем, что связывает эти колонны, может пробудить в душе музыкальное настроение. Можно ощутить не воспринимаемую музыку, как душу наших колонн, наших архитравов и скульптурных форм, которые относятся к колоннам. В них в некотором роде находится душевное начало. Проникновение в пластическое искусство, в скульптуру и его формы с музыкальным настроением вообще должно стать идеалом для искусства в будущем. Музыка будущего будет пластифицирующей, как музыка прошлого. Архитектура и скульптура будущего станут музыкальными, как архитектура и скульптура прошлого. Это

будет весьма существенно. Музыка от этого не прекратит быть самостоятельным искусством, напротив, она будет становиться всё богаче и богаче, вследствие того, что она проникнет в тайны звуков, - на что указывалось вчера, - благодаря чему будут воссозданы музыкальные формы из спиритуальных основ Космоса.

Однако в искусстве всё, что является внутренним, должно стать внешним, так как то, что тут живёт должно воплотиться как бы в одном организме; так и внутри порядка колонн и внутри того, что к ним относится, должен воплотиться парящий душевный мир. Это происходит, во всяком случае, должно произойти при росписи купола. Поскольку колонны и всё, что относится к ним, является телом нашего здания, так и то, что реализовано в куполах, для того, кто находится в здании, является душевным началом здания; и как для нас дух является тем, что наполняет весь мир, если оранжевый цвет направлен наружу, так и наши окна с их новым искусством гравированных стёкол, представляют собой духовное начало в нашем здании. Тело, душа и дух должны быть выражены в нашем здании. Тело в строении колонн, душа в том, что соответствует куполам, и дух в том, что создано в окнах.

В этих делах карма так содействовала некоторым вещам, что мы смеем это с благодарностью приветствовать, ибо в некоторых вещах карма прямо-таки помогала нам в нашем здании. Душевное начало человека с внешней стороны является так, что мы ощущаем его физиономии, что мы благодаря средствам, с помощью которых мы проникаем в эту душу человека, с помощью любви и дружбы должны проникнуть во внутренний мир, если хотим познакомиться с душой человека изнутри.

Когда я в моих последних циклах лекций в Норвегии, ехал из Христиании в Берген, и мне довелось увидеть обломки шифера, у меня тогда появилась мысль добиться, чтобы шифер оттуда был получен. Нам это удалось, и это было фактически, можно сказать, кармической удачей. Но, если мы бросим взгляд на купола, крыша которых покрыта теперь тем самым шифером, обладающим отличительным свойством, которого нет у других видов шифера, шифером, который действует так, как никакой иной шифер, мы должны будем сказать: это нечто такое, что раскрывает, и в тоже время скрывает душевную жизнь. И мы будем должны, если мы пожелаем вызвать купола к душевной жизни, развивать любовь к духовной науке. Ибо то,

что нарисовано внутри куполов должно действительно выступать нам навстречу, как своего рода отражение в красках и формах, своего рода отражение того, чем может быть для нас духовная наука. Для этого мы должны войти внутрь. Но ни один человек не сможет с пониманием войти внутрь здания, когда оно действительно будет готово, если не разовьёт любовь к духовной науке, иначе то, что он увидит внутри, по всей вероятности останется для него чем-то немного отдающим сенсацией, но не тем, что особенным образом говорит к его сердцу. Здание станет для него чем-то таким, чему он с легкостью будет отказывать в архитектурном душевном содержании, в душевном и эмоциональном содержании.

Если бы мы могли увидеть, как то, что ожило из духовной науки, мы могли бы повторить в мире, то мы могли бы сказать: исходя из духовной науки, мы могли бы оплодотворить мир в той области, где легче всего увидеть, что мы нуждаемся в оплодотворении души, в душевном тепле. Ибо не только те художественные и научные вещи должны быть оплодотворения со стороны духовной науки, но и вся жизнь должна быть оплодотворена ею.

В качестве примера можно указать на область, в которой мы можем особенно видеть то, как духовнонаучные понятия могут стать живыми во внешней жизни. В качестве примера я хотел бы избрать область педагогики, область любого искусства воспитания. Мы имеем в виду воспитание ребенка взрослым человеком. Какие представления создаёт материалистическая эпоха, если она говорит о воспитании ребенка взрослым человеком? Эта материалистическая эпоха, в сущности, в обоих, - и во взрослом, и в ребенке, - видит только то, что даёт материалистическое мировоззрение: старший воспитывает младшего. Но дело обстоит не так. Старший является всего лишь майей на внешнем уровне, и младший внешне тоже является всего лишь майей. В старшем мы имеем нечто такое, что не содержится непосредственно в майе, невидимого человека, который идёт от инкарнации к инкарнации, но и в ребенке мы тоже имеем невидимого человека, который идет от инкарнации к инкарнации.

Мы ещё будем говорить о таких вещах. Но сегодня я хочу сообщить ещё нечто, что вам, в ходе времени, - посредством медитативного углубления, - позволит уяснить то, что в ином случае даёт духовная наука; я хочу исходить из того, что человек, выступающий обычно навстречу нам во внешнем

мире, вообще не может воспитывать, что человек, который как ребенок выступает нам навстречу во внешнем мире, вообще не может быть воспитан. На самом деле нечто невидимое в воспитателе воспитывает нечто невидимое в воспитаннике. Правильно понимают вещи только тогда, если в растущем ребенке, которого мы должны воспитывать, мы направляем взгляд на постепенно раскрывающийся результат предшествующих инкарнаций. Но если всё то, что происходит из предшествующих инкарнаций, вырастает наружу, как это происходит по мере воспитания ребенка, то тут уже ребенок воспитывает нас, особенно в современности. То, кого мы, в сущности, воспитываем, есть невидимый результат более ранних инкарнаций. Видимого ребенка мы воспитывать не можем, на него мы можем только воздействовать. На деле мы действуем на невидимый результат прежних инкарнаций. Видимого ребенка мы воспитывать не можем. Так обстоит дело, если мы направляем взор на ребенка.

Теперь направим взор на воспитателя. В течение первых семи лет он может воспитывать только посредством того, чему в нём можно подражать, и посредством того, что он в качестве авторитета достигает влияния в течение второго семилетия; в последующие семь лет он, в конце концов, может достичь влияния посредством того, что действует, воспитывая, благодаря свободной силе суждения. Всё, что действует тут в воспитателе, ни в коем случае не находится во внешнем физическом человеке. То, что мы имеем в нас как воспитателя, получит свой физический облик только в нашей следующей инкарнации. Ибо всё то, что является в нас такими свойствами, которым можно подражать, или, что в нас является такими свойствами, на которых основан наш авторитет, присутствует в нас в качестве зародыша и будет формировать нашу следующую инкарнацию. Наша собственная ближайшая инкарнация как воспитателя говорит с более ранней инкарнацией питомца. То, что мы как нынешние люди говорим с нынешними детьми, есть не более, чем майя. Мы ощущаем правильно, если мы говорим: твоё лучшее в тебе, то, что мыслит твой дух, то, что может чувствовать твоя душа, то, что готовится в тебе, чтобы, исходя из тебя сделать нечто в следующей инкарнации, может действовать в ребенке на то, что хочет в этом ребенке пластически сформироваться, исходя из самых древних времен. Музыкальным в нас является только то, что может действовать, воспитывая. Мы должны действовать на то, что пластически формируется в ребенке.

Сопоставьте то, что я в эти дни говорил о музыкальном, как оно в своём высшем оформлении соответствует тому, что подступает к человеку в интуиции. Музыкальное относится ко всему развивающемуся, к становящемуся, к будущему, тогда как пластико-архитектоническое – к прошлому. Чудеснейшее пластическое произведение искусства, выступающее нам навстречу – это ребенок. То, что мы должны иметь как воспитателя, есть то музыкальное настроение, которое может присутствовать в нас как настроение будущего. Но почувствовать это, – почувствовать так, как только что было на это указано, – на педагогическом поле, значит внести некоторые особенные нюансы в своё противостояние как воспитателя по отношению к ребенку, ибо надлежит предъявлять к себе как к воспитателю высшие требования долга, проявлять самую высшую способность к пониманию даже по отношению к наиболее невоспитанным, непослушным детям, насколько только это может встретиться нам в нашем питомце. В этом настроении заложена действенная сила воспитания.

Если бы мир когда-либо увидел, как эта музыкальная гармония воспитателя связана с видом пластики питомца, которую должно давать педагогическое настроение, будучи проникнуто тем, что достигается благодаря любви воспитателя, педагогической любви, – тогда педагогика смогла бы глотнуть свежего воздуха, ибо тогда об этих вещах стали бы говорить, чувствовать и думать так, что на уроках учителя будущее учится любить прошлое. Тогда мы обнаружим, что чудесное кармическое равновесие может установиться между воспитателем и его воспитанником. Чудесное кармическое равновесие.

Если же воспитатель эгоистичен и стремится только к тому, чтобы сделать из питомца то, чем является он сам, то это – чисто люциферическое воспитание. Люциферическим будет такое воспитание, если мы как можно больше хотим сделать воспитанника отголоском наших собственных воззрений и чувств, если мы радуемся только тогда, когда, говоря воспитаннику о чём-то сегодня, он как попугай повторяет или, подражая, делает то же самое завтра. Это чисто люциферическое воспитание. Ариманическое воспитание, несомненно, имеет место тогда, когда воспитанник под нашим воспитанием становится насколько возможно непослушным, грубым и принимает от нас так мало, насколько это возможно. Но между этими двумя крайностями, как и между нагрузкой и

опорой имеется положение равновесия. Оно будет воздействовать посредством того музыкально-пластического элемента, который я описывал. Тут мы должны научиться различать намерения воспитателя относительно того, кем станет воспитанник. Если только мы настроены правильно, мы переживём самую большую радость, если мы старались донести до воспитанника нечто вполне определенное, и можем сказать себе: он не стал тем, кем ты хотел, но всё-таки он кем-то стал, хотя и не тем, к чему его готовили, но всё-таки он кем-то стал. Своеобразие состоит в том, что воспитатель может освободиться от своего «воспитательного эгоизма» только благодаря тому, если он преодолет желание иметь в своём питомце копию того, что он рассматривает как хорошее и правильное, то, что он думает. Если мы как воспитатели невозмутимо, хладнокровно относимся к тому, что воспитанник может быть совершенно непохожим на нас, значит, мы достигли самого прекрасного.

Однако нельзя говорить: пожалуйста, дайте мне рецепт, как поступать, напишите мне пару правил, как воспитывать в таком-то случае. - Отличительный признак духовного мировоззрения состоит в том, что нельзя действовать по отдельным правилам; нет, надо действительно допустить к себе, принять в себя духовную науку, так, чтобы вникнуть в неё, так, чтобы импульсы чувства и воли обогатились. Тогда в отдельных случаях, перед которыми будет поставлен человек в связи с задачами жизни, он поступит правильно. Главное состоит в том, чтобы живо охватить её.

Могут спросить: какой метод воспитания можно считать правильным в смысле духовной науки? Самым лучшим методом духовнонаучного воспитания было бы то, чтобы как можно больше воспитателей с живостью углублялись в духовную науку и усваивали чувство, приходящие из духовной науки. Несомненно, это то, что не так удобно, чем просто перечитывать книжицу о духовнонаучном воспитании. Но, всё снова и снова, духовная наука будет вставать перед вопросом: какую точку зрения занимает духовная наука по отношению к тому или другому? Но духовная наука не имеет точки зрения, или, если угодно, имеет столь же много точек зрения, как и сама жизнь. Но духовная наука должна сама стать жизнью. Человек должен принимать саму духовную науку, оживлять её в себе, и тогда она сможет принести свои плоды в различных областях жизни. Тогда человек сможет подняться над тем, что высушивает жизнь настолько, что жизнь умертвляется, сможет

подняться над однообразием, над, так сказать, монотонностью. Внешняя наука требует однообразия, духовная наука даёт многообразие, то разнообразие, которое является разнообразием самой жизни. Так духовная наука сможет преобразующим образом действовать в отношении к жизни в самых отдаленных её областях.

Ибо возьмите эту жизнь, какова она сегодня в некоторых областях. Человек до известного возраста учится; до какого-то известного возраста он учится тому, до другого возраста он учится чему-то иному. Но затем приходит время, когда он, как говорится, вступает в жизнь и уже ничему учиться не желает; даже если он имеет научную профессию, то учится он без особой охоты. Те, кто учатся и после, идя в ногу со своей наукой, рассматриваются в наше время как редкие экземпляры. Но в целом, жизнь протекает, главным образом так, что человек до известного возраста учится, а затем проводит своё свободное время за игрой в карты, или занят другими бесполезными делами, или развивает такой образ мыслей, который мне встретился однажды. Я был однажды приглашен в один круг, где были тянущиеся к образованию дамы, чтобы прочесть им несколько литературно-исторических лекций. Можно сказать, что ещё гибкий, можно даже сказать отставший мозг этих дам в наше время ещё содержит кое-что от того древнего времени, когда мозг хотели удерживать в образном состоянии и всю жизнь обучали его. Среди женщин такое встречалось чаще, чем среди мужчин. Но у этих женщин было чувство, что они для этого цикла лекций должны пригласить мужчин. Мужчины тоже были при этом. Не все из них спали, некоторые действительно слушали. Но затем вели разговоры, пили чай и ели пироги, итак то, что в некоторых кругах рассматривается как совершенно необходимое приложение, если уж лекция не должна быть совершенно сухой. Итак, потом вели разговоры. Там я услышал от некоторых мужчин, - после того как я прочёл лекцию о «Фаусте» Гёте, такое суждение: да, посмотреть «Фауста» на сцене - небольшое эстетическое наслаждение, удовольствия тут никакого, это некая наука. - Тем самым они хотели обратить внимание на то, что если человек целый день работает в бюро, или обслуживает своих клиентов, или стоит перед судебным столом, выслушивая свидетелей, осуждая обвиняемых, он не может вечером слушать «Фауста», но ему нужно что-то ради удовольствия, а наука не нужна.

Тем самым я хочу лишь в качестве примера указать на общий образ мыслей в наше время, который вам, без сомнения известен. Достаточно только заявить о нём, как каждый уже знает, что он очень, очень распространен и что есть немало людей, которые наверняка нашли бы странным, что мы здесь сидим вместе как школьники, несмотря на то, что некоторые из нас уже достигли почтенного возраста, и всё ещё хотим что-то воспринять в то время, которое, по их мнению, можно было бы использовать гораздо полезнее. Однако полный перелом должен произойти в том, что человек будет хотеть не только учебной связи с духовной наукой, но живой, продолжающейся связи. Вот то, что придёт. Духовную науку можно вбирать в себя не так, как подобно компендиуму можно вбирать в себя другие науки, нет, духовная наука должна оставаться живой. Она станет мёртвой, она умрёт, если человек будет всего лишь вбирать её содержание, останется не соединенным с ней в живой работе. В этом смысле духовная наука должна действовать оживляющим образом, она должна открыть сердце человека для всего, что может влиться в это сердце из духовного мира, для того, чтобы мы находились в непрестанной эволюции.

Без сомнения наше человечество имеет в нашу эпоху всё то, что можно взять: оно постарело, оно уже не имеет в полноте той юности, которую оно имело во времена мифов. Духовная наука должна снова стать омолаживающим напитком для людей, так, чтобы они на протяжении всей жизни могли чувствовать себя учениками бытия. Тут тоже мы можем переживать в настоящее время удивительные вещи. Я знаю одного духовно активного человека, человека, который в течение всей своей жизни занимался по возможности всеми ингредиентами нашей современной духовной культуры. Недавно он праздновал своё пятидесятилетие. При этом у него было своеобразное намерение опубликовать своего рода фельетон. Он, например, сказал: вот, мне предложили одну должность, - я хочу немного изменить эти вещи в художественном смысле, чтобы не выдать, кто это такой, - должность, связанную с искусством, о которой я мечтал много лет. Но теперь я уже не могу так сильно хотеть этого, ведь мне уже пятьдесят лет, это годы старости, ибо для того, чтобы работать на такой должности, чтобы действовать на окружающих людей и побуждать их, надо быть молодым, надо уметь развивать фантастические иллюзии. Эти иллюзии должны состоять в том, чтобы дело и люди, с которыми это дело делается, составляли целый мир, так, чтобы всё остальное

не имело цены. Настоящую ценность имеет только то, что я тут вокруг себя делаю. Но возраст, в котором я мог бы делать это – до пятидесяти лет. Теперь этот возраст миновал. Не надо дожидаться, пока люди станут стариками, чтобы предоставлять им влиятельное положение; они должны становиться надворными советниками уже между тридцатью и сорока годами. – Примерно так сказал этот «старый» человек.

Таково настроение, заложенное, можно сказать, в тон и тембр всей нашей современной культуры. Это настроение, в которое человек может с легкостью впасть, сталкиваясь с тем, что может сделать из человека современная материалистическая культура, ибо она не имеет силы, чтобы наполнить всего человека, у неё нет силы, посредством того, что человек принимает, так сформировать его в его душевной жизни, что она продержится в нём до преклонного возраста. Но духовная наука хочет предоставить доказательство, что человек, будучи внешне старым, на внутреннем уровне может оставаться душевно молодым. Он вполне, – если он до пятидесяти лет не принёс ничего особенного, даже в пятьдесят лет не должен предаваться иллюзии, будто бы то, что он делает, является самым важным, тогда как всё остальное погибнет вместе с миром. Но он может быть настолько юным, что сможет посвящать все свои силы тому, что он делает. Он может быть настроен по молодому, и, можно сказать, по-детски, так что все свои силы он сконцентрирует на том, что ему надлежит, как ребенок концентрирует все свои силы на своей игре. Волшебным омолаживающим напитком, а не просто теорией должна стать духовная наука. О других преобразующих импульсах я буду говорить завтра.

Седьмая лекция

Дорнах, 3 января 1915

Если вы вспомните изложения, сделанные в связи с развитием Земли во время (древних) Сатурна, Солнца и Луны, вы узнаете, что на каждой из этих ступеней эволюции определённые существа, которых мы должны причислить к существам высших иерархий, достигали в некотором смысле

человеческой ступени. Нам известно, что в течение древнего сатурнического времени человеческой ступени достигали те духовные существа, которых мы называем Духами Личности, Началами, Архаями; что в течение солнечного времени своей человеческой ступени достигали Архангелы, в течение лунного времени Ангелы, а в течение земного времени - люди.

Однако из всех рассмотрений, предпринятых в связи с этими эволюциями, вы видите, что каждая ступень должна быть подготовлена существами, которые в последующее время достигали определённого развития. Мы знаем, что человек был подготовлен благодаря времени (древнего) Сатурна, Солнца и Луны; знаем, как то, что мы называем совершенным физическим человеческим телом сегодня, проделало эволюцию, начиная со времени (древнего) Сатурна, что эфирное тело проделало эволюцию, начиная со времени (древнего) Солнца, а астральное тело - со времени (древней) Луны. «Я» стало появляться в течение земного времени; так была подготовлена общность такого рода существ.

У вас на сердце может возникнуть вопрос: подготавливаются ли в наше время такие существа, которые во время Юпитера достигнут человеческой ступени? - Вы ведь знаете, что в течение сатурнического, солнечного и лунного времени, - вам для этого нужно снова посмотреть это описание в моей книге «Очерк тайноведения», - в подготовке человеческой ступени принимали участие духи высших иерархий. Там было показано, как Ангелы, Архангелы и Архаи участвовали в создании человеческих существ; отсюда недалеко до вопроса: работают ли люди благодаря своему земному бытию над подготовкой тех существ, которые достигнут человеческой ступени во время Юпитера?

Этот вопрос должен рассматриваться как жизненный вопрос каждым, у кого чувствующее сердце, - чувствующее в том смысле, какой имели мы в виду в прошедшие дни, говоря в связи с пробуждением чувства посредством духовной науки. Ибо могло быть, что от человеческого поведения в целом в течение земного времени, могло что-либо требоваться, или чего-то не хватать по отношению к тем существам, которые во время Юпитера должны были достигнуть человеческой ступени. Можно было бы сказать: что могли бы мы сделать хуже, нежели в течение земной эволюции вести себя таким образом, который сделал бы невозможным, чтобы из наших деяний произошли правомерные существа Юпитера? - Во

всяком случае, в качестве предпосылки необходимо иметь некоторую добрую познавательную волю, если хотят говорить о таких вещах, так как когда говорят о таких вещах, поистине касаются важных тайн посвящения, таких тайн посвящения, которые сегодняшней науке, само собой разумеется, кажутся чем-то ужасным. Тут человек должен быть подготовлен посредством своего чувства, чтобы увидеть, как должна эта сегодняшняя наука с необходимостью относиться к таким настоящим жизненным истинам.

Я уже пытался в предыдущих лекциях характеризовать, каково должно быть отношение сегодняшней науки к жизни. Она не в состоянии непосредственно подступиться к тайнам жизни. Она даже не желает этого: она только не должна претендовать на то, чтобы хотеть подступиться к этим тайнам жизни. Для тех, кто охотно ест яйца, сваренные вкрутую, наверняка хорошо, если яйцо варят вкрутую и потом используют его по назначению для тех, кто их употребляет. Но если бы кто-нибудь пришел и сказал: у кур отнимают яйца, чтобы сварить их вкрутую и после этого высиживать из них цыплят, - это было бы абсурдное предприятие. Совершенно то же самое предпринимает по отношению к Космосу тот, кто хотел бы разгадывать тайны Космоса, и на основе нынешнего знания хочет приступить к их разгадке: он уподобился бы поступкам того, кто хочет высиживать яйца, сваренные вкрутую, то есть те, из которых уже ничего не выведешь.

Насколько вся эта наука, во многих отношениях связанная со всем современным мышлением должна быть ошибочной при рассмотрении истинных загадок жизни, должно стать вам ясным благодаря только что приведенному мной сравнению. Не правда ли, если кто-либо желает разобраться в полезности или вредности этой науки, он будет сперва пытаться поставить вопрос: насколько правомерна эта наука там или тут? - И если он сможет доказать, что она и тут и там правомерна, он само собой разумеется, может ручаться за неё.

Но это и есть именно то, чего нам следует избегать, - чтобы мы считали очень важным вопрос о том, правильно или неправильно то, что говорит наука. Мы не должны рассматривать этот вопрос как самый главный, если речь идёт о разрешении загадок жизни. Если кто-то видит повозку, которую тянут лошади, и на которой сидит человек, то тот, кто это видит, имеет полное право сказать: лошади везут на повозке этого человека, они тянут его за собой. - Это,

несомненно верно. И тот, кто захотел бы утверждать, что лошади не тянут эту повозку и сидящего в ней человека, то стал бы, само собой разумеется, утверждать нечто неправильное. Но ведь точно также верно и то, что человек, сидящий в повозке, тем, как он правит лошадьми обуславливает то, куда должны тянуть его эти лошади, и это, совершенно несомненно, и есть самое важное, наиболее существенное, отчего зависит достижение цели, того, что надо достигнуть. Современная наука уподобляется утверждениям тех, кто отрицает, что человек в повозке правит лошадьми, кто хочет быть согласен только с тем, что лошади тянут человека в повозке.

Если вы точнее осмыслите это сравнение, то сможете усвоить для себя правильные идеи об отношении современной науки к исследованию истины. Я должен повторять эти вещи всё снова по той причине, поскольку стоящий на почве нашего мировоззрения должен всё больше и больше быть готов защищать, охранять это наше духовнонаучное мировоззрение от атак нынешнего мировоззрения. Но он сможет это только тогда, если он действительно просветит себя по поводу отношения сегодняшней внешней науки к исследованию истины. Человек всегда должен подступать к вопросам духовной науки с вполне определенным ощущением, с вполне определенными эмоциональными нюансами, иначе он не справится с этими вопросами.

Вопросы, которых мы касаемся, вопросы о тех существах, которые достигнут человеческой ступени на Юпитере, на самом деле связаны с наиболее глубочайшими вопросами земной эволюции человека. В нашей земной эволюции имеется нечто, к чему всегда были направлены философские устремления: это отношение нравственного, этического поступка человека к природному, естественному бытию человека. Человек, как земное существо, должен различать, насколько он является существом, которым владеют его инстинкты, который следует своим инстинктам, вынужден удовлетворять свои инстинкты, который не в состоянии справиться со своими инстинктами, ибо удовлетворять их нужно в соответствии с законами природы. Это одна сторона человеческой природы. По отношению к ней мы говорим: то, что мы делаем, нам нужно делать. Нам нужно есть, нам нужно спать. – Но есть и другая область человеческих поступков на Земле, эта та область, по отношению к которой мы не можем говорить о нужде, о потребности; в этом случае не имело бы

смысла говорить о нужде. Это область долга, долженствования, область, где мы по отношению ко всем инстинктам, по отношению ко всему, что естественным образом следует из нашей природы, ощущаем: мы должны следовать чисто духовным импульсам. – Это «ты должен» ни в коем случае не есть нечто, говорящее в нас на уровне инстинктов; нет, это нечто, говорящее и ориентирующее нас чисто духовным образом. Это «ты должен» охватывает область нашего нравственного долга, нравственной обязанности.

Есть философии, которые никак не могут установить связь между: «ты должен» и «тебе нужно». И наша философия, почти погрязшая в материализме, - а она будет погрязать всё дальше и дальше, - особенно, если речь идет о нравственной жизни, эта философия хотела бы обратить слова «ты должен» в «тебе нужно». В этом отношении мы идем навстречу тому времени, когда именно психология будет с некоторым высокомерием трубить об этом превращении «ты должен» в «мне нужно». Наихудшие аспекты обнаружатся, если рассмотреть начала того, что в будущем вырастет, например, как криминальная психология. Тут мы уже сегодня видим, как на человека смотрят так, что не спрашивают, переступил ли он «ты должен», но трубят, пытаясь указать только на то, что он был побужден нанести вред тому, или иному человеку по необходимости своей природы. Будет предприниматься всё больше и больше курьёзных попыток характеризовать преступность в мире как особенный болезненный случай. Все эти вещи исходят из некоторой материалистической неясности об отношении «ты должен» и «тебе нужно».

Это «ты должен», - то, что называли также категорическим императивом, - что должно означать оно в общей связи человеческого бытия? Тот, кто не следует принципу «ты должен», совершает безнравственные поступки. Это весьма тривиальная истина. Но давайте попытаемся «нравственное» и «безнравственное» увидеть не по отношению к внешней майе физического плана, но попытаемся увидеть «нравственное» и «безнравственное» по отношению к истине, по отношению ко всему тому, что, в сущности, стоит позади майи физического плана. Моральное, этическое, нравственное, то, что соответствует принципу «ты должен», выглядит в духовных очах, говоря грубо, как нечто исключительно важное, животрепещущее. Человек обнаруживает себя перед вами, - эта ужасная для материалистического мировоззрения мысль должна быть высказана, - если вы наблюдаете его при

определенной температуре и погодных условиях, - лошади проявляют это ещё лучше, но мы сейчас говорим не о лошадях, - человек показывает себя вам тогда, как он выдыхает и когда выдох, проникая в воздух, становится паром. Само собой разумеется, для материалистической науки это выдыхание из себя, выдох, который делает человек, - в случае лошади это можно видеть ещё лучше, но, как сказано, мы говорим сейчас не о лошадях, - итак для материалистической науки этот выдох вылетает, выпаривается, растекается и никакого дальнейшего значения не имеет. Но для того, кто исследует явления жизни посредством науки инициации, этот выдох значителен постольку, поскольку он в своих нюансах несёт точные следы нравственного или безнравственного поведения человека. Нравственное или безнравственное поведение человека можно познать в становящемся водным, парообразным дыхании; совершенно по разному превращается в воду, в пар дыхание человека, склонного к нравственным поступкам, и человека, склонного к безнравственности. Вы знаете, что по отношению к некоторым вещам имеющимся в человеческой природе, более тонкие свойства человеческой природы можно наблюдать в более тонких частях эфирной и астральной ауры. Но то, что в обычном смысле слова представляет собой человек как нравственное или безнравственное существо, обнаруживается уже том эфирно-астральном элементе, который содержится в дыхании, становящемся водным паром. То, что присутствует там как физическое, разлетается, но то, что воплощено в дыхании, не разлетается, ибо оно содержит некое демоническое существо. В дыхании содержится, - если дыхание переходит во влажную, водную форму, - физическое, эфирное и астральное, лишь только физическое не в твердой форме, но пока ещё, в форме жидкости, в парообразной форме. Итак, в нашем выдохе обнаруживается нечто такое, в чём имеются формирования самых разных видов.

В случае дел, возникающих из любви, обнаруживается нечто иное, нежели в случае дел, возникших из энтузиазма, из творческого порыва, из стремления к совершенствованию. Но всегда образ выдоха имеет нечто, что напоминает существ, которых пока ещё нет на Земле. В этих существах уже готовятся те, кто будет достигать человеческой ступени на Юпитере. Это первые предварительные теньевые образования, которые будут изменяться, изменяться дальше и дальше, чтобы на Юпитере подняться к человеческой ступени.

Мы тоже, некоторым образом обязаны нашему возникновению на древней Луне выдыхательному процессу Ангелов; это опять-таки относится к ошеломляющему опыту духовной жизни, когда человек исходит из познания того, что в выдохе подготавливаются грядущие люди Юпитера, что из того, что сегодня выдыхают люди, будут развиты грядущие люди Юпитера. Если с таким познанием подходят к Библии, и читают первые слова Библии, то могут сказать себе: теперь ты начинаешь понимать, что имелось в виду, когда там стоит: что дыхание было вдохнуто Элоимом, и что посредством дыхания, которое они вдохнули в человека, они сформировали земного человека.

Могу вас уверить, что я никогда бы не понял это вдыхание Элоима, вдыхание в рот и нос живому человеческому существу, если бы прежде не узнал, что в выдохе земного человека содержатся первые зародыши тех существ, которые станут людьми только на Юпитере. Но людьми Юпитера смогут стать только такие выдохи, которые своим бытием будут обязаны поступкам, которые совершены по принципу «ты должен», итак, нравственным поступкам.

Так мы видим, что с нашей земной нравственностью мы вторгаемся во весь космический порядок в целом. Так мы видим, что наша земная нравственность является на самом деле творческой силой, и мы видим, что духовная наука даёт сильное побуждение к импульсам моральных, нравственных действий, ибо мы знаем, что противопоставляем себя сотворению юпитерианского человека, если не поступаем на Земле морально. Нравственность, которая выражается в принципе «ты должен», тем самым получает реальную ценность, субстанциальную ценность. Интенсивным образом формируется наше человеческое поведение определяемое тем, что мы можем перенять из духовной науки, если мы реально познаём тайны, связанные с Космосом.

Ранее подобным образом обращалось внимание на то, - когда тут или там делались замечания о том, что за символом является речь для будущего творения самого человека. Однако сегодня я не хотел бы входить в это, но, прежде всего, показать, какое значение имеет нравственное поведение для Космоса в целом. Но вы могли бы поставить вопрос: а как же обстоит дело с безнравственным поведением? - Безнравственное поведение тоже заявляет о себе в тех внутренних образованиях, в тех формированиях дыхания. Но

безнравственное поведение напечатлевает дыханию демонический образ. Вследствие безнравственного поведения человека порождаются демоны. Сначала попытаемся уяснить себе различие между демонами, которые возникают из-за безнравственного поведения человека и теми духовными существами, - духовными постольку, поскольку на Земле они достигают только водного бытия, - теми образованиями, которые создаются благодаря нравственным поступкам.

Те существа, которые в дыхании доходят до мимолетного водообразного бытия и которые происходят из нравственного поведения, являются существами, которые имеют астральные, эфирные и, наконец, физические тела, уплотненные до водного элемента, как и мы в течение (древнего) лунного бытия имели астральные, эфирные и физические тела, которые тоже были уплотнены до своего рода водного элемента. Так обстояло дело с нами в течение лунного бытия, хотя и не точно так. В этих образованиях, возникающих из нравственного поведения, которые состоят из физического тела, эфирного тела и астрального тела имеются задатки принять «я», так же как и в нашем физическом теле, эфирном теле и астральном теле в течение (древнего) лунного времени были задатки, чтобы принять «я». Итак, задатки для принятия «я» находятся внутри. Такие существа призваны к регулярному, поступательному развитию в Космосе, они идут регулярным путём. Другие существа, которые, вследствие безнравственного поведения были созданы в качестве демонов, тоже, само собой разумеется, имеют астральное тело, эфирное тело, физическое тело вплоть до водного элемента, но не имеют задатков, чтобы развить «я». Они приходят в мир как бы обезглавленными. Вместо того, чтобы иметь в себе задатки для принятия в себя «я», поступательно двигаться в регулярной эволюции к бытию Юпитера, они отвергают эти задатки. Тем самым они осуждают себя на судьбу выпасть из эволюции. Но вследствие этого они умножают собой сонм люциферических существ. Они подпадают под власть люциферических существ. Будучи лишены возможности придти к какому-либо регулярному бытию, они вынуждены вести паразитическое существование. Все существа, отвергающие достижение регулярного бытия, должны вести паразитическое существование, они, чтобы идти дальше, должны где-то закрепиться. Существа, возникшие вследствие безнравственных действий, имеют особенное стремление вести паразитическое бытие, при этом они захватывают человеческую эволюцию на Земле под руководство Люцифера, которому они подчинились, причём

они захватывают эволюцию человека ещё перед тем, как он физически вступает в мир. Они нападают на человека в эмбриональном периоде и ведут паразитическое бытие в ещё не рождённом человеке в его жизни между зачатием и рождением. Некоторые существа, которые достаточно сильны, могут продолжить такое бытие, когда человек уже появился на свет; тогда мы их обнаруживаем в таких явлениях, которые могут выступать у некоторых одержимых детей. Вследствие паразитического бытия, которое ведут эти преступные демоны на ещё не рожденных людях, происходит то, что ухудшает преемственность поколений, что тайно вредит людям, как бы подгрызая их, так что они не могут стать столь же хороши, какими были бы они, если бы таких демонов не существовало. Всё то, что связано с деградацией поколений, племен, народов и наций, происходит по разным причинам, но также и потому, что эти преступные демоны ведут на человеке паразитическое бытие в том период, о котором я сказал.

Это вещи, которые играют большую роль в земной эволюции в целом; касаясь таких вещей, мы, как сказано, действительно касаемся глубинных тайн человеческого бытия. Некоторые предубеждения, некоторые воззрения напечатляются человеку ещё перед тем, как он через рождение вступает в бытие. И людей вследствие этого будут мучить сомнения, неуверенность в жизни, неуверенность во всем; это связано с тем, что такие демонические существа ведут такое бытие.

С тем, что развивает человек с момента выступления его «я», эти существа уже не могут сделать многого, но чтобы добиться большего, они развивают своё паразитическое бытие во время, предшествующее рождению человека, или ещё в первые детские годы. Так мы видим, что злые поступки тоже имеют значительные космические следствия, что они тоже способны творить, но это творчество обращено, так сказать, к старому лунному бытию. Ибо то, что проделывает человек в то время, о котором только что говорилось, когда эти демонические существа могут вести паразитическое бытие, является, в сущности, наследием древнего лунного времени, наследием, которое проявляется во всевозможных подсознательных инстинктивных поступках. Нечто, инстинктивно сохраненное самой физической наукой из более ранних, лучших времен, - то, что эта наука подсчитывает эмбриональный период у человека на Земле не обычными месяцами, но лунными месяцами и поэтому говорит о десяти

месяцах; она ещё знает и кое-что иное о связи этого развития с чередованием лунных фаз.

Так мы видим, что в нашем земном развитии содержится двойное: в добрых поступках - тенденция, работать и дальше над созданием земного вплоть до бытия Юпитера, для того, чтобы на Юпитере могло возникнуть то, что должно будет следовать за человеком как следующий человек. Однако вследствие злых поступков нашей эволюции одновременно напечатлется тенденция, которая снова возвращает Землю в древнее лунное время, делая её зависимой от всего, что связано с подсознательными импульсами. Если вы задумаетесь над этим, вы обнаружите многое, многое, что связано с такими подсознательными импульсами, причём гораздо больше таких импульсов существует в новое время у ставших материалистами людей, чем в то время, когда человек ещё не был столь материалистичен.

Я полагаю, что именно на примерах такого познания, какие были даны сегодня, выявляется то, что человек может почувствовать, насколько глубоко может проникать духовная наука в человеческие представления о жизни, что она поистине не является только тем, что даёт человеку теорию, но что она является тем, что в состоянии заново упорядочить жизнь человека. Придёт время, когда эти жизнь станет весьма хаотической, если люди не будут искать возможности упорядочить её на основе духовнонаучных познаний. Человек со своими познаниями должен высвободиться из той замкнутости познания, которое связано лишь с физической телесностью. Наше материалистическое время не желает иного познания, кроме того, которое связано только с физической телесностью. И то, что мы познаём сегодня как первые упражнения, упомянутые в книге «Как достигают познания высших миров?», постепенно становятся для человека чем-то естественным, - это «постепенно», во всяком случае, длиться долго, - становится чем-то таким, что человек, как нечто само собой разумеющееся причисляет к своей жизни. А именно: то, что мы называем мыслительной концентрацией, становится для человека чем-то естественным.

Человек будет всё больше и больше признавать необходимость действительно концентрировать себя мысленно, направляя всю свою душевную жизнь на остро очерченные мысли, которые он ставит перед своим сознанием. В то время, как в ином случае он позволяет своим чувствам блуждать от

одной вещи к другой, от факта к факту, он будет всё больше и больше, пусть даже на короткое время направлять мыслительную жизнь на определенную вещь, которую он избирает себе; он будет концентрироваться на определенной мысли, чтобы удерживать на этой мысли всю свою мыслительную жизнь. При этом человек будет получать опыт, опыт, с которым уже очень хорошо знакомы многие из вас. В ходе концентрации всем даётся определенный опыт. Если мы выдвигаем в центральный пункт сознания одну мысль и направляем на неё всю нашу душевную жизнь, концентрируемся на ней, мы замечаем, что мысль становится всё сильнее и сильнее. Но затем приходит пункт, где мысль более не становится сильнее, но где она слабеет и блёкнет. Это опыт, известный многим из вас. Она, эта мысль должна поблёкнуть, она должна как бы умереть внутренне. Ибо сначала мы, мысля, имеем мысль в том виде, где в качестве инструмента используется физическое тело. Вид нашей концентрации соответствует мышлению с использованием физического тела как инструмента; однако в тот момент, когда мысль, над которой мы концентрировались, умирает, мы выскальзываем из физического тела наружу.

Мы вообще переходили бы в бессознательное состояние, если бы параллельно с этой концентрацией не пытались делать нечто другое, благодаря чему мы, выскальзывая из нашего физического тела наружу, всё же сохраняем снаружи сознание. То, что мы должны делать, чтобы остаться снаружи в сознании, мы называем – вести невозмутимую, спокойную жизнь, невозмутимо принимать факты мира. Мы можем это благодаря тому, что как теория столь употребительно у нас; мы можем это, если вполне серьёзно принимаем идею кармы. Что это значит?

Сначала в жизни человек совершенно не склонен вполне серьёзно принимать идею кармы, брать её с собой. Если в жизни ему угрожает хоть малая опасность, которая его затрагивает, или, если ему встречается нечто иное, он иногда может впасть в ярость, это ему в любом случае антипатично. По отношению к тому, что мы называем судьбой, мы относимся с симпатией или антипатией. В обычной жизни это и не может быть иначе, тут совершенно необходимо, чтобы мы по отношению к некоторым событиям, которые мы причисляем к судьбе относились с симпатией, а к другим событиям того же рода – с антипатией. Судьба для нас есть нечто такое, что подступает к нам извне.

Если мы всерьёз принимаем идею кармы, тогда мы действительно должны познать наше «я» и нашу судьбу, нам должно стать ясно, что в том, что сталкивает нас с судьбой, действуем мы сами, что тут мы сами являемся, в сущности, актёрами. Конечно, если кто-то нас обидит, нам будет трудно поверить в то, что внутри этого обидчика мы помещаемся сами. Ведь в обычной жизни положено наказывать за обиду. Но мы всегда должны иметь в нашем внутреннем мире маленькую «каморочку», в которой мы придерживаемся того, что даже если тебя кто-либо обидел, так это ты сам, кто тебя обидел; если тебя кто-либо ударил, так это ты сам себя ударил, если тебя постиг критический удар судьбы, то это ты сам нанёс себе этот удар судьбы. – Мы забываем, что мы живём не только в нашей коже, но и внутри нашей судьбы, мы забываем, что мы во всех так называемых случайностях находимся внутри своей судьбы.

Очень трудно развить настоящее ощущение того, что человек подносит свою судьбу со своим собственным «я». Но верно следующее: мы приносим свою судьбу со своим собственным «я», и в жизни между смертью и новым рождением мы получаем импульсы в соответствии с нашими прежними инкарнациями, так что мы сами приносим себе нашу судьбу. И мы должны стремиться к тому, чтобы срастись с нашей судьбой, мы должны всё больше и больше, вместо того, чтобы антипатически предотвращать тяжёлый удар судьбы, говорить себе: вследствие того, что ты повстречал этот удар судьбы, то есть, ты сам себя встретил ударом судьбы, вследствие этого ты делаешь себя в некотором отношении сильнее, крепче, мощнее. – Так срастись со своей судьбой гораздо труднее, чем защищаться от неё, однако то, что мы теряем, если наша мысль умирает, мы можем обрести снова лишь тогда, если мы, таким образом, втянем в себя то, что находится вне нас. В том, что находится в нашей коже, мы не можем оставаться, если мысль при концентрации умерла в нас: эта мысль выносит нас наружу, если мы в истинном смысле охватили нашу карму, нашу судьбу. Тут мы снова пробуждаем себя. Мысль умирает, но то, что мы охватили как идентификацию нашего «я» и нашей судьбы, выносит нас наружу, оно разносит нас наружу в мир.

Это спокойствие, невозмутимость по отношению к нашей судьбе, правдивое принятие нашей судьбы - вот то, что дарует нам существование, экзистенцию, когда мы находимся вне нашего тела. Само собой разумеется, для этого не нужно

изменять нашу жизнь на физическом плане. Это мы можем не всегда. Но образ мыслей, который мы должны были развить в той «каморочке», в некоей маленькой камере, должен иметь место для того момента, в который мы действительно хотим найти возможность сознательно жить вне нашего тела.

Две фразы могут быть для нас руководящими, могут быть для нас чрезвычайно важными. Первая из них, которую мы как можно глубже должны вписать в себя, такова:

Стремись к умиранию мысли во Вселенной

Ибо только, если мысль умрёт во Вселенной, станет она снаружи живой силой. Но мы не сможем связать себя с этой живой силой, если мы не потрудимся над содержанием второй фразы:

Стремись к воскресению судьбы в «я»

Если ты это выполняешь, тогда ты соединяешь возрождённое в мысли, с «я», воскресающим, восстающим вне тебя.

Однако в человеческой природе есть многое, что затрудняет искать эволюцию в смысле этих фраз. Это трудно потому, что правильным образом увидеть отношение внутреннего ко внешнему, бывает особенно трудно для человека. Чем больше мы в этом отношении можем научиться этическому, - благодаря духовнонаучному мировоззрению, - тем будет лучше. Этическому посредством духовнонаучного мировоззрения мы можем научиться настолько, насколько некоторые этические понятия обретут кровь и внутреннюю жизнь благодаря тому, что может излиться в них из духовной науки.

Так, например, есть люди, которые постоянно жалуются на других людей, обвиняя их в том, что эти другие люди сделали им то или иное. Это доходит до того, что они говорят, будто бы другие люди их преследуют. Все такие вещи всегда связаны с другим полюсом человеческой природы, надо только правильно рассматривать жизнь, то есть рассматривать её таким

способом, какой предоставляет действительно понятая духовная наука. Кто идет по жизни, и чьи глаза становятся отчасти ясновидящими благодаря духовной науке, тот всегда обнаружит, - само собой разумеется, имеются причины жаловаться на отсутствие любви, но тем не менее он находит, - что, по большей части, на отсутствие любви жалуются те, кто сами являются эгоистами, и вера в то, будто бы все люди хотят им навредить или причинить зло, возникает, главным образом у эгоистических натур, в то время как натуры полные любви и способные на любовь, не легко придут к вере, что их преследуют, что им хотят причинить всевозможное зло, и так далее.

Да, когда высказывается нечто подобное, люди легко склонны теоретически согласиться. Я даже убеждён в том, что большинство людей теоретически согласится с этим, после того, как они немного подумают. Но дело в том, чтобы воплотить это в жизнь.

Может возникнуть вопрос: каким путём можно воплотить эти вещи в жизнь? - тут снова надо дать такой ответ: действительно идти в ногу, жить вместе с тем, где действительно ищут духовную науку, жить вместе, насколько это возможно. - Вот то, о чём здесь идет речь. Поэтому духовную науку нельзя давать в качестве компендиума или кратких отрывков; нет, надо пытаться сделать духовную науку живым потоком, внутри которого мы могли бы жить, так чтобы мы посредством него могли постоянно иметь согревающие нас побуждения.

Это, в сущности, привело к тому, чтобы для этого живого духовнонаучного стремления отыскать в нашем здании своего рода центральный пункт, которое так, каким оно является, - я это упоминал вчера, - благодаря своим формам, благодаря тому, как оно выполнено, давало бы нечто телесно-душевно-духовное в смысле нашей духовной науки. Само здание является истинным знаком того, что мы в соответствие с импульсами, которые мы можем познать из духовного мира, стремимся включить в эволюцию человечества как то, что необходимо для нашего времени, для того, чтобы ближайшее будущее могло развиваться правомерным образом. Это здание в своих формах содержит то, в чём можно ощутить существо духовной науки; этим и будет обусловлено то, что оно, это здание действительно сможет стать своего рода центром, своего рода точкой концентрации, чтобы кристаллизовать

вокруг себя те духовнонаучные стремления, которые должны стать столь необходимыми в эволюции человечества.

Часто могут говорить: наше время мрачно, в наше время живёт многое, что составляет резкое противоречие тому, чем может стать для человечества духовнонаучное мировоззрение. – Но, с другой стороны, наша карма должна позволить нам зайти настолько далеко, чтобы мы посмели преодолеть материальное в материале, служащем нашему зданию, чтобы оно также и во внешних формах являлось символом нашего духовного движения.

Каждый из нас может сказать себе то, о чём я сам часто должен был думать, особенно в виду нашего трудного времени, в виду той сильной враждебности, которую особенно испытывает в наше время то, что относится к духовной науке. Некоторые могут спрашивать себя, насколько далеко мы с нашим собственным личным элементом содействуем тому, что должно быть сконцентрировано вокруг нашего здания. Даже в том случае, если тот или иной не сможет физически присутствовать при том, что будет дальше физически происходить, концентрируясь вокруг нашего здания, то, что здание существует здесь, то, что наша карма принесла нам это здание - является важным шагом вперёд. И если подумать, что глубоко понимающий духовную науку, как, например Христиан Моргенштерн, даже после своей физической смерти остается связанным с тем, чем должно быть наше физическое здание, то мы признаем в нашем здании символ того, что действует в наше время внутри нашего спиритуального движения, для которого граница между тем, что называют жизнью и смертью, не имеет значения.

Мы можем чувствовать, что мы действительно срослись с этим зданием, и что оно может пробуждать серьёзнейшие мысли, которые совершенно естественны в такое время, как наше, когда материализм находится в своей высшей точке. Даже в том случае, если это здание должно будет содействовать тому или иному лишь как духовная сущность, здание будет важно для поступательного хода нашего движения, причём мы, само собой разумеется, высказываем это лишь для того, - вы меня потом поймете, - чтобы подчеркнуть всю серьёзность нашего движения, идущего выше смерти и жизни.

Эта серьёзность совершенно особенным образом выступает нам навстречу в эти дни. И если происходит одно, почему в

скором времени не может произойти кое-что другое? Чрезвычайно трудно достичь того, о чём я уже часто говорил, говорил даже в ходе этих лекций. Я обращал внимание на то, как надо пытаться строжайшим образом взвешивать слова, выбирать слова, высказывать их в точном, строго точном смысле с полнейшей ответственностью по отношению к духовному миру. Но также желательно и то, чтобы вы могли услышать эти слова, желательно и то, чтобы они были приняты.

Конечно, придут времена, когда, можно сказать, будет возможна большая беззаботность по отношению к потоку духовнонаучного мировоззрения. Но сегодня, когда мы стоим в самом начале, мы должны приучить себя, воспринимать эти вещи как исключительно серьёзные. Некоторое время назад я давал здесь сведения о кое-каких оккультных исследованиях, и о другом, что, как я считал, для некоторых могло бы быть полезным. Можно полагать, что оно могло бы оказаться кому-то полезным для понимания нашего настоящего, тяжелого времени. Однако именно то, что было дано, исходя из этого импульса, - конечно, то, чего я теперь касаюсь носит исключительный характер, но то, что я говорю, верно, - не везде принималось с достаточной осторожностью, с необходимым пиететом; оно то там, то тут пересказывалось снова, и, как выяснилось, в той форме, которая была прямой противоположностью тому, что высказывалось здесь.

Я имею в виду то, что не следовало бы понимать превратно, - ибо этот материал имеется налицо в одном цикле, - то, что сделали из (идеи) подразделения европейского человечества в отношении души ощущающей, души рассудочной или характера, души сознательной и «я», идеи, которая давалось поистине не ради выражения какого-либо превосходства. Когда я думаю над тем, что за фразы появились во внешнем мире, какую оппозицию и эмоции вызвали эти фразы, становится очевидным, что принцип - брать эти вещи совершенно точно, даже в трудных случаях, - тут совершенно не соблюдался. Если бы я когда-нибудь сказал: «то, что находится под воздействием «я» в отношении к европейскому населению, должно организуемым образом действовать среди этого европейского населения, - я бы сказал некий нонсенс. И, тем не менее, это, например, было вынесено в мир и встретило наихудшее непонимание, вызвало сильнейшие эмоции.

Ради того, чтобы выполнить мой долг в этом направлении, мне придётся в ближайшее время совершенно не касаться в

моих лекциях того, что связано с этими вещами. Я вынужден отказаться от всякого упоминания об этих вещах, так что то, что возможно каждому другому, а именно, - иметь право говорить что-либо о том или об этом, в той форме, которая соответствует положению вещей, - для меня сделали невозможным.

Все это дело показывает нам, что нам следует заглядывать в наши души, чтобы, насколько это возможно для нас, с полной серьёзностью рассматривать это духовнонаучное движение. Ибо порой мы совершенно не обращаем внимания на то, какую ответственность по отношению к каждой фразе, - если дело принимается всерьёз, - приходится брать на себя, когда идёт речь о настоящих, истинных духовных исследованиях и сообщениях о них. Духовная наука существует тут не для того, чтобы возбуждать эмоции; она также существует не для того, чтобы бороться путем эмоций или отвлекать от них. И если кто-то говорит, что указанные вещи сообщаются, чтобы с кем-то бороться, то он должен спросить себя, правильно ли используются такие вещи, не допускаются ли злоупотребления этими вещами, сообщения о которых сделаны с полной объективностью и с непорочной любовью к истине. Такие дела мне в моих оккультных переживаниях, и без того достаточно болезненных, ещё добавили боли. Даже если из-за этого не придётся касаться чего-то важного, даже если надо будет отменить, многое выпустить из того, что, как я полагал, должно быть рассмотрено в ближайшее время, тем не менее, для обсуждения остаётся ещё много такого, что для нашего времени важно и существенно.

*Восьмая лекция
Дорнах, 4 января 1915*

Пластически-архитектурные образы (2)

Архитектура первого Гётеанума. Кости черепа как преобразованные кости позвоночника. Кости человека как трансформация одной единственной формы. Видоизменения мертвого и живого. Все, даже крайне непохожие друг на друга облики являются метаморфозой одной и той же формы. Органическая связь модели котельной с основным зданием. Три формы ясновидения: пифическое, пророческое и духовнонаучное. Почему в оккультных обществах нарастает дисгармония, стремление к ссорам и обоюдному злословию. Гармония форм в здании и гармония отношений в Антропософском Обществе.

Сегодня в качестве исходного пункта мне хотелось бы начать с небольшого рассмотрения о помещении котельной, относящемуся к нашему зданию, и в нескольких словах изобразить архитектурный принцип этого помещения котельной. Если вы хотите рассматривать архитектурный принцип этого здания котельной, вы должны обратить внимание на то, что это здание сопряжено с общим комплексом Бау (Гётеанума) как часть, которая в некотором смысле тоже принадлежит Бау (Гётеануму). Сказанное: это нечто, принадлежащее Бау (Гётеануму), - должно быть выражено в художественном замысле Бау (Гётеанума), если эти замыслы правильны. Это не должно быть абстракцией, но должно быть выражено в художественной форме.

Речь идет о том, чтобы обратить внимание на следующее: как вообще обстоит дело с этими сопринадлежными формами? - Мы подойдем к рассмотрению этого вопроса ближе всего, если обратим внимание на ту великую творческо-художественную деятельность, наглядность которой мы обнаруживаем, если мы в состоянии рассматривать природу духовно, рассматривать природные творения как происходящие из духа. Поскольку такое рассмотрение представляет собой нечто относительно простейшее, мне хотелось бы направить ваш взор на те формы, которые выражаются в костной системе. Все остальные члены органических существ в их формах исследовать ещё труднее, чем приведенную в качестве примера костную систему человека.

Вы знаете, что на протяжении десятилетий моим стремлением было вызвать в мире понимание значительности того, что было достигнуто благодаря великим анатомически-

физиологическим открытиям, сделанным Гёте, что явилось, так сказать, вторым его величайшим трудом в этой области. Первого я сегодня не хочу касаться, я хочу указать лишь на второй. Это второе значительное открытие обязано своим появлением тому, что во внешнем материалистическом мире можно было бы назвать соединением случайности с гениальной человеческой натурой. Сам Гёте рассказывает, что однажды на прогулке в Венеции, оказавшись на еврейском кладбище, он нашел бараний или овечий череп, отдельные костные части которого распались по своим швам. Когда он поднял этот череп и рассматривал форму его костей, ему пришла в голову некая мысль, такая мысль: я разглядываю эти кости головы, но чем же, в сущности, они являются? Они являются видоизмененными, преобразованными костями позвоночника.

Вы знаете, что позвоночный столб, внутри которого как нервный тяж заключен спинной мозг человека, состоит из отдельных звеньев, из расположенных друг над другом позвонков, позвонков, сформированных определенным образом, у которых есть отростки. Если представить себе, что такой позвонок расширяется, расширяется как бы так, что то отверстие, через которое проходит спинной мозг, - ибо позвонки располагаются друг над другом, - становится всё больше, а кости соответственно утончаются, и тоже расширяются как нечто эластичное, расширяются не только в горизонтальном направлении, но также и в других направлениях, то из этих костей позвоночника возникает форма, являющаяся ничем иным, как формой костей, составляющих оболочку нашего черепа. Кости нашего черепа являются, следовательно, преобразованными костями позвоночника.

Если мы стоим на почве духовной науки, мы можем это открытие Гёте разработать ещё дальше. Сегодня оно может рассказать о более отдаленно построенных формах, рассказать о том, что все кости, которые вообще имеет человек, являются трансформациями, метаморфозами одной единственной формы. Этому не замечают всего лишь по одной причине; поскольку имеют слишком примитивные воззрения на то, что может возникнуть посредством преобразования, посредством переформирования. Если вы, я бы сказал, внимательно рассмотрите плечевую кость, плечевую кость трубчатой формы, - вы ведь знаете, как выглядят кость, - то она просто так не покажется вам похожей на кость, которую мы носим на голове. Это, однако, происходит только от того, что человек

недостаточно далеко ушел в размышлении об идее метаморфозы.

Сначала представляют, что такая трубчатая кость должна растопорщиться, раздуться, когда же она раздулась и внутри её образовалась полость, должна получиться черепная кость. Но дело с этой костью обстоит не так; нет, с трубчатую кость надо сперва вывернуть наизнанку, увидеть её сходство с черепной костью можно после того, как мы вывернем её как перчатку, у которой мы внутреннюю часть выворачиваем наружу. Однако, не правда ли, человек привык, выворачивая перчатку, что получившееся при этом выглядит похожим на прежнее; но ведь перчатка есть нечто мёртвое, если же мы имеем дело с чем-то живым, то это происходит не так. К примеру, если бы эта перчатка была чем-то живым, то при выворачивании произошло бы следующее. Возникли бы, например, некоторые изменения: большой палец и мизинец стали бы очень длинными, средний палец – очень коротким и так далее, плоскость ладони бы стянулась, сжалась и так далее. Вследствие выворачивания и вследствие различной эластичности вещества возникали бы совершенно различные изменения, короче, перчатка приняла бы вследствие выворачивания совершенно другую форму, несмотря на то, что оставалась бы всё той же перчаткой. Так что вы должны представлять себе, например, трубчатую плечевую кость вывернутой наизнанку; тогда из этого могла бы возникнуть черепная кость.

Вы должны представить себе, что мудрые Божественные власти в Космосе, когда они прикладывали для построения черепа необходимые для этого преобразующие силы, обладали большей мудростью, нежели имеет её сегодня гордый человек. Внутреннее единство всего природного основывается именно на том, что, в сущности, всё, даже крайне непохожие друг на друга облики, являются метаморфозами одной изначальной основной формы. В том, что способно жить, нет ничего, что возникло бы иначе, а не как преобразенная форма некой изначальной формы. При таком преобразении возникает затем нечто другое. Некоторые части основной формы будут представлять собой большую ценность, другие – меньшую. Отдельные члены увеличатся, причем увеличатся не в той же мере, как другие члены. Вследствие этого возникает несходства, которые все, тем не менее, являются преобразованием одной изначальной основной формы.

Давайте возьмем основную форму, которую я могу дать вам, если вы рассмотрите наше Бау (Гётеанум), в целом. То, что я должен сказать вам я могу обобщить схематически, обозначив при этом лишь одну из исходных точек, которые подлежат рассмотрению.

Рисунок 1

Если вы рассматриваете наше здание, наше бау, вы найдете, что это здание имеет сдвоенный купол, двойной купол, так что эти купола держатся на одном цилиндрическом фундаменте. Это здание с двойным куполом. Это существенно, ибо существование двойного купола на самом деле является выражением живого. Если бы купол был только один, то существо нашего здания было бы мертвым. Жизненность нашего здания выражается в том, что в некотором смысле один купол находит в другом сознательно отображенный образ, в том, что оба купола отражаются друг в друге, подобно тому, как то, что существует во внешнем мире благодаря человеку, отражается посредством органов чувств человека. Основная мысль двойного купола должна удерживаться во всём, что находится во внутренней, органической связи с нашим зданием, нашим бау, ибо то, что в какой-либо, пусть даже в скрытой форме, не несло бы форму двойного купола, не выражало бы наш основной строительный замысел, основную мысль бау. Вот почему в этом вспомогательном здании тоже должен быть в наличии двойной купол.

Но возьмем двойной купол с его вспомогательными сооружениями, пристройками. Мы, прежде всего, имеем то, на чьё значение часто указывалось: пересечение обоих мотивов куполов, что представляет собой нечто новое в зодческом искусстве и что было осуществлено благодаря инженерному содействию господина Энглерта. Это пересечение обоих куполов у основного здания имело особое значение по той причине, поскольку оно выражало глубинную, внутреннюю взаимопринадлежность того, что было обоюдным отражением. Я выражаю эту мысль об отражении, прежде всего, в абстрактной форме. В этом пересечении мотивов обоих куполов заложено бесконечное разнообразие, заложено бесконечно много. Лишь благодаря тому, что мы осуществили это пересечение мотива двойного купола, на дальнейшей

художественной стадии нашего здания осуществится то, что является отблеском наших духовнонаучных мыслей, нашедших выражение в этом здании. Итак, это пересечение, это проникновение имеется в основном здании. И если бы мы, так сказать упразднили это пересечение, разделили, разъяли купольные мотивы, мы в большей степени приблизились бы тем самым к ариманическому принципу. Если бы мы ещё больше сблизили их, вдвинули друг в друга, стали бы строить их так, чтобы они были вставлены друг в друга, то мы приблизились бы при строительстве здания к люциферическому принципу.

Речь идет о том, чтобы ариманический принцип был выделен во вне из этого здания. Итак, здесь в этой пристройке, в этом вспомогательном здании дело в том, чтобы отделить купола друг от друга; ибо даже здесь у этой вспомогательной постройки идея куполов выявляется. Представьте себе, что купола удерживаются отдельно друг от друга, представьте себе, что на одной стороне этот боковой мотив (северный портал основного здания) выражен совсем слабо, так что эта пунктирная линия отпадает, тогда как по другую сторону она увеличивается (к дымовой трубе). Представьте себе основное здание так, что здесь (на юге) находятся раздвинутые купола, здесь - выступающая спереди часть здания, здесь - все здание сдвинуто (см. рисунок 2, пункт «а»), здесь, напротив всё здание вместо сдвигания, отодвинуто (в), здесь (а) полностью редуцировано, вместо того, чтобы формироваться дальше. По другую сторону представьте себе её (выступающую переднюю часть здания на северном портале) особо разработанной: тем самым вы в основной форме имеете преобразенный мотив нашего основного здания, реализованный в относящейся к нему вспомогательной постройке. Ибо если вы представили бы себе это постоянное уменьшение с этой стороны (со стороны дымовой трубы) и возобновление с этой стороны, и сдвинули бы целое вместе, вы получили бы метаморфозу из вспомогательного здания в основное здание.

Это было показано на модели котельной.

Рисунок 2

Итак, речь тут идет о том, чтобы здесь мы имели некую подгонку, приведение в соответствие с тем, что должно здесь происходить, подгонку, осуществленную посредством метаморфозы нашего основного здания. Как кость позвоночника может произойти из той же самой основной формы, что и кость человеческого черепа, так, что можно представлять себе одно, как происходящее из другого, так же обстоит дело и с нашим главным зданием и вспомогательным помещением, о которых можно думать как о происходящих друг из друга посредством трансформации, преобразования. Идея формы, если она преобразуется, если она оживает, такова, что может из одной формы переходить в другую форму.

Мы действительно должны стать учениками творящих иерархий, которые творили посредством метаморфоза, и мы должны научиться, таким же образом подражать творящему принципу высших иерархий.

Рисунок 3

Однако, представьте себе, что здесь должна существовать сила, которая увеличивает (дымовая труба) то, что здесь на этой стороне (северный портал главного здания) проявляется как мало значащая боковая деталь. Если у вас есть маленький эластичный мешок, и вы хотите, чтобы он увеличился, вы должны изнутри раздвигать его в разные стороны, для того, чтобы он стал больше; должна быть сила, которое малое делает большим, которая его формирует. Итак, если здесь действительно должно будет растопыриваться такое боковое крыло, то растопыриваться оно должно посредством силы, которая здесь проникает его изнутри (см. рисунок 3, слева).

Что же это за сила, находящаяся тут внутри? Эти силы вы могли бы изучать в формах архитравов. Представьте себе, что силы, находящиеся в архитравах, перешли, перепрыгнули бы во вспомогательное помещение и стали бы напирать здесь: вы получили бы вот такую форму (дымовая труба и задняя стена). Надо только попытаться с мыслью о художественной форме вникнуть, отождествиться, проскользнуть в эти формы архитравов, обобщить их, растянуть их; надо представить себе, что вследствие такого проскальзывания, внедрения мы

растягиваем то, что внутри мало'. Тогда возникает такая форма (дымовая труба и задняя стена). Приобщиться к цельности в творчестве нельзя иначе, как попытаться внедриться внутрь самого предмета.

В этом проникновении, отождествлении с предметом, в этом нахождении внутри предмета заложено подражание творящим силам самой природы; только на этом пути возможно полностью преодолеть богооставленность современной индустриальной культуры. Дымовую трубу, реализованную по иным принципам, вы не можете представить себе в качестве продукта природного созидания. Она возникает тогда, когда отвергают божественно-духовные силы природы. Едва ли есть нечто, что в природе можно было бы сравнить с такой дымовой трубой, разве только спаржу, довольно-таки противное растение. Но это до некоторой степени исключение. То, что действительно произрастает, произрастает в смысле существующих на Земле сил, никогда не может быть подобным дымовой трубе и простираться вверх; но если вы заходите изучить силы, действующие вверх, вы могли бы изучать то, что соответствует этим скрытым силам Земли, на примере дерева, ствол которого растет не только вертикально в высоту, но должен ветвями распространяться по наружным сторонам. Конечно, не может быть и речи, чтобы в модели достичь непосредственного подражания, однако надо углубляться в те силы, которые излучаются от Земли и которые преодолевают чисто вертикальное направление древесного ствола, стремятся в ширину и выгоняют ветви. Тут имеющееся в пространстве, в Космосе внешнее разветвление, расхождение, служит основанием подобного разветвления (у дымовой трубы).

Так вплоть до мельчайших деталей, - а ведь я могу указывать только на самые общие, самые крупные принципы, - в каждой отдельной поверхности, я мог бы указать вам соответствие между этими принципами и этой архитектурной формой, но это длилось бы слишком долго.

Речь идет о том, что такая форма совершенна тогда, если она наполнена подобающим ей смыслом. Если вы теперь рассмотрите эту форму, то она ещё несовершенна. Она станет совершенной лишь тогда, когда внутри неё действительно будут топить, и из неё пойдет дым; он относится сюда же, он действительно принадлежит к этому, он мыслится как находящийся внутри такой архитектурной формы. Если человек когда-либо ясновидчески понаблюдает восхождение дыма через дымовую трубу, - а рассматривая что-либо

ясновидчески, узнают, что в физическом также содержится и духовное, - то при этом он будет также рассматривать духовность этого восходящего дыма. Ибо как вы имеете физическое, эфирное и астральное тело, так и дым имеет, по крайней мере, эфирную часть. Эта эфирная часть, однако, идет другим путем, нежели физическая часть: физическая часть пойдет вверх, но эфирная часть будет захватываться этими отростками, которые выступают вовне. Будет одновременно видно, как физическая часть дыма поднимается вверх, а эфирная часть дыма отклоняется в стороны. Тем самым, однако, - если это выражается в форме, - это будет соответствовать принцип всякого искусства, а именно: выражать внутреннее во внешнем, действительно делать внутреннее принципом внешнего.

Как сказано, мне пришлось бы очень о многом говорить с вами, если бы я захотел входить в те, весьма интересные подробности, которые лежат в основе этой архитектурной формы. К наиболее интересному относится то, что удалось как следует воплотить в этом современном материале, в бетонном строении то, что должно было быть выражено. Ибо предоставилась возможность, при формировании из этого современного материала идти всё дальше и дальше, создавая в этом стиле строения, которые служат современной ариманической культуре. Как раз это необходимо. Мне нет надобности входить в отдельные подробности, поскольку для меня дело в том, чтобы показать вам принцип этого здания и того, что с ним связано. Этот принцип может быть изменен во многих направлениях. Например, купол мог бы быть изменен, так что он уже не выглядел бы похожим на купол при чисто геометрически-математическом его рассмотрении, при рассмотрении, которое не является органическим, и так далее. Сегодня я хотел обсуждать только этот принцип: принцип внутреннего пересоздания и преобразования, принцип жизни в преобразении и в созидании. Я хотел привести это для того, чтобы показать вам, насколько истинное художественное созидание, будучи связано с нашей духовнонаучной мыслью, должно держаться вдали от всякой символической казуистики, так как эта символическая казуистика есть нечто внешнее. Речь тут идет о том, чтобы внутренне охватить то, что тут предложено и всей душой сопутствовать ему.

Когда здание будет готово, не хотелось бы всё снова и снова слушать вопросы: что означает то, что означает это? - а затем быть вынужденным выслушивать, как кто-то рад тому, что он, как он считает, нашел значение того или иного у данной вещи.

Вследствие таких толкований, касающихся всяких поэтических и литературных продуктов, мы, на некоторых окольных теософских путях доходим до курьёза. Так, например, Драмы толкуются таким образом, что об одном персонаже говорят, будто бы он означает Манас, про другой персонаж, будто бы он означает Будхи, про третий, - будто бы он означает Атман и так далее. Так, при желании можно истолковать всё что угодно. Но речь идет не о толкованиях такого рода, но о жизни в самой вещи, о том, чтобы идти вместе с творящим началом, которое как излияние высших иерархий пронизывает и формирует весь наш мир. Но поскольку это труднее, нежели символическое или аллегорическое толкование, поэтому не следует отказываться от преодоления этих трудностей, ибо оно приводит в духовный мир и является наиболее сильным побуждением, чтобы по-настоящему придти к имагинации, к инспирации и интуиции.

К преобразующим импульсам современности принадлежит и необходимость все более и более далеко идущего понимания (процесса) восхождения души человека в те регионы, которые открываются имагинативному, инспиративному и интуитивному рассмотрению. Ибо в тех сферах, которые раскрываются для этого наблюдения, заложено то, что только и делает наш мир единым, сводит его в единое целое, заложено то, что поднимает нас над чистой майей и вводит нас в истинную реальность.

Следует всё снова и снова подчёркивать; то, чему мы идём навстречу как новому духовному познанию, не может довольствоваться результатами прежнего ясновидения. Конечно, многие люди вытаскивают на свет это старое ясновидение, но время этого прежнего ясновидения уже миновало, и то, что может выступать у отдельных людей, есть лишь атавистические отголоски старого ясновидения. Но та ступень человеческого бытия, на которую мы должны взобраться, не раскроется, если будут подогреваться этим прежним ясновидением. Давайте попытаемся ещё раз рассмотреть то, что лежит в основе этого нового ясновидения. Мы уже часто указывали на принципиальные вещи, но мы хотим попытаться сегодня ещё раз указать на эти вещи с другой стороны.

Будем ещё раз исходить из того, что мы все знаем, из того, что человек в течение дневного бодрствования своим «я» и своим астральным телом живёт в своём эфирном и своём физическом теле. Но я уже подчеркивал в последние дни, что

это бодрствующее состояние человека от пробуждения до засыпания, не является, всё же, полным бодрствованием, что нечто гораздо больше в человеке всё ещё спит. То, что мы ощущаем как волю, действительно бодрствует лишь отчасти. Наши мысли бодрствуют от пробуждения до засыпания, но воля является чем-то, что мы реализуем на грезящем, сновидческом уровне. О свободе воли и о свободе вообще рассуждают так много и безрезультатно, поскольку люди не принимают к сведению, как то, что им становится известно о воле при дневной бодрственной жизни, является всего лишь сном, грёзой о волевых импульсах. Когда вы волите и имеете об этом какое-то представление, то вы, несомненно, бодрствуете. Но как осуществляется воля и переходит в поступок, об этом человек в бодрствующем состоянии в дневной жизни всего лишь грезит.

Если вы поднимаете кусок мела и представляете себе это поднятие мела, то вы, во всяком случае, можете представить себе это. Но как текут в руке «я» и астральное тело, как распространяется воля, об этом вы в чисто бодрствующем сознании без ясновидения знаете не больше, чем знаете вы о сне, когда вы спите. О воле как таковой человек может в обычной бодрствующей дневной жизни лишь грезить, причем в большинстве случаев мы даже не грезим, а просто спим. Как вы берете на вилку кусок пищи, вы можете ясно представить себе; как вы жуёте эту пищу, вы, до известной степени, можете также представить себе; но вот как вы абсорбируете, усваиваете эту пищу, вам даже не снится. В этом отношении вы по большей части находитесь в бессознательном состоянии, как находитесь вы в бессознательном состоянии по отношению к вашим мыслям, когда вы спите. Так что большая часть именно волевой деятельности в бодрственном состоянии производится в бодрствующем сне.

Если бы мы не спали по отношению к потенции наших желаний, и в отношении наших, связанных с потенцией желаний, импульсов чувства, то могли бы в первую очередь развивать одну своеобразную деятельность. Действия, которые мы выполняем, мы стали бы прослеживать вплоть до нашего тела, мы стали бы следовать за всем тем, что мы реализуем как волевые импульсы, следовать, отождествляясь со своим внутренним миром, следовать по пути нашей крови, по всем кровеносным путям. Это значит, что если мы могли проследить процесс поднятия куска мела по отношению к волевым импульсам, то стали бы по всему кругу кровообращения следовать за тем, что происходит в нашей руке; вы стали бы

изнутри разглядывать ту деятельность крови и чувства, которые связаны с этим; например, тяжесть куска мела и тому подобное вы стали бы созерцать внутренне, и тем самым убедились бы в том, что вы исследуете ваши нервные пути и находящиеся в них эфирные флюиды. Вы стали бы сопереживать себя по ходу деятельности крови и нервов. Это стало бы внутренним приятным восприятием деятельности собственной крови и нервов. От этого внутреннего наслаждения собственной деятельностью крови и нервов, мы, однако, должны быть избавлены, иначе мы стали бы проходить через нашу земную жизнь так, что хотели бы при всем, что мы делаем, испытывать внутреннее самонаслаждение. Наше удовольствие от нас самих вследствие этого повысилось бы до бесконечности. Однако человек, каким он когда-то стал, невозможно иметь это наслаждение.. И тайна, почему он не смеет иметь такое наслаждение, заключена в одном месте, высказанном в Библии; по отношению к этому месту мы всегда должны ощущать наибольшее благоговение. В соответствие с тем, что выражено в мифе о рае, человеку было разрешено вкушать от древа познания, но не от древа жизни. То внутреннее наслаждение было бы вкушением от древа жизни. Это не должно было бы произойти с человеком. Я бы не хотел сегодня далее развивать этот мотив, ибо это завело бы слишком далеко, но вы посредством собственной медитации могли бы ещё дальше развить то, что было обозначено здесь как мотив. Исходя отсюда, вы могли бы обратить внимание на нечто другое, что может быть важно для нас в эти дни: то, что мы не можем есть со древа жизни, означает, что мы не можем наслаждаться деятельностью крови внутри себя, наслаждаться нервной деятельностью внутри себя, - вот чего мы не можем. Когда мы познаём внешний мир именно посредством наших органов чувств и нашего рассудка, осуществляется нечто, связанное с таким внутренним наслаждением. При восприятии какой-либо вещи внешнего мира, а также при размышлении о какой-либо вещи внешнего мира мы по направлению к органам чувств, - то есть по направлению глаз, ушей, носа, вкусовых нервов, - следуем по кровеносным путям; когда же мы думаем, мы прослеживаем нервные пути. Однако мы не воспринимаем того, что можно было бы воспринимать внутри этих нервных путей и крови; нет, но то, что мы могли бы воспринять в крови, рефлектируется посредством органов чувств, отталкивается назад, отражается, вследствие чего и возникают ощущения органов чувств. А то, что осуществляется благодаря нервным путям, тоже рефлектируется, отбрасывается назад там, где эти

нервные пути заканчиваются, а затем зеркально отражаются в качестве наших мыслей.

Давайте допустим, что появился бы человек, который был бы в состоянии проследить, наблюдать свою кровь, - а затем то, что проделывает его кровь, сохранять, отражая, сохранять в отраженном виде, - который мог бы пролеживать свои нервы и сохранять в отраженном виде то, что эти нервы проделывают, - который мог бы выполнять все это не только под влиянием внешнего мира, но мог бы изнутри переживать то, в чем нам отказано по отношению крови и ощущающих нервов; внутренним образом переживать тенденцию крови по направлению к глазу и нервам, - то такой человек стал бы испытывать внутреннее наслаждение, - по крайней мере, по отношению к части крови и нервов. Вследствие этого возникают те образы, те картины, которые относятся в атавистическому внутреннему ясновидению. Ибо то, что отражается для нас, является всего лишь образами, как бы отфильтрованными образами того, что находится в нашей крови и в наших нервах. В крови и в нервах находятся Мировые тайны, но такие Мировые тайны, которые исчерпали себя из-за того, что мы вследствие них возникли. Мы знакомимся лишь с самими собой, когда знакомимся с теми имажинациями, которые даются нам, когда мы переживаем себя в нашем подступающем к органам чувств, кровотоке; если же мы вживаемся в нервы, подступающие к органам чувств, то знакомимся лишь с теми инспирациями, которые предназначены для того, чтобы формировать нас самих.

Однако, тем самым может основываться весь внутренний мир. Этот внутренний мир может быть суммой имажинаций. Но в то время как при восприятии внешнего физического мира мы, - соответствующим для нашего земного развития образом, - воспринимаем отражения и зеркальным образом наших процессов крови и нервов, мы можем - с наслаждением погружаясь в себя самих, - исходить не от органов чувств, но только доходить до того пункта, где кровоток впадает в орган чувств. Тогда человек переживает имажинативный мир так, что он как бы плавает в крови как рыба в воде. Однако в действительности, этот имажинативный мир не является внешним миром, но миром, который живёт в нашей крови. Если же человек живёт в нервах, которые доходят до органов чувств, он переживает инспиративный мир, мир музыки сфер и мир внутренних образов. Это снова нечто космическое, но оно не представляет собой ничего нового. Это всего лишь нечто,

исчерпавшее свою задачу, войдя в нашу нервную и кровеносную системы.

Так возникает это ясновидение; оно не выводит человека за свои пределы, но наоборот, вводит его ещё глубже в себя, является самонаслаждением, действительным настоящим самонаслаждением. Оно является причиной того, почему в людях возникает в некотором смысле высшая похоть, если они становятся ясновидящими, если они переживают новый мир. В целом надо сказать, что наступление этого ясновидения является возвращением на более раннюю эволюционную ступень. Ибо то, что я вам описал, как жизнь в собственных органах чувств и в крови, прежде не существовало в той форме, как оно существует теперь, однако нервная система уже была подготовлена. Тот способ восприятия был правомерным, регулярным восприятием человека на древней Луне; в том, что существовало тогда как подступы к нервам, он воспринимал себя внутренне. Кровь же ещё не была внутренне сформирована. Это было нечто, что в большей степени подступало к человеку извне как теплое дыхание, подобно тому, как к нам подходят солнечные лучи. Поэтому то, что здесь на Земле является теперь восприятием внутренней кровеносной системы, на древней Луне было регулярным восприятием внешнего мира.

Можно сказать так: если здесь (изображается на рисунке) проходит граница между человеческим внешним и внутренним миром, тогда то, что сейчас является нервом, было сформировано ещё на (древней) Луне. Проследивая нерв, человек мог воспринять то, что раскрывалось ему как внутренний имажинативный мир, содержащийся в нём. Он воспринимал, как он сам содержится в Космосе. Потом он также воспринимал имажинативно то, что вступало в него подобно дыханию извне, а не изнутри. Теперь это отпало; то, что было внешним на древней Луне, превратилось во внутреннее кровообращение в ходе земного развития. Вот почему это является возвращением к древней лунной эволюции.

Это хорошо, когда знают о таких вещах, поскольку всё снова и снова всплывает то, что таким образом возникает в ясновидении. То, что таким образом возникает при ясновидении, не нужно развивать на том трудном пути медитаций и концентраций, речь о которых идет в книге «Как достигнуть познания высших миров?». Ясновидение, возникающее вследствие того, что человек учится жить внутри

в своих нервах и в своей крови, учится наслаждаться самим собой, является, всего лишь, тонким совершенствованием органической жизни вообще, тонким совершенствованием того, что переживает человек, когда он ест или пьёт. Вот почему такое ясновидение, в сущности, действительно не является тем, которое, как задачу, имеет перед собой человечество сегодня; нет, оно является тем, что, можно сказать, возникает как тепличное растение, возникает вследствие того, что мы приводимся к рафинированному бытию того самонаслаждения, которое доставляет нам еда, питьё или нечто подобное. Как у гурмана, дегустатора вина, когда он пьёт «Рейнское» или «Мозельское», возникает внутреннее воздействие, которое, впрочем, может подняться лишь до вкусовой имагинации, не будучи сформировано, так и у некоторых людей возникает рафинированное внутреннее наслаждение; и в этом состоит их ясновидение.

Многое в ясновидении является не более, чем неким рафинированным, утонченным тепличным наслаждением жизнью. В наше время надо снова обратить внимание на эти вещи. Ибо, можно сказать, последним временем, когда ещё знали об этих тайнах, времени, когда в литературе говорили об этих вещах, была, в сущности, первая половина 19 века. Когда же наступила вторая половина 19 столетия, со столь величественно выглядевшими открытиями, открытиями, которые со своей точки зрения могли рассматриваться как величественные, понимание вышеуказанных вещей, понимание тонких взаимосвязей всего бытия было утеряно. Говоря в скобках, ещё не было утеряно наслаждение, наступавшее под влиянием, так сказать, более грубого само восприятия. У людей ещё оставалось то, что они могли жить под влиянием наслаждения после еды и питья; именно это выработали они до известной степени в век материализма.

Однако, относительно таких вещей человечество живёт в некоем циклическом, ритмическом движении. Во всяком случае, материалистический век может усилить впечатления, производимые едой и питьём, потому, что этот век уничтожает все, что существовало прежде как некое общее чувство, - проявление самодовольства, самонаслаждения в органах чувств, в нервной системе и кровообращении, существовавшие и раньше, могут усилиться. Можно с легкостью исследовать, весь этот перелом и подъём, произошедший в этом отношении в относительно короткий срок. Для этого достаточно лишь взять в руки столовое меню отеля в семидесятых годах, чтобы сравнить его с нынешним. Было бы видно, как продвинулась

вперед жизнь в утонченном наслаждении, в самонаслаждении, наслаждении собственным телом. Но такие вещи тоже происходят циклически, всё достигается лишь до известной степени и, подобно маятнику, который может отклониться лишь до известной точки, а затем должен возвратиться назад, так и чисто физическое наслаждение, достигнув определенного пункта, обращается вспять. Затем произойдет то, как если бы сластолюбцы и сладкоежки, то есть те, кто по большей части стремится к наслаждениям, стоя перед самыми лакомыми кусочками, не хотят их, но говорят: Ах! Я это уже не могу, для меня это слишком! – Это время тоже наступит, ибо в этом состоит необходимое условие развития. Всё протекает циклически.

Другую сторону жизни переживает человек в течение своего сна. При этом жизнь его представлений засыпает, и естественным образом возникают совершенно иные отношения. Я сказал, что первая половина 19 столетия была, в существенном, такова, что еще имелись прозрения в те вещи; имелось то ясновидение, которое возникает вследствие прослеживания путей нервов и путей крови; ещё в первой половине 19 века, вспоминая о некоторых отголосках, это называли пифическим ясновидением, ибо оно действительно было родственно тому, что лежало в основе пифического ясновидения в древности.

Другие отношения выступали в течение жизни во сне, так как человек со своим «я» и астральным телом находился вне физического тела и вне эфирного тела. В обычной жизни эти представления угашаются, стихают. Но человек от засыпания до пробуждения живет, постоянно испытывая жажду, вожделение по своему физическому телу. Сон состоит именно в том, что человек, начиная с момента засыпания, развивает вожделение к своему физическому телу. Оно поднимается до определенной высоты, и затем всё больше и больше стремится человека назад к физическому телу. Вожделение, направленное на собственное физическое тело всё больше и больше возрастает в течение сна. И поскольку это вожделение как туман пронизывает «я» и астральное тело, жизнь представлений заглушается, затуманивается. Представления приобретают сумеречный характер именно вследствие того, что жизнь вожделений по физическому телу подобно туману пронизывает «я» и астральное тело. Подобно тому, как мы не видим деревьев в лесу, если распространился туман, так не можем мы внутренне переживать жизнь наших восприятий, если над ними распространяется туман наших вожделений.

Но может случиться так, что эта жизнь вожделений во время сна станет столь сильной, что человек разовьёт эти вожделения, не только будучи вне своего физического тела и эфирного тела, но, до известной степени, станет таким алчным, что частично захватит внутренний мир своего физического и эфирного тела. Таким образом, он со своим вожделением подступит к крайним окончаниям своих нервных и кровеносных путей, он до некоторой степени через органы чувств погрузится в себя извне, погрузится в окончания нервных путей и путей кровообращения.

В древности, когда боги еще до некоторой степени помогали людям при таких переживаниях, такое явление было чем-то правомерным, было чем-то благим. Люди, которые совершали нечто великое для своего народа, как древнееврейские пророки, совершали то, что они совершали; они обладали пророческим даром потому, что использовали огромную любовь именно к крови и нервной системе своего народа, так что сами они в состоянии сна не хотели отдаляться от того, что жило в этом народе физически. Они, - эти пророки иудейской древности, - были охвачены таким жадным стремлением, наполнены такой любовью, что и во сне хотели быть связанными с кровью своего народа, народа, к которому они принадлежали. Тем самым они приходили к их дару пророчества.

Такова физиологическая основа, физиологический источник этого пророческого дара; только что описанное вызывало прекрасные, величественные результаты. Пророки отдельных народов являются столь значительными для своего народа именно потому, что они сами, будучи вне физического тела, только что описанным образом жили со своим физическим телом.

Как было сказано, до первой половины 19 столетия в жизни человечества ещё существовало некое сознание об этих связях. И если перед этим названное и характеризованное ясновидение называлось пифическим, то ясновидение, о котором я только что говорил, назвалось пророческим; в его случае человек с тем, что иначе должно было бы находиться в время сна вне физического тела и эфирного тела, оказывалось погруженным в кровь и нервные пути физического тела.

Исследуя литературу первой половины 19 века, вы найдете описания, - пусть даже не с такой точностью и пунктуальностью, как может это описывать новая духовная наука сегодня, - вы найдете описание пифического, и

пророческого ясновидения. Сегодня об этой разнице больше не знают, поскольку больше не могут понять то, что читают в книгах первой половины 19 века о пифическом и пророческом ясновидении. Однако оба эти вида ясновидения сегодня уже не таковы, чтобы действительно способствовать поступательному развитию человечества. Обе эти формы ясновидения имели ценность в древности. Сегодняшнее ясновидение должно в будущем развиваться всё больше и больше. Оно не может возникнуть ни вследствие того, что мы наслаждаемся тем, что во время дневного бодрствования пронизывает наше тело изнутри, ни вследствие того, что мы в состоянии, подобном сну погружаемся снаружи в это тело из любви, - не к себе самим, но к той части человека, к которой принадлежит наше тело. И то, и другое положение являются устаревшими.

Сегодняшнее ясновидение должно возникать так, что оно наступает как нечто третье; как нечто, не являющееся ни идущим снаружи любвеобильным захватом физического тела, ни идущим изнутри довольствованием этим физическим телом. Как то, что живет внутри и может довольствоваться нашим телом, пронизывая его изнутри, так и то, что внешним образом может вторгаться в наше тело снаружи, - и то, и другое должны выйти из тела; и то, и другое, - для появления сегодняшнего ясновидения, - должны, в пределах инкарнации между рождением и смертью, - быть связаны с телом лишь настолько, чтобы ни изнутри, ни снаружи не довольствоваться любовно кровью и нервами; нет, необходимо сохранять связь с телом при чистом отказе от такого самонаслаждения или самолюбования. Несмотря на это, связь с телом, безусловно, должна иметь место, ибо иначе это означало бы смерть. Человек должен оставаться связанным с телом, которое принадлежит ему в физической инкарнации на Земле, оставаться связанным с этим телом посредством тех членов, которые в некотором роде далеко, или, по крайней мере, относительно далеко отстоят от деятельности крови и нервной деятельности. Должно произойти высвобождение от деятельности крови и нервов.

Если человек больше не испытывает самонаслаждения ни внутренне, на путях, приводящих к его органам чувств, ни, проникая в себя снаружи вплоть до своих органов чувств, если человек как бы в состоянии поддерживать связь с самим собой, как изнутри, так и снаружи, поддерживать так, что он действительно может живо охватить в себе то, что для физической жизни является символом смерти, если он может связать себя с тем, что представляет собой заявку на

физическую смерть, - тогда он достигает рассматриваемого состояния. Ибо на физиологическом уровне мы умираем, в сущности, потому, что мы способны развивать в себе костную систему. Если мы в состоянии охватить то, что удивительное предчувствие в народе ощущает как символ смерти, то есть, костный остов, скелет, охватить то, что как костная система так далеко отстоит от кровеносной и нервной систем, тогда мы подходим к тому, что является более высоким в сравнении с пифическим и пророческим ясновидением, тогда мы подходим к тому, что мы можем назвать духовнонаучным ясновидением.

В этом духовнонаучном ясновидении мы уже больше не захватываем часть человеческой природы, но мы охватываем всего человека в целом. И, в сущности, безразлично, охватываем ли мы его изнутри или снаружи, ибо этот вид ясновидения уже не может быть наслаждением. Это уже не рафинированное наслаждение, но приобщение к божественно-духовным силам Вселенной. Оно идентично отождествлению с миром, единству с миром, оно больше не является переживанием человека и того, что приписывается человеку, оно является сопереживанием деяний существ высших иерархий, истинным выходом из самонаслаждения и самолюбования. И как наши мысли становятся членами нашей души, так должен и человек как мысль стать членом высших иерархий. Дать себя помыслить, дать себя почувствовать, дать себя воспринять высшим иерархиям - вот принцип духовнонаучного ясновидения. Стать приемлемым, не приемля себя.

Итак, относительно сказанного мною, я хотел бы пожелать, чтобы это по-настоящему стало предметом ваших дальнейших медитаций, ибо изложенное мною сегодня могло бы пробудить во всех вас многое, многое; это могло бы послужить ко всё более дальнему, далеко идущему проникновению в сущностный импульс нашего духовнонаучного течения. В эти дни часто шла речь о том, насколько серьёзным должно быть это проникновение в наше духовнонаучное течение. В рамках нашего духовнонаучного течения является не просто желаемым, но, я бы сказал, должно быть желаемым, - благодаря чему снова могло бы осуществиться нечто, - чтобы как можно больше людей приняли бы решение: в соответствии с жизнью размышлять над этой тройкой формой постижения высших миров, для того, чтобы возникали всё более и более ясные понятия о том, чего же мы все, в сущности, хотим, о том, что может быть с легкостью перепутано с тем, обладать чем удобнее, гораздо удобнее.

Поистине не напрасно работаем мы от цикла к циклу, чтобы соединять воедино как можно больше идей и понятий. Изучать эти понятия и идеи отнюдь не бесполезно, нет, в этом и состоит путь, чтобы подготовить в себе те душевные импульсы, которые ведут к настоящему духовнонаучному ясновидению. Человек, вследствие того, что он там и тут глотнул кое-что от даваемого в рамках нашего духовнонаучного течения, создает тут или там прореху, трещину в человеческой природе; при этом возникает нечто от пифического или пророческого ясновидения, так, что он может возгордиться, стать высокомерным в этом пифическом или пророческом ясновидении. Если это имеет место, тогда реализуются такие суждения, возникают такие мнения, которые частенько приходится выслушивать, когда один или другой говорят: мне нет необходимости изучать все отдельные подробности, я не нуждаюсь в том, что говорится в циклах. То, что я слышу об этих вещах, я уже совершенно точно знаю, я уже знал об этом, и так далее. - Многие ещё проникнуты принципом жить с парой имагинаций, которые можно назвать имагинациями крови и нервов. Но это вовсе не то, что может привести нас к неэгоистическому, самоотверженному сотрудничеству с эволюцией человечества; нет, такая задержка в имагинациях крови и нервов ведет к повышению уровня самонаслаждения, ведёт к рафинированному эгоизму. И затем может случиться так, что именно вследствие занятий духовной наукой возвращается более рафинированный эгоизм, нежели существует он во внешнем мире.

Само собой разумеется, при этом ни в коем случае не идет речь о присутствующих, как и об Антропософском Обществе, которое представлено тут. Но пусть будет позволено упомянуть, что есть общества, где находятся те или иные люди, которые, в соответствии с принципами этих обществ, подводятся не к тому, чтобы бескорыстно сотрудничать, но чтобы, как наиболее излюбленное принимать то, что там или тут возжигает имагинации крови или нервов, полагая при этом, что смогут достичь и другого. Потом они приходят к такому атавистическому ясновидению, или, возможно приходят не к нему, но только к чувствам, которые следует рассматривать как сопутствующие явления такого имагинативного ясновидения. Эти чувства не являются преодолением эгоизма, но высшим расцветом эгоизма. В таких обществах, - Антропософское Общество мы, вежливости ради, пропускаем, - можно обнаружить, - и это несмотря на то, что их долгом является развивать вплоть до глубочайших основ души любовь, согласие

и гармонию в отношении одного члена к другому, - можно обнаружить всё более нарастающую дисгармонию, стремление к ссорам, обоюдному злословию и так далее. Я позволил себе употребить такие выражения, поскольку я, как говорится, не имею в виду тех, кто принадлежит к Антропософскому Обществу.

Мы можем увидеть, что именно там, где должен был бы сиять сильный свет, отбрасываются и сильные тени. Дело не в том, что я хочу порицать такие вещи, что я верю в то, будто бы их можно искоренить не сегодня, так завтра. Этого сделать нельзя, ибо эти вещи возникают естественным образом. Но каждый может, по меньшей мере, работать над собой: было бы нехорошо, не направлять сознание на эти вещи.

Обязательно надо понять, что именно оттого, что какое-либо течение должно работать во вне, внутри таких обществ проявляются теневые стороны, и зачастую то, что бурно разрастается во внешней жизни, в таких обществах разрастается в ещё большей мере. Однако снова и снова горькое чувство вызывается тогда, когда такое выступает в обществах, которые естественным образом, - иначе не было бы и смысла иметь такое общество, - должны развивать известное братство, солидарность; однако как раз вследствие того, что люди близко сходятся, такое близкое схождение способствует более интенсивному развитию известных качеств, которые во внешнем (мире) существуют лишь мимолетно. Поскольку Антропософское Общество мы исключаем из рассмотрения, ибо оно присутствует, представлено здесь, у нас будет больше возможностей совершенно объективно, как бы безучастно размышлять над этими вещами, осмысливать их, чтобы интенсивно ознакомиться с ними. И когда нам придется обнаружить их где-либо во внешнем мире, рассматривать их никак иначе, а именно так, чем они являются. И если кто-либо полагает, что он понимает антропософию особенно глубоко, но при этом, всё же проявляет указанные свойства даже не так, как они выступают во внешнем мире, а много интенсивнее, не надо верить, предаваться вере в то, будто бы это непонятно. Надо знать, что это вполне понятно, но с проявлением таких качеств мы должны бороться. Однако бороться с ними мы сможем только тогда, если действительно поняли их.

Это тоже нечто, показывающее нам, как жизнь связана с тем, что является духовнонаучным мировоззрением, что духовнонаучное мировоззрение только в том случае сможет по-настоящему достигнуть своей цели, если оно будет понято как

воззрение на жизнь, как искусство жизни, если оно будет вноситься во всю жизнь. Как было бы прекрасно, если бы все отдельные жизненные проявления, выявляющиеся в Антропософском Обществе, находились в таком же созвучии друг с другом, попытка к которому была предпринята с формами нашего здания, где отдельные формы переходят друг в друга и все находятся в созвучии друг с другом; если бы и в жизни могло быть так, как это имеет место в здании, в Бау, если бы вся жизнь в нашем Обществе могла быть такой, какой мы хотим иметь её благодаря прекрасному взаимодействию того, что задействовано в здании, тогда и наша работа в здании являлась бы чем-то гармоническим, благородным, являлась бы выражением того, что выражает само это здание.

Внутренний смысл жизненного принципа нашего здания и внутренний смысл взаимодействия душ, - ну, об этом мне не хотелось бы говорить, - внутренний смысл взаимодействия форм нашего здания должен был бы проложить путь во вне, во все жизненные отношения в нашем Обществе; этот внутренний смысл в своё внутреннем построении должен предстать перед нами как идеал. Я только должен заверить вас, что я не обмолвился, когда только что произнес эту фразу; я произнес её вполне осознанно; порой оказывается сказанным и то, чего человек не говорил.

Однако обобщая то, что я, так сказать, самым разным образом варьируя тему, сообщил в этой теме, то, что я особенным образом хотел заложить в ваши сердца, состоит в том, чтобы вы приняли не только мысли и идеи духовной науки, посредством которых результаты духовных исследований предстают перед вашим рассудком и перед вашим разумом, но чтобы вы приняли в своё сердце то, что живёт в духовной науке. Ибо от этого поистине зависит благо грядущего поступательного развития человечества. Это можно сказать без преувеличения, и увидеть это сможет тот, кто пытается хоть немного исследовать импульсы нашей эволюции и знаменья нашего времени. Пусть на этом будет завершена серия лекций, предпринятых мною, чтобы отметить перед вами оборот года.